

АНДРЕЙ
ПОСНЯКОВ

Фэнтези-коллекция

Гладиатор

Тевтонский Лев
Золото галлов
Мятежники

Фэнтези-коллекция (АСТ)

Андрей Посняков

**Гладиатор: Тевтонский
Лев. Золото галлов.
Мятежники (сборник)**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Гладиатор: Тевтонский Лев. Золото галлов. Мятежники (сборник)
/ А. А. Посняков — «АСТ», 2016 — (Фэнтези-коллекция (АСТ))

ISBN 978-5-17-096938-8

Тевтонский Лев – великий боец, и мало кто знает, что на самом деле этот неукротимый гладиатор носит галльское имя Беторикс... но и это – тоже прозвище. Тевтонский Лев – никакой не галл, не германец, не римлянин, он русский, наш современник, рожденный в конце двадцатого века и оказавшийся в этой страшной и смутной эпохе лишь по глупой случайности... или – по чьей-то злой воле... В Римскую Галлию его привели римляне, привели как пленника, как раба, и тут же продали владельцу захудалой гладиаторской школы, который дал новому бойцу звучное имя – Тевтонский Лев – и выпустил его на арену, где Беторикс снискал славу, деньги... и любовь девушки со странным именем Алезия, прозвавшей его «человек ниоткуда». И теперь самое главное – сражаться с судьбой, бежать, обрести свободу... самое главное для двоих, но у Беторикса-Виталия есть еще одно важное дело – вернуться обратно, в свое время. И, конечно же, любимую нужно взять с собой. Удастся ли задуманное? Кто знает, ведь на пути героя встали легионы Великого Рима и кровавые кельтские жрецы-друиды.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096938-8

© Посняков А. А., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Тевтонский Лев	7
Глава 1. Лето. Туманный бор	7
Глава 2. Лето. Окрестности Туманного бора	17
Глава 3. Лето. Туманный бор и окрестности	35
Глава 4. Лето. Ферма	47
Глава 5. Лето —? Холмы, озера, леса...	63
Глава 6. Ноябрь – декабрь 53 г. до Р. Х. Нарбо-Марциус	76
Глава 7. Зима 53–52 гг. до Р. Х. Нарбо-Марциус	90
Глава 8. Зима 53–52 гг. до Р. Х. Нарбо-Марциус	102
Глава 9. Январь 52 г. до Р. Х. Нарбо-Марциус	118
Глава 10. Зима – весна 52 г. до Р. Х. Нарбонская Галлия	133
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Андрей Посняков
Гладиатор: Тевтонский Лев.
Золото галлов. Мятежники
(сборник)

© Андрей Посняков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Тевтонский Лев

Глава 1. Лето. Туманный бор

Галльская война

Беторикс прищурился от солнца – окружающая местность, по крайней мере здесь, названия своего не оправдывала. Бор имелся, но вовсе не туманный, а наоборот, светлый, почти без подлеска, просматриваемый насквозь. Сейчас видно было, как за соснами блеснули шлемы. Донеслись голоса...

– Там римляне! – Беторикс взмахнул мечом, длинным и тяжелым, совсем не похожим на куций римский гладиус.

Доброе галльское оружие! Уж сегодня-то сей звенящий клинок вдоволь напьется крови!

– Эпоред, Камулоген, Бривас! – Обернувшись, Беторикс кивнул десятникам. – Нападаем сразу. Главное, не дать им построиться.

– Понял тебя, вождь, – ухмыльнулся Эпоред, кудрявый молодой парень, любимец окрестных женщин. – Тогда поспешим.

Беторикс первым поднялся на ноги и побежал к лесу, таясь за кустами и чувствуя, как за ним, не отставая ни на шаг, несутся славные воины сотни.

Десятники, конечно, впереди – красавчик Эпоред, хитроватый чернявый Камулоген, здоровенный Бривас, вооруженный огромной дубиной. Почти все галльские воины были облачены в серебристые кольчуги, украшенные изображениями священных животных: у Беторикса сиял на груди золоченый трехрогий бык, Эпоред горделиво поглаживал серебристого оленя, здоровяк Бривас вообще не имел кольчуги, идя в бой, как древний герой, с обнаженной грудью. Впрочем, ее тоже украшали татуировки, любимые галлами геометрические узоры: круги, треугольники, свастика – символ животворящего солнца. У всех воинов имелись остроконечные шлемы; в мирное время галльские герои просто зачесывали свои гривы назад и укрепляя известковой водой, чтоб не развалил ветер.

Длинные мечи, короткие копья, у простых воинов – овальные щиты, обтянутые дубленой бычьей кожей. На плечах у вождей – плащи-сагумы, заколотые на груди бронзовой фибулой. Беторикс носил небесно-голубой, Эпоред – мерцающе-зеленый, Камулоген – пунцово-красный. Бривас же особенно гордился своим – солнечно-желтым, богато украшенным вышивкой. Крепкие кожаные башмаки, удобные штаны-браки... Беторикс усмехнулся: голоногих римлян, верно, всюю жалят комары.

Чу! Вот впереди тревожно зазвучал рог. Заметили!

Что ж, больше нет смысла таиться и можно прибавить шаг – что галлы и сделали со всем своим бесшабашным упорством.

Закричали, заулюлюкали: видели уже, что римская центурия ну никак не успевала выстроиться – мешали деревья. А поляна была далеко, да и та слишком мала и совершенно непригодна как место битвы. Кто же мог предположить, что Беторикс решится дать сражение прямо здесь, в лесу?

Римляне ничего подобного не ожидали, а натиск выскочивших из-за деревьев галлов был страшен! Сохранить строй оказалось невозможно, битва сразу рассыпалась на ряд поединков, а уж в них славные воины галльского племени арвернов не знали себе равных, в отличие от

римлян. Впрочем, те тоже старались – куда им было деваться, не бежать же с позором? Тем более что по численности силы были примерно равны.

Опа!

Беторикс схватился с центурионом, которого узнал по шлему, украшенному высоким султаном из перьев, по золоченым бляшкам на пластинчатых латах, называемых лорика сегментата, по ножнам, висевшим слева, а не справа, как у простых легионеров (тем слева мешал щит, а командиры щитов не носили).

И вот сошлись... Беторикс нанес удар первым, с разбега, махнул с оттяжкой, метя в шлем, – попал. Ах, какой звон пошел по всему лесу! Душа радовалась.

А ну-ка, получи!

Еще удар, еще, еще... Обычно римляне не очень-то хорошо бьются вне строя, их почти не учат индивидуальному бою – всякие хитрые закрученные удары и отбивки больше пристали какому-нибудь презренному рабу-гладиатору, нежели римскому гражданину! Легионер должен сражаться в строю, в составе центурии, когорты, чувствуя локоть товарища. Центурия действовала, как единый организм, однако сейчас, благодаря хитрости Беторикса, у нее такой возможности не было.

Однако центурион оказался бывалым воином и отличным бойцом! Успешно отразив первый натиск, он сам перешел в атаку, и хищное жало меча не раз и не два уже сверкнуло перед самым горлом гордого галла. И это был не гладиус, а длинная кавалерийская спата; гладиусом обычно кололи, спатой же можно было и рубить, что римлянин и делал, однако Беторикс успел подставить щит под удар.

Звон! Снова звон! И скрежет! И искры, такие яркие, что казалось, сейчас загорится весь этот Туманный Бор! И за что его только прозвали туманным?

Снова удар! Ага, вот враг отскочил в сторону, закружил, примериваясь, затем резко ударил. Беторикс пригнулся, и меч врага переломил ветку сосны позади. Резко запахло смолой.

– Легион – миа патриа! – злобно прищурившись, выкрикнул центурион. – Мое Отечество – легион!

Снова рванулся в атаку, ударил...

А это было неправильно! Все! Не нужно больше позволять ему нападать.

– Граннос и Сирона! – сверкнув мечом, вождь галлов призвал на помощь богов ручьев и озер. – Луксовий и Бриксия! Эпона!!!

Эпона – богиня в облике кобылы, покровительница всадников, а Беторикс был всадником, как и любой галльский аристократ. Правда, этот центурион, скорее всего, тоже, ведь и у галлов, и у римлян «всадник» – это сословная принадлежность.

Снова удар, и снова... И солнце играло на лезвии – жаль, не кровь! Пока еще не кровь...

О, меч в руках Беторикса сверкал, словно молния! А вот закружил, так что не стало видно и клинка – одно сияющее солнечное колесо... И вот – удар!

Сорванный с головы римлянина шлем полетел наземь, укатился, подпрыгивая на ухабах, куда-то в папоротники. Кто-то из бившихся недалеко галлов с удовольствием пнул его!

Центурион побледнел и, состроив жуткую гримасу, бросился в контратаку. И вновь скрестились клинки, высекая искры, и сверкнули ненавистью глаза.

Вождь галлов не смотрел в глаза сопернику, а взглядом словно пронизывал того насквозь, угадывая и даже предугадывая любое движение. Вот римлянин дернулся влево – и Беторикс вовремя подставил щит, отразил выпад и тут же ударил сам.

Центурион явно устал – тяжело дышал, темные волосы слиплись, по лбу и щекам обильно лился пот.

Галл ухмыльнулся, краем глаза посматривая на бившихся рядом своих. Римлянам сейчас приходилось туго! Лес наполнился звоном мечей, криками, стонами и проклятиями. Кудрявый Эпоред, справившись с одним врагом, уже бросился на другого, Камулоген рычал, словно

разъяренный лев, лихо нанося удары, а вот здоровенный детинушка Бривас, похоже, вообще разогнал всех противников и теперь высматривал новых, помахивая дубиной. Желаящих схватиться с ним что-то не находилось.

Дзин-н-нь!!! Лезвие вражеского меча разящей молнией обрушилось на левое плечо Беторикса – а вот не отвлекайся, не глазей по сторонам! Хорошо, успел-таки среагировать – не щитом прикрыться, так хоть отпрыгнуть. Однако еще один подобный удар, и...

Побелев от ярости, Беторикс призвал на помощь богов. И призывал с каждым ударом, так дровосеки обычно «хэкают» опуская топор. Хэк! – удар. Хэк – удар!

– Таранис!!! – Ах, с какой силою обрушился клинок и тут же взвился снова. – Езус!

Удар! Скрежет!

– Тевтат!

Вообще-то это были боги паризиев, а не арвернов, но Беторикс призвал и их. И ведь помогло! Вождь галлов молотил своим мечом, словно тяжелым цепом по колосьям – на! на! на!

Выдохшийся центурион больше не предпринимал попыток атаковать, лишь по мере сил отбивался, и ясно уже было – долго ему не продержаться.

И вот новый удар – со всей силы! Соперник подставил меч – и лезвие его с хрустом переломилось. Римское железо не выдержало столкновения с разящей кельтской сталью!

И тут же острие меча Беторикса уперлось врагу в шею:

– Ты – мой пленник!

Центурион лишь устало кивнул.

– О, мой вождь! – С дубиной на плече вышел из-за сосны Бривас. Не торопясь, вразвалочку, подошел, ухмыльнулся: – А мы уже все. Закончили.

– Хорошо. – Беторикс растянул губы в довольной улыбке. – Этот центурион – мой пленник.

– Славное дело, вождь! Его голова будет достойным украшением твоего жилища!

– Поистине так! Эй, кто-нибудь! – Вождь подозвал одного из своих воинов, паренька явно из бедняков – полуголового, в одних лишь браках, вооруженного коротким копьем. – Свяжи его и не отходи ни на шаг!

– Слушаюсь, мой вождь.

– Что там с остальными? – Чуткое ухо вождя уже не различало шума битвы.

– Враги с позором бежали! – Опустив дубину, Бривас гулко расхохотался. – Хваленая римская сотня. Ты оказался прав, вождь!

– Есть пленные?

– Мы их не брали, к чему возня?

– Хорошо. – Поглядывая на центуриона, Беторикс задумчиво кивнул. – Наши потери?

– С десятка убитых и примерно столько же раненых. Слава богам, не так много.

– Слава богам! – Вождь галлов вложил наконец свой меч в богато украшенные ножны, обтянутые зеленым сафьяном.

– Что будешь делать с пленным? – вскользь поинтересовался детинушка.

Беторикс пожал плечами:

– Как и всегда, отдам богам. Хотя, – вождь хитро прищурился, – можно будет и обменять на кого-нибудь из наших. Скажем, на твоего брата, славный Бривас. Он ведь в плену?

– Да, собаки-римляне напали на них спящих. Мххх!!! – Здоровяк грубо выругался и взмахнул дубиной. – Иначе б мой брат...

– Твой брат – великий воин, – Беторикс успокаивающе положил руку детинушке на плечо. – И, клянусь, этот центурион... Думаю, римляне пойдут на обмен.

– О, мой вождь! – Опираясь на дубину, Бривас опустил на одно колено. – Клянусь всеми богами, если ты...

– Успокойся, дружище. Какие меж нами счеты? Вот только не будет ли против Друид?

– Не будет, – уверенно ухмыльнулся здоровяк. – А если и будет, мы ведь можем ускорить его встречу с богами.

– Ты прав, славный Бривас. Надеюсь, римлян никто не преследует?

– Ты же запретил! Иначе нашлись бы горячие головы, угодили бы прямо в ловушку.

Поблизости затрещали кусты – это явились остальные десятники, Эпоред с Камулогеном.

– Жаль, что ты запретил их преследовать, вождь! – Эпоред разгоряченно сплюнул. – Взяли бы немало трофеев! Великие боги были бы довольны.

– Вождь прав! – Чернявый Камулоген быстро скосил глаза. – Я велел всем воинам ждать нас у ручья.

– Правильно, – сухо кивнул Беторикс. – А ты, дружище Эпоред, еще слишком молод. Пойми, римляне оказались здесь, в этом бору, вовсе не случайно.

Кудрявый красавец вскинул глаза:

– Ты полагаешь, мой вождь...

– Да! Они точно знали, где нас искать. И если бы мы не упредили удар, боюсь, опомнились бы не скоро.

– Но раз так... – Эпоред задумчиво наморщил лоб. – Значит, кто-то из наших...

Вождь оглянулся и махнул рукою:

– Ты верно все понял, дружище. Среди нас есть предатель!

– Это, должно быть, Видум, битуриг! – пылко воскликнул Бривас. – Никогда не доверял битуригам, все они – собаки римлян.

– Нет, – Беторикс покачал головой. – Не все. Многие битуриги не поддерживают своих вождей, склонившихся перед эдуями, а вот те как раз и есть римские собаки!

– Эдуи – предатели, ясно, – согласно закивал здоровяк. – Но и битуриги под их лиру пляшут.

– А еще белловаки, сеноны, паризии, – грустно усмехнулся Камулоген. – Все они поклялись эдуям в верности.

– Точнее сказать, их вождю, хотя друиды эдуев были против столь нежной дружбы с римлянами, как и собрание всадников. – Беторикс кивнул и обернулся в сторону пленного и его охранника. – Эй, парень, как там тебя?

– Дуген, мой вождь.

– Вот что, Дуген, отведи центуриона к ручью. И скажи всем, пусть приведут себя в порядок и готовятся к маршу.

– Понял, великий вождь! – Поклонившись, молодой воин ткнул пленника тупым концом копья. – Пошел, римская собака!

– Я не ослышался? – Камулоген пристально посмотрел на вождя. – Ты сказал, готовиться к маршу?

– Да, – сухо отозвался Беторикс. – Нам нельзя больше здесь оставаться. Разбили эту центурию – вскоре появится другая, а затем и когорта, легион! Римляне знают, что мы здесь, и сделают все, чтобы нас уничтожить. Поэтому мы пойдем вдоль ручья и явимся в крепость со стороны озера.

– С озера? – удивленно переспросил Эпоред.

– Боишься утонуть? – Вождь язвительно усмехнулся. – Или не умеешь плавать?

– Я плаваю как рыба!

– Не забывайте о предателе – в урочище нас может ждать засада!

– Но... – Эпоред тряхнул кудрями. – Если предатель здесь, с нами, как мы пойдем?

– А так и пойдем – ножками, ножками, – поправив сагум, Беторикс рассмеялся. – У нас тут все на виду, и никто не сможет отстать, чтобы передать сообщение римлянам.

– Это верно, – взмахнув дубиной, ухмыльнулся Бривас. – Если кто покажется мне подозрительным... У-у-ух!!!

– Причем не забывайте, – вождь поднял указательный палец. – Только мы с вами, четверо, знаем, куда идем.

– Но многие могут догадаться!

– А мы всем скажем, что уходим в болота за озером. Кто подумает, что мы таким путем идем в крепость? Ведь придется сделать крюк длиной в четыре лиги, да еще потом переплывать озеро.

– Там где-то деревня, вождь. Могут быть лодки.

– Деревня? – Беторикс покачал головой. – Здесь нет жилых деревень, все давно заброшены, а лодки рассохлись.

– Тогда давайте сделаем плоты!

– А вот это неплохая идея, клянусь богами болот! – Вождь подмигнул десятникам и весело засмеялся. – Ну вот, все и решили. В путь! Воины ждут нас.

Помолясь богам в небольшой рощице, двинулись. Миновав бор, называемый Туманным, но сейчас залитый нестерпимо сияющим солнцем, галльский отряд зашагал вдоль неширокого ручья, углубляясь все дальше и дальше в самую непроходимую чащу. Мачтовые сосны сменились темными елями, ветвистой осинкой, густым орешником, буреломом и почти непроходимыми зарослями малины, жимолости и дрока. Идти столь сумрачными местами оказалось не очень-то легко, к тому же и день выдался безветренный, душный. Хорошо беднякам, кто шел без кольчуги, в одних браках, хотя и у них свои трудности: нещадно жали комары и слепни.

– Слава богам, что такая погода, – подбадривали воинов десятники. – Вот если бы вдруг зарядил дождь, было бы много хуже.

Впереди, в авангарде, двигался десяток Эпоред – его парни всегда считались разведчиками. Высмотреть, нет ли поблизости на пути врагов да и вообще каких-нибудь подозрительных людишек, присмотреть местечки, удобные для отдыха или ночлега, – все это задачи людей кудрявого вожака.

Основные силы сотни двигались следом, замыкал же их десяток дубинщика Бриваса. С ними сейчас шел и сам вождь – ждали возможной погони, и именно здесь было самое опасное место. Пленный центурион, сопровождаемый парнишкой-охранником, уныло шагал в центре.

Двигались довольно быстро – вдоль ручья вилась едва заметная тропка, то ли охотничья, то ли звериная, а скорее всего, и то, и другое. В сырых местах то и дело попадались заросли папоротников, а кое-где под корягами опасно шипели змеи. Впрочем, вскоре пошли места более сухие и светлые – елки стали заметно ниже, пушистее, снова появились сосны, а за ними рябина, и клен, и липа. Ручей расширился и уже журчал потише, над прозрачной холодной водицей склонились ракиты и плакучие ивы.

– Вождь! – У раскидистой сосны поджидал Камулоген. – Мои воины спрашивают насчет охоты.

– Нет! – резко возразил Беторикс. – Не так уж долго нам и идти. Каген! – вождь подозвал шагнувшего позади молодого парнишку, совсем еще мальчика. – Беги к Эпореду, скажи, пусть начинают присматривать место для привала.

– Слушаюсь, мой вождь.

Мальчишка исчез в кустах – худенький, патлатый. Меж лопатками его синел трехрогий бык – знак покровителя рода.

Короткий отдых устроили у подножия крутого холма, выставив на вершине стражу. Посидели, обмылись в ручье и вскорости зашагали дальше – Беторикс хотел оказаться у озера до наступления ночи.

Так и вышло, благо идти было недалеко – всего-то четыре лиги! Римский легион за день обычно проходил пятнадцать, но галлы всегда двигались быстрее. Вот и к озеру вышли даже раньше, нежели рассчитывал вождь, и это было неплохо.

Неширокое, в полтора шага, озеро, однако, было вытянуто в длину лиг на десять, и отряд Беторикса приблизился к нему с севера. Крепость же находилась на южной оконечности, то есть до нее оставалось десять лиг. По воде добраться туда получилось бы быстрее, кабы было на чем; леса по берегам тянулись нехоженые, заросшие густым подлеском, будто физиономия давно не брившегося алкоголика щетиной. Наверное, есть какие-то тропы, но искать их некогда.

– Что будем делать, вождь? – Подойдя, Камулоген сел рядом на камень, всматриваясь в рыжее солнце, клонившее к закату. – Может быть, заночуем? По берегу не пройдем, пусть даже ночи и светлые. Ноги переломаем запросто.

– Да, запросто... – Беторикс задумался и вдруг вздрогнул. – Слышишь?!

Десятник тоже наострил уши, даже привстал:

– Охотничий рог!

– Здесь нет охотников, раз нет селений. Собачий лай!

– Да, – Камулоген согласно кивнул. – Это римляне. Идут по следу! Но как они узнали?

– Кто-то оставил знак... И я сейчас догадываюсь где!

– В роще, где молили богов об удаче?

– Именно!

– Но... это же святотатство!

– Видно, предатель верит теперь не в наших богов, а в римских! – Вождь резко поднялся, поправляя кожаную перевязь с мечом.

Такие, как Беторикс, нравились женщинам во все времена: это был высокий и красивый парень двадцати шести лет, стройный, мускулистый, не такой сильный, как детинушка Бривас, зато куда более ловкий. Длинные светлые волосы его, по древнему галльскому обычаю, были зачесаны назад и падали на плечи лошадиной гривой, лицо чисто выбрито. Любимых многими вислых усов Беторикс не носил – говорил, смеясь, что целоваться мешают. Серые глаза вождя всегда смотрели весело, даже если ситуация складывалась хуже некуда. Сейчас, правда, до такого еще не дошло. Однако собаки могли быстро привести римлян к озеру. Интересно, сколько врагов позади – пара центурий? Когорта?

Конечно, можно было бы дать преследователям бой. Как и любой другой галльский вождь, Беторикс так бы и сделал, если бы обстоятельства позволяли, но увы: сей отряд как раз и был послан в крепость на подмогу, и не стоило пока тратить зря силы. И так уже потеряли бойцов, очень нужных в гарнизоне, которому вскоре угрожала осада.

– Нас ждут, – спускаясь к озеру, негромко произнес вождь. – И мы должны появиться, чего бы это ни стоило! Эпоред, Камулоген, Бривас – велите своим людям вязать плоты для оружия и одежды.

– Хорошая задумка, дружище! – ухмыльнулся Камулоген. Из всех десятников он был самым хитрым. – Хочешь идти по дну вдоль берега?

– Где-то идти, где-то плыть. – Беторикс пожал плечами. – Мы ведь не знаем глубин.

– Но римляне с собаками теперь точно нас не выследят! – Довольно потер руки Бривас.

Десятники уже повернулись идти к своим, как вдруг из кустов выбрался молодой воин из тех, кто был оставлен на вершине холма – часовой.

– Позволь доложить, о мой вождь!

– Докладывай.

– За мысом, на берегу, какие-то люди.

– Что за люди? Охотники, рыбаки?

– Ни то, ни другое, мой вождь, – воин неожиданно улыбнулся. – Я бы сказал, купальщики.

– Купальщики? – изумился Беторикс. – И что они тут делают?

– Купаются, что же еще?

– Здесь разве есть поблизости деревня или хутор? Нет, не может быть, я бы знал, – будто про себя пробормотал вождь. – Значит, пришлые. Послушай, а там не римляне?!

– Нет, – воин покачал головой. – Мы проверили: судя по голосам, там женщины или дети. Мужчин точно нет!

– Та-ак... Значит, это не враги. Но и не друзья. Камулоген, Эпоред – пошли-ка, глянем.

– А я? – обиженно прогудел детинушка Бривас.

– А ты, дружище, слишком уж у нас большой и заметный. Распугаешь там всех! – Беторикс улыбнулся. – Тем более дело у тебя важное – проследить за вязкой плотов.

– Да уж свяжем, – здоровяк отмахнулся. – Ивняка тут хватит.

Вслед за стражем вождь и десятники поднялись на вершину холма, а уж затем по дну заросшего высокой травой и смородиновыми кустами оврага спустились к озеру, где затаились в камышах как раз за мысом.

– Вон они, – показал воин.

Но Беторикс и сам уже заметил загоравших невдалеке на песочке людей – голеньких юных девчонок, из которых две были блондинками, а третья темноволосая.

– Девы! – восхищенно прошептал Эпоред. – Наверняка местные. Я подойду спрошу, может, у них есть лодки?

– Стой! – шикнул вождь. – Откуда ты знаешь, что здешние жители – не союзники римлян? Выйдешь ты за лодками, может, их тебе и дадут, но потом все сообщат легату!

– Да-а... – поглядывая на весело болтающих девушек, с чувством протянул кудрявый десятник. – Я бы с ними поговорил... ласково так, нежно...

– Не стоит, – Беторикс покачал головой. – Воин! Останешься на холме – следить. Если вдруг девы пойдут в нашу сторону – предупредишь свистом.

– Будет сделано, мой вождь.

С видимым сожалением бросив последний взгляд на обнаженных красавиц, Беторикс махнул рукой:

– Уходим.

Осторожно, кустами, ступая след в след, вожди взобрались на лесистый склон. Идущий впереди воин вдруг застыл, прислушался, раздувая ноздри, словно почуявший опасность зверь.

– Что такое? – подойдя ближе, негромко поинтересовался Беторикс.

– Вон, в тех кустах, на склоне гнездо жаворонка, – указывая рукой, тревожным шепотом пояснил воин. – Я слышал, как птицы пели. А сейчас не поют!

– Там кто-то прячется?

– Думаю, что так, мой вождь. И, похоже, следит он не за нами.

– Тс-с!!! – Беторикс приложил палец к губам. – Эпоред, ты слева, Камулоген – справа. Пойдем, глянем...

В кустах черной смородины точно кто-то прятался: сквозь листья замечен был силуэт. Незвестный, быть может, тоже разглядывал купальщиц – три обнаженные грации уже вновь плескались в воде.

– Ввxxx!!! – наступив на какой-то сучок, выдохнул Камулоген, и прятаясь в смородине тень метнулась прочь стремительной птицей.

– Взять! – коротко приказал вождь.

Мог бы и не приказывать – оба десятника и часовой и без того проявили всю возможную прыть. Беторикс и сам кинулся бежать, отводя рукою ветки, чтобы не били по глазам. Ива, жимолость, орешник, ольха. Еще жимолость. Малинник. Снова орешник... А за ним – ага!!!

Вождь вдруг увидел спину бегущего – довольно близко, буквально в нескольких шагах. Длинные, выгоревшие на солнце волосы, худая спина, а меж лопатками – синий трехрогий бык!

– Каген!!! – на бегу выкрикнул Беторикс.

Худой пятнадцатилетний подросток затравленно обернулся на бегу:

– Да, мой вождь?

Тут же из кустов выскочили и остальные – часовой и десятники; схватили парнишку за руки, поставили на колени.

– Что ты там делал, на берегу? – вкрадчиво осведомился вождь. – За кем следил, от кого скрывался?

Мальчишка вдруг покраснел и поник головою.

– Ну? – так же тихо продолжал Беторикс.

– Я... мне... я просто смотрел... смотрел за теми девчонками.

– Да неужели! И зачем же ты за ними смотрел?

– Так... просто. Раньше никогда не видел... голых.

– Ага... Любовался, значит. – Вождь и десятники переглянулись и негромко расхохотались. – И что, много нового для себя открыл?

Парнишка еще больше сконфузился.

– Какого ты племени? – сквозь смех спросил Камулоген. – Интересная татуировка у тебя на спине.

– Ну! – Беторикс нарочито угрожающе сдвинул брови. – Отвечай, когда спрашивают!

– Да... – еле слышно отозвался отрок.

– Что – «да»?

– Я... я из эбуронов.

– Из эбуронов?! – Вожди снова переглянулись и хмыкнули. – Далековато же ты забрался, парень! Может, народ твой звался эбуровики?

– Да, да, – мальчишка закивал. – Эбуровики! Прошу вас... никому не рассказывайте...

– Не расскажем, – Беторикс покладисто махнул рукой. – А ты впредь не подглядывай за голыми девками! В твоём возрасте уже пора бы иметь подружку. Ладно, идем – у нас очень мало времени и очень много дел.

Оставленные под присмотром дубинщика Бриваса воины уже сделали небольшие плоты, плотно переплетая ивовые и ольховые ветки. Разделись, погрузили оружие, амуницию и одежду, сами же, повинаясь знаку вождя, вошли в воду и зашагали вдоль берега, толкая плоты перед собой. Где-то было по колено, где-то по пояс, а во многих местах скрывало и с головою – и тогда приходилось плыть, что в такую жару конечно же оказалось весьма приятным делом.

Продвигались ходко, а лая позади больше не было слышно: скорее всего, преследователи повернули на север, к болотам. Небо постепенно синело, и вот уже солнце совсем скрылось и сделалось темно. Отразившись в воде, вспыхнули над головою желтые звезды, а внизу уже плыл туман, и сквозь него из озера подмигивал месяц.

– А хорошо вождь придумал! – на ходу уважительно шептались воины. – Этак и впрямь, можно идти и ночью.

– С лодками куда бы лучше было!

– Ха! Лодки ему... Слышали? Возблагодари богов за то, что есть.

Было что-то нечеловеческое, колдовское в этом походе обнаженных воинов по черной воде среди струящегося тумана и отраженных звезд. Время от времени кто-то оступался, падал, впрочем, старались не шуметь и не брызгаться.

Впереди вдруг выросла гора – поросшая лесом скала. Мыс обходили долго, точнее, его пришлось огигать вплавь: глубина здесь оказалась большая, дна не достать.

– Сейчас бы пива, да с жареным хлебом! – догнав вождя, негромко произнес Эпоред. – Выпил бы, кажется, целую бочку!

– Перед тобой целое озеро – пей! – усмехнулся Беторикс.

– Ага, озеро, – кудрявый десятник скривился. – Нет, правда, в крепости сразу же зайдем в харчевню. Она ведь там есть?

– Говорят, есть, – усмехнулся Беторикс.

– Да точно есть, – оглянувшись, заверил Бривас. – Уж я-то знаю. Принесем в жертву Цернунну пленного, а уж затем можно и выпить!

– Выпить-то можно, – вождь кивнул. – Только вот хватит ли у тебя денег?

– Да хватит, – беспечно рассмеялся дубинщик. – У меня еще два статера и целая горсть денариев.

Беторикс усмехнулся. Названия монет галлы позаимствовали у более культурных народов, зато чеканили деньги сами, в каждом племени, и любой зажиточный человек имел право этим заниматься – было бы из чего. Золотые монеты делались по образцу статеров из греческого города Массилии, серебряные – римских денариев. Вот только изображения на них наносили свои, и чего там только не было! Какие-то странные косматые морды, лошади, мечи, кабаны, узоры...

– А? – Вождь на ходу обернулся. – Ты что-то спросил, Эпоред?

– Говорю, что-то наш пленник слишком уж развеселился. Идет, насвистывает.

– Так, видно, рад, что спала жара.

– А может, морду ему набить, чтоб не свистел зря? Беду еще какую-нибудь насвищет.

– Морды будем после бить, – не выдержав, рассмеялся Беторикс.

– Кстати, у него на запястье кошель, как у всех легионеров принято, – кудрявый десятник все не унимался, с явной неприязнью поглядывая на центуриона, шагавшего чуть позади под присмотром бдительного Дугена.

Действительно, римлянин шествовал с таким гордым видом, будто это не его, а он взял в плен целый отряд галлов!

– Надо его проучить, прежде чем принести в жертву. Гордый больно! К тому же ничего интересного не рассказал, о шестом легионе мы и без него знаем. Слушай, дружище Беторикс, а может, нам вовсе не приносить его в жертву?

– Как это – не приносить? – рассердился вождь. – Думай, что мелешь!

– Да ты не ругайся, а выслушай, дело ведь предлагаю.

– Какое дело!

– А вот какое! – Десятник уже мутил ногами воду рядом и говорил уверенно, пусть и вполголоса, видать, надеялся на поддержку. – Ты сам сказал, что мы можем его обменять, так?

– Ну, так, – осторожно кивнул Беторикс. – На кого-нибудь из наших.

– А если на две большие бочки с пивом?!

Идущие позади воины при этих словах одобрительно загалдели.

– Огромные такие бочки, – громко уточнил Эпоред. – Дубовые, с железными обручами.

Вождь усмехнулся:

– У римлян не бочки, а амфоры, и пьют они не пиво, а вино. Вино же, как ты сам понимаешь, любезнейший Эпоред, настоящему воину пить противно.

– Да уж, да уж, – обернулся Бривас. – Вино для изнеженных женщин.

– Что бы вы понимали! – Эпоред обиженно отмахнулся. – Ну, не на вино, так на пиво бы обменяли, а? А я бы за это... ну, договорились бы.

– Ладно, – уклончиво отозвался Беторикс. – Придем, посмотрим.

– Вот это дело! Видишь, дружище, я уже почти тебя уговорил!

Беторикс, конечно, был вождь, а Эпоред – только десятник. Однако предлагал он дело. В конце концов, хоть какой-то от этого пленника будет толк.

– Между прочим, и Друиду бы неплохо морду набить, – снова зашептал десятник. – Нечего на чужих девок заглядываться.

– И что, денег брать за погляд?

– Да он их уже завлекать начал!

– Ладно, – подумав, Беторикс согласно кивнул. – Придем – набьем морду Друиду. А центуриона этого пропьем. Я, кстати, так и подумывал сделать...

– Так я ведь и догадался, что ты, мой вождь, об этом подумывал! – радостно воскликнул Эпоред.

– Тихо ты! – снова обернувшись, цыкнул Бривас. – Всю рыбу распугаешь.

– Ой, можно подумать, ты ее ловишь. Беторикс, вождь мой, мы вообще скоро придем?

– К рассвету должны. Как раз с восходом.

– Так, значит, близко уже?

– Да, Эпоред, близко.

– Ну и славно. Как раз к завтрашней битве успеем!

– Не говори «гоп», десятник, не говори «гоп».

А на востоке небо уже алело, быстро прогоняя тьму. Звезды прямо на глазах становились тусклыми и увядали, как цветы в вазе без воды. Тонкий серп месяца тоже поблек, вода стала молочно-белой. А вот туман никуда не делся, даже, казалось, стал еще гуще, плотнее и ощутимо тянул за ноги, словно застывший овсяный кисель.

Детинушка Бривас уже шагал рядом с вождем и десятником – видать, надоело оглядываться. Ухмылялся, то и дело кивая на небо – мол, скоро придем.

– Мы на месте. – Вглядевшись вперед, в низкий берег, поросший корявыми соснами, Беторикс предостерегающе поднял руку. – Вон она, крепость, за деревьями!

– Да-да, – обрадованно закивал Эпоред. – Теперь вижу. Честно говоря, я ее как-то иначе себе представлял... Ну, больше, массивнее, что ли.

– Ага, ты попробуй построить больше!

– Ну, слава богам, пришли, – вождь махнул рукой. – Одеваемся, разбираем оружие.

– Что, прямо здесь, в воде? Даже на берег не выйдем обсохнуть?

– Да, прямо здесь! – жестко отозвался Беторикс. – Поверь мне, я человек опытный. Всем одеваться! Живо!

Он и сам едва успел натянуть кольчугу и браки, набросил на плечи плащ, как вдруг...

– Римляне!!! – закричали сразу несколько воинов. – Вон они, вон! Идут сюда плотным строем!

– Засада-а-а-а!!!

– Хватит орать! – выхватив меч, сердито выкрикнул вождь. – Десятники, стройте людей! Начинаем сражение!

– И в самом деле, в первый раз, что ли? – хмыкнув, Эпоред принялся выравнивать свой десяток. – А ну, подтянулись! Выставили копья!

А римляне уже шли к озеру четким шагом, выставив вперед стену щитов и покачивающие от жажды галльской крови копья. Блестящие доспехи. Черные перья на шлемах. Серебряный орел – боевой штандарт легиона.

Беторикс сжал губы... Много! Их слишком много!

А римляне шли, неотвратно, как сама смерть, от которой попавших в засаду галлов отделяли лишь считанные мгновенья. И ничего не могло спасти. Разве что знаменитая галльская бесшабашность или чудо...

И чудо случилось!

Завыла сирена, ударило по глазам резким синим отблеском, и на плотный песок пляжа вынесся... бело-синий полицейский УАЗ!

– Во, ништяк! – Поправив шлем, десятник Эпоред раздраженно сплюнул себе под ноги. – Ментов тут только еще не хватало! И откуда взялись?

Глава 2. Лето. Окрестности Туманного бора

Галлы и римляне

– Фамилия, имя, отчество?

Лейтенант бывшей милиции, а теперь уже полиции, молодой парень с оттопыренными ушами, в серой форме, с многочисленными шеврончиками и эмблемками, посмотрел на сидящего напротив доставленного с таким видом, будто имел самые веские основания подозревать того во взрыве небоскребов нью-йоркского торгового центра, покушении на Папу Римского и в личном руководстве подготовкой и проведением арабских бунтов.

– Я же вам говорил уже, – Беторикс устало вздохнул. – Замятин Виталий Аркадьевич, аспирант, пишу кандидатскую диссертацию по теме «Поведенческая реакция индивидуумов в условиях экстремальных групп». Здесь вот, среди реконструкторов, собираю материал.

– Ага, ага, – лейтенант охотно покивал. – Значит, у вас здесь ролевая игра, я правильно понимаю?

– Нет, не правильно, – Виталий привычно помотал головой. – Многие путают, но мы не ролевики, мы реконструкторы.

– А что, есть разница?

– И очень большая. Как между следователем и опером. Или плотником и столяром.

– Обычные люди их тоже не различают. А вы, я вижу, знаете, чем занимается следователь, а чем опер?

– Есть пара знакомых оперов и один следователь. Прокурорский.

– Ясно. И в чем разница между вами и всеми прочими?

– Во всем. Ролевики заранее пишут сценарий своей игры, которая называется ролевка, а проводится она обычно по каким-нибудь широко известным сюжетам: книжным, киношным, даже историческим. У каждого своя роль, и получается что-то вроде театрального спектакля, только без зрителей, для удовольствия самих актеров.

– Понимаю, – кивнул полицейский. – Спектакль, значит.

– Оружие и весь реквизит у них тоже, как в захудалом театре: шлемы из чайников, мечи из хоккейных клюшек, плащи из занавесок и все в таком духе. Правда, сейчас они уровень своей материальной культуры несколько повысили, но реквизит все равно остается реквизитом.

– А у вас как-то по-другому?

– Конечно! Мы – исторические реконструкторы, мы никаких спектаклей не разыгрываем, а занимаемся воссозданием материальной культуры, быта и образа жизни определенного исторического периода. Реконструкторы объединяются в клубы, а каждый клуб занимается какой-то эпохой, от античности до Второй мировой войны. Наиболее популярные направления – раннее и позднее средневековье, то есть, проще говоря, викинги и рыцари, хотя встретить можно кого угодно: хоть легионера, хоть стрельца, хоть кирасира. Но в любом случае каждый предмет, которым мы пользуемся, настоящий и полностью пригоден для употребления по прямому назначению. Все оружие, одежда и прочие вещи делаются точно по древним образцам, из натуральных материалов и даже натуральными красителями окрашиваются. Не такое простое дело, между прочим!

– Догадываюсь.

– Мечи, кстати, куются из рессорной стали и от настоящих не отличаются ничем, кроме одного – они не точеные. На холодное оружие не тянут, – на всякий случай уточнил Беторикс.

– А вот это экспертам решать!

– Эксперты уже решили. Перед продажей каждый меч проходит экспертизу в МВД и получает справку о том, что является не холодным оружием, а сувенирной продукцией. Боюсь, не каждый владелец меча таскает эту справку с собой, но где-то дома она валяется.

– Но вы ведь тоже сражения разыгрываете?

– Не разыгрываем, а проводим. У нас вообще не употребляются понятия «играть». Не играем мы! Мы так живем. Сражения бывают, и даже можно сказать, что боевка – одно из основных направлений нашей деятельности. Но это не игра, а скорее спорт: кто сильнее, тот и победит.

– И со всей России на такие... игрища народ собирается?

– Не только из России, это движение и в Европе сильно развито: в Скандинавии, Англии, Германии, Прибалтике, Польше. В Израиле нету такого, но люди оттуда сюда приезжают. Целые клубы в огромных количествах существуют, каждый по своей эпохе: «викинги», «римляне», «варвары», «славяне» и так далее – по Вторую мировую включительно. В «ранятных» клубах, то есть занимающихся эпохой раннего средневековья, обычно славяне и викинги вперемешку. Но так ведь и на Руси было: княжеские дружины состояли из славян и скандинавов.

– Дружины, значит, – нехорошо прищурился лейтенант. – Вы же, Виталий Аркадьевич, умный человек, аспирант, все должны понимать.

– Пока, честно говоря, я не понимаю, что нам предъявляют. – Виталий пожал плечами. – За что меня задержали-то?

– Не задержали! – Полицейский наставительно поднял указательный палец. – А доставили. Как важного свидетеля, между прочим.

– Да в чем свидетеля-то?

– Рашкина Михаила Ивановича, тысяча девятьсот восемьдесят девятого года рождения, знаете?

– Нет.

– Ах, нет, значит! А утверждают, что вы с указанным господином вместе были, когда его бревном придавило.

– А! – сообразил задержанный, то есть доставленный. – Вот вы о чем. Я не сразу вспомнил, как его по паспорту зовут. Ну да, при сем присутствовал. И могу со всеми основаниями подтвердить – типичный несчастный случай.

– Вот это уж позвольте нам устанавливать! – Оторвавшись от компьютера, лейтенант повернулся и вытащил из открытого сейфа несколько бумаг. – Вот вам, пожалуйста – телефонограмма из ЦРБ.

– Извините... Откуда телефонограмма?

– Из центральной районной больницы. Ушиб грудной клетки, перелом нескольких ребер и все такое прочее – на средней тяжести вред здоровью, как минимум, тянет, а то и тяжкие телесные.

– И что? – Виталий уже начинал заводиться: какой-то тупой разговор получался.

Или не разговор – допрос?

– А то, что уголовное дело по данным фактам возбуждается без заявления со стороны потерпевшего. Тем более есть некоторые основания сомневаться, что это несчастный случай.

Полицейский наклонил голову набок и стал похож на смешную большую птицу.

– Да как же сомневаться-то?! – Виталий хлопнул себя по коленкам. – Что же, специально Кассия пришибли, что ли?

– Кого, извините?

– Ну, я имел в виду Рашкина Михаила, – собрав все терпение, поправился молодой человек. – Просто мы привыкли использовать антуражные¹ имена, и поэтому многие вообще не

¹ Антуражный – здесь, относящийся к реконструируемой эпохе. Антуражем также называется сам реконструируемый

знают, как кого зовут по паспорту, хоть и много лет знакомы. Он у меня и в мобильнике забит как Кассий. А полностью – Кассий Марцеллин Пульхр.

– Напридумывали себе правил дурацких! – Лейтенант явно завелся. – Не первое лето уже карусель. Как все это начинается – у меня, как у местного участкового, и сон не в сон. Вечно что-нибудь... Вот, как сейчас, с Рашкиным этим.

– Так он же ничего...

– Да мало ли! Какое, вы сказали, погнало у него? Кассий?

– Погнало у бандитов, – Виталий нахмурился. – А мы не бандиты. Наша деятельность ведется на строго научной основе и требует немаленькой подготовки, среди нас много людей с высшим образованием. И даже научными степенями.

– А ваше пого... имя какое?

– У меня целых два. Одно римское – Гай Вителлий Лонгин, другое галльское – Беторикс. Я два комплекта собираю, римский и галльский.

– И давно этим занимаетесь?

– Лет шесть. С третьего курса все началось, еще когда в универе учился – курсовик по малым группам писал, один знакомый посоветовал, рассказал про реконструкторов. Так я к ним и прибил. Курсовик потом в диплом перерос, а он – в диссертацию.

– А мечом махать вы тоже специально учились?

– Конечно! У нас тренировки постоянно проводятся, раз в неделю. Это же уметь надо, иначе какой ты боец? Да и весит оружие немало, мускулы нужны. Меч – килограмм или полтора, щит – три кило, шлем – тоже три...

– Ага, ясенько... – Участковый зябко потер ладони. В кабинете действительно было довольно прохладно, несмотря на то, что на улице стоял жаркий и солнечный летний день. – А главный у вас, я так понимаю, гражданин Васюкин Геннадий Игоревич.

– Васюкин? – Беторикс нахмурился, припоминая, кто из вожаков носит подобное имя. – Не уверен...

– Может, хватит врать, а? – Лейтенант не сдержался, грохнул кулаком по столу. – Не уверен он! Васюкин, можно сказать, вас сюда и созвал, а...

– Так вы про Мастера говорите! – сообразил Беторикс. – Да, я его знаю, конечно. У нас его Мастером зовут, ну, не в том смысле, как у Булгакова... Он раньше ролевиком был и там в мастерах ходил. Оттуда к нам многие приходят.

– А Булгаков этот кто – тоже из ваших?

– Да нет, это писатель такой был.

Виталий подавил улыбку – ну, и кто тут придурок?

– Все вы там... п-писатели! – с затаенной ненавистью пробурчал участковый. – Ладно, давайте, рассказывайте, как там дело было?

– Осмелюсь спросить: а адвокат мне не положен?

– Тьфу ты! – Лейтенант зло сплюнул в урну и, как показалось Замятину, издевательски рассмеялся. – Ну, народ! Насмотрятся всяких дурацких фильмов, потом сами уже не знают, чего хотят. Адвокат, надо же! Вы что – обвиняемый? Пока и не свидетель даже...

– Но вы же меня допрашиваете?

Полицейский махнул рукой:

– А еще аспирант! Да и следак прокурорский у вас в знакомцах. Ну, как я могу вас допрашивать – я же не следователь, и отдельного поручения у меня нет, потому что еще нет и дела. Устал уже объяснять – у меня просто материал проверки, первоначальный материал, понимаете? По факту причинения гражданину Рашкину телесных повреждений, нанесших средней

костюм, он же «прикид», он же «комплект». Другое важное понятие – «аутент», то есть соответствие эпохе. К «неаутенту» относятся все достижения цивилизации, которых не было в изучаемое время: мобильные телефоны, пластиковые бутылки, картошка и прочие продукты, недоступные в то время – все это на фестивалях запрещается. (Прим. ред.)

тяжести вред здоровью. Пока – средней тяжести, а дальше там, очень может быть, и тяжкие будут, но это уже дознания или следствия проблемы, не мои. Мне сейчас главное первоначальный материал собрать, установить, а не было ли там умысла или, скажем, преступной небрежности? Больно уж повреждения хитрые...

– Что значит – хитрые повреждения? Бревно с катапульты сорвалось, это бывает.

– Так-так, продолжайте! – Пальцы участкового проворно забегали по клавишам.

– Ну, понимаете, и в самом деле случайно все получилось – мы с галлами оппидум строили...

– Что строили?

– Ну, укрепление, крепость. А Кассия, то есть Рашкина, попросили помочь, бревно поддержать, он как раз проходил мимо. Там неподалеку римляне из пятой центурии катапульту испытывали. Идиоты, конечно, что таким делом в людном месте занялись, но, как говорится, не ищи злого умысла там, где все объясняется глупостью. Ну, и попало бревнышко прямо Кассию в грудь. Хорошо, на излете уже. Но это чистой воды случайность. Катапульта вообще для прицельной стрельбы не предназначена, это же не лук! Был бы у кого-то умысел нехороший – это иначе делается. То есть могло бы сделаться. Выстрелить в глаз, когда сражение начнется, потом не разберешься, чья стрела. Убить не убьешь, но без глаза можно человека оставить. У московских был такой случай, ходит один теперь, как Потемкин, с двадцати шести лет без глаза. Или топором по шее приложить чуть сильнее, чем следует – тоже потом поди разберись, кто это в общей свалке сделал. А катапултой умышленные повреждения причинять – слишком сложно и малоэффективно. Это дураком надо быть. И потом еще глупое лицо делать, потому что...

Виталий хотел сказать «потому что легко установить, кто возле катапульты стоял», но умолк – нечего людей подставлять, хоть они и идиоты. Пусть участковый сам догадается, если сумеет.

– И часто у вас такие случаи бывают? – неприязненно уточнил лейтенант, который теперь явно держался об исторической реконструкции самого нехорошего мнения.

– Такие – это умышленные повреждения? Доказанных – ни одного, да и по общественному мнению тоже. У «позднатики» бывает, они вообще бьют без ума и жалости, потому что все в железе, их так и зовут – консервные банки. А мы друг друга бережем, и травм у нас гораздо меньше. Ранние эпохи жалеют друг друга, мы же все свои. Товарищи и братья, как из одной деревни. Это каким же гадом надо быть? А так травмы случаются, даже тяжелые – оружие-то железное. На каждом фестивале, как правило, два-три перелома или рассечения, не считая ушибов, но трупов ни одного за все время, слава богу. Зато если у кого-то тяжелые повреждения, мы со всей тусовки деньги на лечение собираем. По сто тысяч, по полмиллиона... А неприятности никому у нас не нужны, поэтому за техникой безопасности руководители следят. Без шлема, например, на поле не допустят, разве что знаменосцев и лучников, которые издали стреляют, а в драку не лезут. Так что для здоровья наше увлечение опасно не более чем футбол или любой другой вид спорта с непосредственным физическим контактом. А несчастные случаи или дураки встречаются везде.

Лейтенант помолчал. Похоже, беседа подходила к концу.

– Кто еще может подтвердить ваши показания?

– Да кто угодно! Десятник мой, Эпоред, рядом был, то есть Кряквин Эдуард Евгеньевич, потом еще Кукушкин Николай Викторович... Нет, он несовершеннолетний. Если человеку шестнадцать, он в свидетели годится? А не своих я только по антуражным именам знаю, у их командиров надо спрашивать.

– Да-а-а, – участковый покачал головой. – Вроде взрослые солидные мужики, а как дети малые! Не заигрались в войнушку-то?

– А что, лучше перед теликом прорасть? – Замятин пожал плечами. – Вы как свой отпуск проводите?

– Ага, отпуск! Кто бы его еще дал отгулять полностью!

– Но все-таки?

– Ну, на рыбалку езжу, на охоту бывает.

– Вот видите! А чем наши фестивали хуже охоты? Это научно-просветительская деятельность, между прочим, а не зверюшек убивать. «Живая история»! Сейчас у нас тут просто маневры, что-то вроде расширенной общей тренировки, но чаще бывают открытые фестивали, где все это делается для туристов и все могут вживую увидеть, как наши далекие предки одевались, какими занимались ремеслами, сражались, готовили еду – как они жили! Мы занимаемся научным поиском, поддерживаем связь поколений, культурную преемственность, сохраняем национальную идентичность!

– Да, я знаю, что вы все националисты и экстремисты, – скривился участковый. – Латентные...

– Обзывать-то зачем? Любить свой народ и свою культуру – еще не значит ненавидеть чужую и тем более бить морду ее представителям. А я еще, кроме истории, и социологией занимаюсь, диссертацию пишу.

– С вами-то все понятно, – хмыкнул лейтенант. – Вот что остальных влечет?

– А зачем люди занимаются спортом или в театре играют? По-вашему, желание знать историю своего народа или человечества вообще – это странно? Подозрительно? Парни хотят стать мужчинами, научиться владеть оружием, водить старинные лады. Я одного знаю, он к нам пришел после того, как кругом начались разговоры о конце света. Хочу, говорит, чтобы меня научили жить без электричества. И у нас ведь научат! Вы же понимаете: современный горожанин слишком оторван от земли и природы, он полностью зависит от общества и никак не способен обеспечить собственное выживание. Да отключи в наших домах свет и воду – мы все передохнем! А реконструкция возвращает человека к земле, насколько это вообще возможно в наших условиях. Мы сами шьем одежду и обувь, делаем все нужные для жизни предметы, умеем костер разжигать без спичек, кремнем и огнивом. Не все, но кое-кто умеет. У нас в походы на выживание ходят, зимой в том числе, и вообще ничего из современных вещей с собой не берут, только то, что уже было в десятом веке: ни спичек, ни спальников, даже мобильник максимум один на всех, на самый крайний случай... И ничего, все живы пока. Мы чувствуем себя людьми, а не букашками на асфальте. К тому же тут круг общения – интересные люди, которые что-то могут и чего-то хотят, а не только перед телевизором валяются.

– Прямо такие у вас все ангелы? – Лейтенант недоверчиво усмехнулся.

– Не более чем в среднем по стране. Побухать у нас тоже есть мастера. Но мы бухаем на высоконаучной исторической основе! – Беторикс засмеялся. – Прежде чем с нами набухаться, надо изучить массу материала и сшить себе костюм древнего викинга. И не абы какой, а строго по источникам. Я знаю многих, которые раньше были быдло быдлом, способным только семки щелкать «на районе», а у нас они начали книжки читать и людьми стали. А кто не может – тот уходит. «Болота», которое сюда ради бухла тянется, мы не любим. Да, конечно, у нас слишком заметный перекося в сторону материальной культуры в ущерб духовной. В конце концов, не так уж важно, три пуговицы можно на аланском кафтане пришить или все пять. Но с этим мы боремся...

Беторикс махнул рукой и не стал продолжать: какой смысл объяснять постороннему человеку, «цивилу» те проблемы, которых сами реконструкторы-то зачастую не понимают?

– А организовывается все как?

– Кто-то организует фестиваль, есть оргкомитет, назначаются ответственные за разные участки работы. Обычно это люди одного какого-то клуба, проживающего в данной местности,

но бывают и межклубные проекты. Особенно большие, проводящиеся в интересных исторических местах вроде Старой Ладogi.

– Васюкин тоже такой организатор?

– Ну да, ведь Туманный бор – его частная территория. По-настоящему богатые люди среди нас редки, но встречаются. Хочется человеку иметь собственную галльскую крепость с гарнизоном – почему бы и нет? И ему приятно, и нам удобно, база для маневров и фестивалей отличная. Даже из-за границы можно гостей принимать.

– Да лучше бы он пансионат какой построил, – вздохнул участковый. – А то вы доиграетесь, а нам отвечать.

– И на дороге сбить могут. Рыбаки тонут, грибников змеи жалят, строителям кирпичи на головы падают... Да мало ли в мире опасностей! Можно футбол смотреть и от инфаркта умереть, когда вашим забьют. Что же теперь, запретить все виды деятельности, досуга и развлечения вообще, а людей наряжать в смиренные рубашки и помещать в комнаты с мягкими стенами, чтобы головы себе не расшибли от тоски? От скуки и отсутствия смысла в жизни пьянства и прочих безобразий бывает гораздо больше, чем от любых увлечений. Да пусть лучше эти мальчишки даже толкинистами будут, чем наркоманами! А за техникой безопасности у нас следят.

– Ладно, на этом пока закончим. – Лейтенант бросил ручку на стол. – Нет, подождите чуток. Забыл спросить: у вас там, на игрищах, вместе с мечами да копьями пулемет случайно не фигурирует?

– Пулемет? – Беторикс вытаращил глаза. – Да вы что, какой пулемет? Это нам не по эпохе! У римлян и галлов пулеметов не было, это к фрицам, ну то есть к тем, кто занимается Второй мировой. А у нас все строго по нашей эпохе, в этом весь смысл. А что за пулемет-то?

– Трофейный немецкий, МГ-тридцать четыре. Отличная, кстати, штука – в полной сохранности, с войны еще...

– Ну, это точно к фрицам. Нам не по профилю. А откуда он взялся?

– Местные ухари блиндаж раскопали, набрали всего... Мелочь-то мы изъяли, а вот пулемет ушел!

– «Черные», значит?

– Нет, местные.

– «Черные археологи», я имею в виду. Мы с ними не дружим, их рекламу у себя ликвидируем и консультаций не оказываем – от них науке сплошной вред и гибель ценных памятников. У нас запрещено использовать копанные вещи, чтобы их подлую деятельность не поощрять рублем. Так что если пулемет ушел, то наши к этому не причастны.

– Ну, ладно, коли так. Значит, не слышали ничего об этом?

– Нет. Ну, я знаю из фрицев кое-кого... Только тут их сейчас нет. У них свои мероприятия, мы пересекаемся на «Семи эпохах» один раз в год.

– Ладненько.

Включив принтер, лейтенант живенько распечатал «объяснение» и протянул листок Виталию:

– Прочтите, напишите: «С моих слов записано верно, мной прочитано», распишитесь, и все, свободны.

– В самом деле? – Молодой человек быстро подписал лист.

– Ну, не знаю, может, следователь или дознаватель еще вызовет. Но это уж не мои проблемы.

В этот момент с улицы донесся шум подъезжающего автомобиля, и Замятин узнал мелькнувший за окном черный джип, размерами напоминавший школьный автобус. Знакомое было авто...

В коридоре послышались быстрые шаги, дверь отворилась.

– Здорово, Руслан! – Высокий и худой брюнет лет сорока пяти, с продолговатым лицом и орлиным носом, войдя в кабинет, поздоровался с полицейским за руку. – Ага! Смотрю, наши тут. Сальве, брат Беторикс!

– Сальве!

Замятин сразу узнал вошедшего – это был тот самый Геннадий Игоревич Васюкин, иначе Мастер.

– А я в городе к врачам заезжал, насчет того парня... Легкий вред здоровью!

– Легкий? – Участковый удивленно моргнул.

– Именно так! – заверил Васюкин. – Можешь не сомневаться.

– Ну, и ладненько! – Лейтенант с облегчением, как показалось Виталию, потер руки. – Как говорится, баба с возу – кобыле легче.

Покинув кабинет, известный в районе бизнесмен Васюкин и аспирант Виталий Замятин, будущий кандидат наук, подающий весьма большие надежды, спустились с крыльца и подошли к джипу. Вскочивший из салона парнишка в черном костюме и пижонских противосолнечных очках проворно распахнул заднюю дверь.

– Садись, садись, – улыбнулся Мастер. – Сейчас в магазин заедем, и в лагерь. Что, менты не очень жали?

– Да нет, – расположившись на сиденье, Виталий вытянул ноги, благо размеры салона позволяли. – Все довольно корректно было.

– Ну и славненько. А что ты участковому сказал?

– Да то и сказал, что было – чистой воды случайность.

– И это правильно, правильно. Ладно, – Васюкин ухмыльнулся. – Что у нас там сегодня – ристалища?

– Они самые. А завтра – штурм.

– Значит, сегодня можно и водочки. Ты, Виталий Аркадьевич, как?

– Нормально, – Виталий посмотрел в окно, на отделение полиции, располагавшееся в одном здании с местной администрацией и почтой. – А с Кассием что, правда ничего серьезного?

– Жить будет! – отмахнулся организатор маневров. – Правда, на этот раз он отвоевался, но отлежится и будет как новенький. Ничего необратимого.

– Слава богам. А то мне теперь везде Дмитровский штурм мерещится. Слыхали про того парня, который с переломом позвоночника остался? Правда, из бугурта он вышел только с трещиной, а перелом получил, когда его санитары с носилками уронили... Опять потом сто тысяч на операцию по всему миру ходи собирай...

– Трогай, Паша, – Васюкин хлопнул водителя по плечу. – К магазину сперва.

У местного магазина, бывшего райповского, а ныне выкупленного все тем же Васюкиным, расположилось небольшое летнее кафе – красные пластмассовые столики и стулья, белые с зелеными полосками зонтики. Джип остановился рядом, почти впритык, так что при желании можно было выпить кофе или что покрепче, не выходя из машины.

– Геннадий Игоревич! – Из-за стойки тут же выпорхнула грузная деваха далеко не первой молодости. – Что пожелаете?

– Виталий, присаживайся. – Выбравшись из авто, предприниматель по-хозяйски расположился на стуле и, подмигнув буфетчице, заказал водки, а к ней «ну и что-нибудь бросить на зуб».

На зуб предлагалось бросить натуральной красной икорки, сервелатика и душистого сала, с чесноком, до которого, как выяснилось, Васюкин был большой охотник. Им в основном и закусывал.

Виталий водку пить не очень-то хотел: рановато еще было, да и жарковато. Однако за компанию пришлось – не хотелось обижать хорошего человека, тем более организатора маневров. На Алезиянские маневры Беторикс попал впервые, хотя раньше много слышал и о них, и об их руководителе. С Васюкиным здешним реконструктором повезло: он предоставлял прекрасное место, где не ходили стадами туристы, сам решал все проблемы с администрацией, спонсировал мероприятия, оплачивая воду, дрова, доставку из других городов, вследствие чего Алезиянские маневры не имели недостатка в участниках, привозил антуражную таверну, где кормили вкусно, по эпохе и за очень умеренные деньги. Правда, дабы не поощрять в несознательных варварах склонности к тупому пьянству, до восемнадцати тридцати в харчевне спиртного не подавали, зато по вечерам вина и пива было хоть залейся.

– Ну, Виталий – за знакомство! – улыбнувшись, Васюкин поднял стопку.

Чокнулись. Выпили. Зажевали.

– Я ведь, честно говоря, сомневался – приглашать вас, нет? – продолжал хозяин здешних мест. – Уж извините, но малознакомых людей я стараюсь не брать. Однако за вас поручились.

– Я знаю. – Молодой человек кивнул. – Веста?

– Она, она! – Причмокнув жирными губами, предприниматель неожиданно рассмеялся. – Что-то задержалась нынче наша красавица, но к вечеру обещала явиться.

– Не заблудится?

– Дорогу знает, не в первый раз.

– Ее встретит кто-нибудь с поезда? – поинтересовался по привычке Виталий, отлично знавший, что чем выше статус реконструкторской женщины, тем больше и тяжелее ее рюкзак.

Это у начинающих при себе – одна рубашка с пояском да плащик, а женщина со стажем имеет гораздо больше вещей, чем может сама унести.

– Не надо, она на машине.

– Сама водит?

– Сама.

– Крутая девушка! – Беторикс в удивлении покачал головой.

– А как же! Ну, еще по одной?

– Давайте.

Водка оказалась хорошей, мягкой, с заметным лимонным привкусом, и такой холодной, что стекала, как желатин – видать, в морозилке держали.

– Веста, Веста, – задумчиво улыбаясь, негромко промолвил Васюкин. – Вечно она опаздывает, все какие-то дела, дела. Ты, кстати, как с ней познакомился?

– Через Интернет, на форуме, – Замятин пожал плечами. – А лично пока не встречались, я только ее фотографии с разных выездов видел, но даже не уверен, что узнаю, особенно без антуража! – Он усмехнулся. – Антураж заметно меняет внешность, особенно у женщин. Без косметики и в прикиде, с чем-нибудь таким на голове – совсем другой человек получается.

– В антураже или без, она девушка весьма симпатичная, смею тебя уверить. Как же так вышло, что вы нигде не встречались?

– Да вот как-то не совпало. Мероприятий много, летом фестивалей по две-три штуки каждые выходные в разных местах, везде не поспеть.

– Ну да, ну да, – собеседник закивал. – До чего ж техника дошла: по Интернету хорошие знакомые, а в лицо друг друга не знают! Не устаю удивляться нынешним порядкам!

Виталий подавил улыбку. Люди, устроившие свою карьеру и жизнь в девяностые, сохраняли некоторые странности. При приеме на работу или еще по каким делам всегда интересовались, владеет ли соискатель компьютером? А как иначе? Без компьютера теперь как без рук, без глаз, а то и без головы. Не человек ты, а так, недоразумение.

– А ты, Виталий, значит, в аспирантуре учишься?

– Да, заочно. Занимаюсь социологией, а так я фрилансер.

– Извини, кто?

– Свободный художник – где-то статью напишу, где-то кому-то что-то отредактирую, подкорректирую. Хорошего корректора, кстати, сейчас днем с огнем не найдешь, так что на жизнь хватает.

– Ага... Выражаясь старинным слогом, «в присутствие» не ходишь.

– Нет, – молодой человек улыбнулся и покачал головой. – Не хожу.

– Это неплохо, наверное... Человек независимый... А семья как? Извини, что такой настырный, просто люблю с людьми «за жизнь» поболтать.

Светло-серые водянистые глаза Васюкина смотрели из-под кустистых бровей внимательно и строго, и взгляд этот, почему-то показавшийся вдруг Виталию неприятным, не очень-то вязался с панибратским насмешливым тоном. Пристальный был взгляд, почти как у того участкового!

– А семья у меня – я сам, – с невеселой улыбкой отозвался молодой человек. – Родители умерли лет пять назад, сначала мать, за ней отец почти сразу.

– Извини...

– Да ничего, дело прошлое.

– А братья-сестры?

– Родных нет, а с кузенами как-то отношения не шибко поддерживаю. У каждого своя жизнь.

– Понимаю, – кивнув, предприниматель налил еще. – Ну, а как, скажем, личная жизнь?

– Да нормально, как у всех, – Беторикс пожал плечами. – И с девушками нормально, просто в данный конкретный момент я в активном поиске, как говорят. С подружкой расстался пару месяцев назад, новой пока не подобрал.

– Что ж, – Васюкин поднял стопку. – Бывает.

– Вот и я о том.

Выпив, Виталий скривился – не от водки, от разговора этого. До чего же дотошный собеседник попался, даже можно сказать, занудный. Все выпрашивает, выпрашивает, словно следователь...

– Ну, что, поедем? Давно пора, хватит тут болтать.

Гудком попрощавшись с буфетчицей, джип выбрался на шоссе и неспешно покатил по растрескавшемуся от времени асфальту. На этот раз Васюкин уселся рядом с водителем и все крутил радио. Ничего не поймав, плюнул и включил запись. Слушал, кстати, не какой-нибудь «русский шансон», а классику – Баха или Моцарта, впрочем, возможно, это был Берлиоз или Римский-Корсаков. В классической музыке Виталий не очень-то разбирался, хотя в пору студенческой молодости сам играл на гитаре и распевал песни бардов – Визбора, Митяева и прочих им подобных. «Лыжи у печки стоят, гаснет закат за горой...»

А здесь звучало нечто иное! И видно было – Мастеру нравится, он даже поматывал в такт музыке головой, по панели постукивал пальцами.

Вжжжж!!!

За окном вдруг пронеслось что-то красное: сверкающий, прижавшийся к дороге снаряд промчался мимо, обогнал, как стоящих, улетел себе дальше.

– А вот и наша Веста! – Сделав музыку тише, Васюкин обернулся, кивнул. – «Рено-меган» последней модели. Любит девушка стиль.

– И куда же, интересно, она так полетела? – Виталий покачал головой. – Ведь не проехать же по грунтовке! Мы вон на «китайце» в дождь едва прошли.

– Да проедет, – отмахнулся предприниматель. – Я туда с утра еще грейдер послал – дорожку прочистить. Хотел раньше, да как-то из головы вылетело – не упомнишь ведь все. Ты себе не представляешь, Виталий, сколько у меня с организацией проблем! Хоть и моя земля,

а все же – лес, озеро, дачники, бывает, забредут. Раньше детский палаточный лагерь был тут неподалеку, едва выселили!

– Детям-то как раз и интересно было бы посмотреть.

– Как мы тут пьянствуем? Да и не уследишь за ними, лезут вечно под самые клинки.

Вдруг в кого стрела попадет? Потом не отпишешься.

– Да-а, – снова покачал головой аспирант. – Все-таки жаль Кассия.

– Сам виноват, черт неловкий, – Васюкин выругался с неожиданной злобой. – Рассчитывали на него, готовили, и вот те на!

– К чему готовили?

– А... Да так, не бери в голову. Он же при мне с четырнадцати лет, вырос, можно сказать, у меня в строю.

Резко оборвав разговор, Мастер снова прибавил громкость, и на этот раз Виталий музыку опознал: Вивальди, «Четыре времени года».

Минут через пять джип свернул на лесную дорожку, остановился у шлагбаума с надписью «Частная собственность!». Двое часовых в римских туниках и латах, поприветствовав Васюкина, поспешно освободили проезд.

– «Рено-меган» сейчас прокатил, красный? – высунувшись в окно, поинтересовался Геннадий Игоревич.

– «Рено-меган?» Красный? – Воины переглянулись. – Ну да, только сейчас проскочил. Там теперь дорога хорошая – грейдер недавно проехал. А за рулем девчонка сидела.

– В грейдере девчонка сидела? – ухмыльнувшись, пошутил Васюкин.

– Не, не в грейдере, в «мегане». – Воины рассмеялись.

– Ну, бывайте, парни. Тащите службу!

Фыркнув двигателем, джип проехал по лесной дорожке километров пять, после чего свернул на большую поляну, сплошь заставленную автотранспортом участников маневров. Среди прочего даже имелся один автобус – желтенький «школьный» ПАЗик с надписью «Дети России». Рядом с автобусом краснел знакомый «меган», вокруг которого сутилась крашенная блондиночка лет двадцати пяти или чуть моложе, в черной футболке с «рунической» надписью «Троль гнет ель» и камуфляжных штанах американской морской пехоты, которые, как ни странно, только подчеркивали женственность и привлекательность ее фигуры.

– Здравствуй, Веста, – выбравшись из авто, галантно улыбнулся Васюкин. – Как добралась?

– Спасибо, – хмуро отозвалась девчонка. – Колесо вот прошибла.

– Я скажу водителю, поменяет... Паша!

– Сделаем, Геннадий Игоревич, – тут же заверил шофер. – Пусть только ключи оставят.

– Ну, пошли в лагерь. – Предприниматель сделал приглашающий жест и вдруг опомнился. – Кстати, знакомьтесь, это Виталий, наш аспирант.

– Беторикс, – уточнил Замятин. – «Галльский вепрь».

– Ах, Беторикс! – Девушка приветливо улыбнулась. – Да мы знакомы. И очень даже хорошо. Правда, заочно.

– А зря вы свое реальное фото на аватарку не выставили, – молодой человек улыбнулся.

Веста фыркнула, тряхнув шевелюрой. Осветленные волосы ее уже отросли и у корней темнели, что, впрочем, ничуть не портило общего впечатления, а скорее придавало шарма. Ярко-голубые глаза, стройная фигурка, тронутая первым летним загаром кожа – девушка выглядела очень даже ничего. Виталий смотрел на нее, пытаясь уложить в сознании, что именно с этой незнакомой красавицей он так долго и плотно общался в Интернете.

– Ну, что, нравится тебе здесь? – Девушка вынула из машины маленький рюкзачок и повесила на плечо. – Поможешь мне поставиться?

– Да, – Виталий кивнул, вспомнив, что в переписке они общались на «ты». – Хорошо, – аспирант широко улыбнулся. – Ну, конечно же, с превеликим удовольствием. Ты со своим шатром или вписываешься к кому-то?

– «Личный статус, свой шатер»! – весело процитировала Веста популярный среди реконструкторов стих и открыла багажник. – «Все мое ношу с собою», как говорили римляне!

– Давай тогда поторопимся, – предложил Беторикс. – Сейчас парные схватки начнутся, харчевню откроют... Эх, народу-то сколько съехалось, вот уж не думал! Человек, наверное, сто. Правда, из них викингов больше половины.

Все так же ярко сияло солнце, однако видно уже было, что день постепенно клонится к вечеру: отбрасываемые кустами и деревьями тени стали глубже, длиннее, а в воздухе разлился терпкий запах цветов и трав.

– Клевером пахнет! – Веста на ходу потянулась, подпрыгнула. – Чувствуешь?

– Ну да, – молодой человек улыбнулся.

– А красиво здесь! Бор этот, озеро с кувшинками. И главное, посторонних нету.

Беторикс кивнул. Туристов, иначе «туриков», традиционно принято поругивать: шлеются везде, глаза лупят, глупые вопросы задают. «А вы всегда так живете?» «А вы – секта»? Вследствие этого одно время пользовались популярностью футболки, у которых на спине был написан перечень ответов на «часто задаваемые вопросы»: «Да, я реконструктор. Да, мы сами шьем одежду. Нет, меня нельзя потрогать, если вы не являетесь привлекательной, дружелюбно настроенной девушкой» – и все в таком роде. Но Виталий любил открытые фестивали: толпы зрителей, атмосферу праздника, чуда, создаваемого их усилиями для широких народных масс. Нравилось видеть в глазах удивление, даже восхищение. Ведь то, что для реконструктора повседневность – весь этот мир поношенных рубаш из льняной домоткани, закопченных железных котлов, обколотых по краям глиняных мисок, подлатанных кожаных поршней и треснувших от времени деревянных ковшей – для какого-нибудь представителя «офисного планктона» в отпуске – чудо, откровение, волшебная возможность впервые увидеть древнюю жизнь своими глазами. Разве не приятно подарить людям чудо?

Веста наклонилась над багажником «рено», и Беторикс, не в силах оторвать взгляд от ее фигуры, представшей в таком интересном ракурсе, даже не сразу понял, что она показывает ему на серо-зеленоватый брезентовый тюк – свернутый и связанный шатер: доставай, мол. Рьяно принявшись за дело, Беторикс перетащил вещи на нужное место, сбегал к организаторам за слегами, с помощью двух молодых бойцов поставил шатер, после чего девушка удалилась под полог раскладывать пожитки и устраиваться. Виталий нервно топтался снаружи: не опоздать бы к поединкам. Но вот красавица появилась снова: вместо камуфляжных штанов и футболки на ней теперь была короткая туника – по сути, та же футболка, только длинная и с рукавчиками, и высокие полусандалии-полуботинки красного цвета – калыцеи. Бросив взгляд на тунику, Беторикс невольно подумал, что под ней, вероятно, ничего больше нет – в Древнем Риме белья ведь не носили... У парней принято летом бравировать своей «полной аутентичностью» – антуражные портки носят спущенными на бедра ниже некуда, дабы продемонстрировать, что под ними нет никаких неантуражных глупостей вроде трусов. У прекрасных дев наличие либо отсутствие нижнего белья под рубашками никто не проверяет, но так волнительно думать, что его там нет...

– Ну, что стоишь, друг Беторикс? – окликнула его Веста. – Давай, помогай одеваться.

Обычно девушки помогают мужчинам снаряжаться, но с длинной столой, одеждой знатной римской женщины, другая ситуация – без посторонней помощи с ней не сладить. Она должна высоко подпоясываться и ниспадать красивыми складками – вот с ними-то и пришлось повозиться! Беторикс, не имея навыка, весь вспотел, пока уложил их хоть как-то прилично и заколол булавками.

– Ай! – вскрикнула Веста, когда он в очередной раз ее уколол. – Ладно, черт с ними, со складками. Давай, помоги с паллой.

Паллу, тонкое и прозрачное невесомое покрывало, полагалось набрасывать на голову, так чтобы ниспадало на плечи и спину. Виталий оценил уровень реконструкции – все вещи сделаны отлично, по источникам, прямо картина!

– Жарковато будет! – с улыбкой пожаловалась девушка. – Вся уж вспотела.

– Зато красиво!

– Да уж... Ну, что? Пошли, друг Беторикс! Показывай! В прошлом году здесь все по-другому было.

– Пошли. Давай вон на тот холм поднимемся – оттуда все как на ладони видно.

По узенькой тропке, выющейся между зарослями малины и черной смородины, они забрались на поросший редколесьем бугор, откуда действительно был отлично виден весь лагерь.

– Вон там – римляне, где частокол и ров, – показывал Беторикс.

– Ага, – закрываясь от солнца, девушка приложила ко лбу ладонь. – А на холмике, там что за строение?

– Галльская крепость. Алезия.

– Понятно. А там, на берегу, что за шатры?

– Это харчевни! Белорусы свою привезли, и от Мастера одна.

– Ага! Здорово!

– А вон ристалище, где огорожено. Смотри, уже народ собрался. Пойдем-ка. У меня восемь бойцов заявлено!

– Пойдем, – Веста кивнула и, подхватив подол столы, поспешила по тропинке вниз. – Буду болеть за твоих!

На берегу озера, недалеко от харчевни и соломенных мишеней, уже начался поединок. Сражались галл, вооруженный длинным мечом и большим щитом – овальным, украшенным красными шляпками гвоздиков, и римский легионер с коротким гладиусом и обычным скутумом.

– Хэк! Х-хэк! – Галл махал мечом, словно дрова рубил.

Видно было, что воинское счастье не улыбалось его сопернику. Оно и понятно – у галла меч длиннее, а щит легче в два раза. Бедняга римлянин уже запыхался и тяжело дышал, даже не пытаясь наносить удары, больше парировал. Вот снова сверкнул длинный галльский клинок... И-и-и-и...

– Темпера! – Ухнув мечом по умбону щита, судья – вчерашний пленный центурион – важно перевернул песочные часы, стоявшие на бревне. – Время! По очкам победа присуждается... Эдуарду Кряквину, клуб «Галльский вепрь»!

– Ура-а-а!!! – заорали вокруг «галлы». – Молодец, Эпоред!

Заметив Весту, народ расступился; кто-то из сидевших на бревне поспешно вскочил, кто-то покрыл освободившееся место сложенным плащом и даже с галантной заботливостью стряхнул с него налипшие сосновые иглы и чешуйки коры, дабы девушка не испачкала одежду.

– Кажется, я тут одна знатная дама, – с улыбкой заметила Веста, подобрав подол и усаживаясь.

Виталий кивнул: прочие «римские» девушки были одеты гораздо скромнее, в длинные серые туники и куцы плащики-паллы. Среди них выделялись женщины «варваров» в краше-ных рубахах и платьях, главным образом клетчатых, скрепленных на плечах фибулами. Сейчас они бурно приветствовали победителя, визжа и хлопая; Эпоред-Эдик довольно ухмылялся. Иные из собравшихся бросали нетерпеливые взгляды на солнечные часы, дожидаясь, когда тень от вогнанного в песок колышка подойдет к римской цифре десять и откроется харчевня. Избалованные заботливым Мастером, иные клубы даже продуктов не привозили и у себя в лагерьях еды не готовили. Вот и ждали, как в старые советские времена ждали начала работы

винных магазинов и отделов в гастрономах: сперва одиннадцати часов, потом, при Горбачеве – двух.

Римская таверна гордо именовалась «Милес фортис» – «Храбрый воин», о чем уведомила деревянная вывеска. У галльской корчмы вывеска была без надписи, ибо, как говорили варвары, «мы в первом веке неграмотные»; ее заменяло полотнище с вышитым на нем красным кабаном характерного кельтского вида. Тем не менее, когда хозяйки кивком дали понять, что заведения открыты, народ с равным энтузиазмом ринулся под тот и другой навес – за дощатыми столами сразу стало тесно, и у прилавка толпились жаждущие промочить горло.

Беторикс пошел к галлам, где уже заметил многих своих людей, например Эпоред и Камулогена с Бривасом. Последний, кстати, незаметно разбавил только что купленное вино нелегально пронесенным на маневры спиртиком из кожаной баклажки.

– Пей, друже!

Ничего плохого не подозревая, Виталий глотнул и закашлялся:

– Доброе у тебя вино, дружище Бривас! Лучше сказать, злое.

– А я и сам такой! Где барышню подцепил? Чьих будет?

– Сама по себе, – Беторикс оглянулся на Весту, окруженную знакомыми и смеющуюся.

– Клевая девка! – одобрительно поцокал языком дубинщик. – Ой, извини, если не то сказал.

– Да ладно, – лениво отмахнулся Виталий. – Какие обиды между друзьями?

– Вот за это и выпьем! – расхохотался Бривас. – За дружбу!

Уже начинало темнеть, в лагере запылали костры, но в таверне народу не убавлялось: здесь были снявшие доспехи римские воины в коротких туниках, пара пижонов-аристократов в белоснежных тогах, народ попроще, из тех, что зовется «моль некрашенная». Таких было большинство, ибо в «варвары» нередко идут те, кому не хватает денег или желания морочить себе голову и тянуться за уровнем раннесредневековой реконструкции, за пару десятилетий своего существования выработавшей довольно высокие требования к антуражу и технике боя. Что, правда, не мешает обычным «ранятникам»², например викингам, посещать «варварские» фестивали, без чего здесь никогда не собралось бы столько народу.

Стучали по столам глиняные, кожаные, деревянные кружки, питейные рога, кое-где мелькали бокалы из бледно-зеленого мутного стекла, в точности скопированные с античных образцов. Многие пили из кувшинов, передавая их друг другу. То тут, то там слышались веселые возгласы, шутки, на дальнем конце стола азартно резались в кости, разложив вокруг серебряные арабские дирхемы, кто-то уже в увлечении тянул с плеч аланский шелковый кафтан, собираясь ставить его на кон... За спиной бурно спорили о правилах допуска.

– Шлема пятого века должны канать, если весь комплект на эпоху!

– Нет, давай разберемся! Что ты подразумеваешь под шлемами пятого века? Если «лейден», то клуб «Готский путь» во главе с Бродериксом ввел допустимость этих шлемов для германцев второго века. Хотя, конечно, они датируются концом четвертого и пятым веком. Сам Бродерикс такой шлем носит, и Варг, и Торольв!

– Ну, я не знаю за германцев, но думаю, да, такой шлем покатит. И «вендель» третьего века из Торсберга покатит. А вот дальше уже не очень понял. При чем тут Вендель и Меровинги? Как бы где Уппсала, а где Франция!

С другой стороны, безбожно перевирая глаголы, кто-то затянул «римскую» песню – о царе Аяксе и Троянской войне:

² Имеется в виду реконструкция раннего средневековья, то есть периода с IX по XI век, одно из наиболее популярных направлений исторической реконструкции. «Позднатики» – специалисты по позднему средневековью, то есть по XII веку и позже. (Прим. ред.)

Ad bellum exit Ajax,
Edepol, edepol Ajajajah,
Ad bellum exit Ajax...

Виталий поморщился: в отличие от певцов, он сам латынь знал неплохо. Еще студентом учил, а уж потом, в аспирантуре, продолжил. Знать древние языки среди реконструкторов не обязательно, но, как говорится, это круто! Высший пилотаж – переход от материальной культуры к духовной, способных на это особенно уважают. С одеждой и снаряжением сейчас уже просто: все выкройки и образцы есть, украшения и оружие продаются в изобилии, а вот язык выучить – это ведь своей головой работать надо.

Я бегу по выжженной земле,

– ревели на другом конце стола.

Гермошлем захлопнув на ходу,
Мой «Фантом» стрелой белой
На распластанном крыле
С ревом набирает высоту!

– Вопрос с Венделем обсуждаем вполне, – продолжали сзади научный диспут, не обращая внимания на бедлам. – Но только в том случае, если это будет цельный, грамотный, качественный Вендель! Кошерный и со всеми прибабахами. Без обид, но неправильный «Вендель-четырнадцать» начала шестого века с закосом под германца времен войн с Римом не катит ни в коем случае...

– Торунн, ты наверняка знаешь, послушай: красила я тут льняную домоткань луковой шелухой плюс железосодержащие квасцы. Получился грязно-серый цвет с зеленоватым оттенком. Не знаешь, чем его можно позеленее сделать?

– Самый простой и доступный способ – это крапива с медным купоросом...

– Я его отовариваю бродексом по жбану, а он, гад, не ложится!

– Никак не получается зеленый цвет на льне, только бурый. И так и эдак пыталась, и в заварку крапивную медный купорос кидала, и на ночь ставила настаиваться...

– Крапива очень капризная. В идеале надо здоровущий котел, забитый доверху крапивой, долго варить, отжать, в ту же воду еще столько же крапивы, снова варить...

– Я бил-то в шлем, а он пригнулся, и у меня клинок – раз! – ему в основание черепа слетает...

– А она подходит и спрашивает: у тебя в спальнике еще место есть? Я говорю, залезай. И вот она залезает, а потом чувствую – руку мне в штаны начинает засовывать...

– Кстати, как рука твоя?

– Все отлично. Локоть на двух шурупах собрали.

– Ого! А Скалли тогда зашивать предлагал! Не болит уже?

– Нет. Только согнуть локоть полностью не могу, видишь – до плеча не достаю.

– Воевать уже пойдешь?

– Второй выезд воюю. На Ладогe Гери еще не пускал, а теперь меня никто не остановит. Кстати, почитал тогда перед Изборском про гипсовые перевязки немного в инете: на Википедии в статье про Пирогова написано, что это он впервые в мире начал применять гипсовые повязки в середине девятнадцатого века. Но также нашел я статечку про Ар-Рази, иранца одного, который, мол, еще в те времена, девятый-десятый век, применял гипс в медицине для

повязок. Так что вполне можно было предположить условную историчность моего лангета. Конечно, бинт из хлопка, но ведь и его можно за уши притянуть, с Востока-то...

Все громче звучали голоса, слышались уже и раскатистый хохот и самые сальные шутки.

Появились музыканты в коротких туниках и венках из полевых цветов, с флейтой, лирой, тамбурином, цимбалами и даже и скабиллумом – это две дощечки на шарнире, подвязанные под ступню, как подошва, чтобы отбивать такт. Три римские девушки в коротких туниках закружились в танце.

– Люблю античность, – с чувством произнес кто-то позади Беторикса; мельком оглянувшись, он увидел за спиной здорового мужика с бородой, в обычной раннесредневековой рубашке и с латунной пряжкой, выдававшими в нем викинга. Под рубашку уходила толстая серебряная цепь историчного плетения, на которой – к гадалке не ходи! – наверняка висел «молоточек Тора», без которых настоящие современные викинги не ходят даже в баню, но которые организаторы «варварских» мероприятий требуют убирать с глаз, заодно с иными слишком яркими приметами эпохи викингов. Взгляд бородатого был прикован к ногам танцовщиц, открытым «по самое никуда». – У наших такого не увидишь. У нас кто в жару подол до колен поднимет, сразу крик: это что за порнография?

– Здорово пляшут, – согласился Виталий. – Нет, в самом деле.

– Эй, красотка? А ты что стоишь? – раздался где-то в стороне пьяноватый мужской голос. – Чего не танцуешь? Что? Куда-куда ты меня послала?!

Виталий обернулся: какой-то черт-легионер, дылда под два метра ростом, норовил выпихнуть в круг Весту и даже сорвал с нее паллу. Стоящие поблизости пытались его урезонить, но пока тщетно, и ситуация явно требовала вмешательства. Как социолог, Беторикс понимал, что слова в такой ситуации бесполезны. Просто, будучи тоже парнем не хилым, подошел к нахалу да врезал по зубам!

– Вот это славно! – обрадовались вокруг. – А то что же за праздник без драки?

– Толян, там Марцелия бьют! – всполошились, видать, одноклубники дылды. – Не знаю, галлы какие-то!

– А ну, братва, бей галлов!

– Что тут такое, что?

– Галлы драку заказали!

– Галлы?

– Они, они...

– Мхх!!!

И понеслось! Драка вспыхнула, будто охапка соломы, к которой поднесли спичку. Народ, подогретый выпивкой, всей душой жаждал помахать кулаками.

Эх, раззудись плечо!

Девчонки перестали танцевать, а музыканты все наяривали, словно бы ничего особенно не происходило.

– На, поросенок поганный, вот тебе! Бац! Бац! Бац!

– У-у-у-у!!!

– Н-на, собака римская! Получи, фашист, гранату!

– Ах ты, галльская свинья!

– А-а-а-а!!! Сволочи!

– Только не по голове! Только не по голове! Только не... а-а-а-а!!!

– Фуб! Фуб, фуки, фыбили!

– Димыч, слезь с него! Этот не тот, просто рубаха похожа!

– Мля, серьгу оторвали вместе с ухом! Сволочи, серьгу отдайте, Ганс таких больше не делает!

– Прекратить побоище! – прозвучал вдруг, словно гром небесный, усиленный микрофоном голос. – Драться будете завтра, а сейчас для всех желающих – холодный душ!

Откуда у организаторов взялась пожарная помпа, никто не знал, однако струя холодной воды окатила драчунов весьма качественно, многих даже сбила с ног и заставила протрезветь немного. Вспыхнувшая было драка закончилась, снова продолжалась пьянка, тем более что Мастер выставил каждому объемистую кружку пива бесплатно.

– Слава Мастеру! – хором закричали «легионеры» и «галлы». – Вива!

Оросив всех озерной водичкой, пожарный насос стих, будто потревоженный зверь снова заснул.

– А помпа-то у них электрическая, – вытирая разбитую в кровь губу, задумчиво произнес Камулоген. – А дизеля я тут нигде не видел. Как же насос-то работает?

– Так может, на солярке или бензиновый...

– Не, Виталя, я ж мотористом когда-то был, в таких делах опытный. Уж электронасос от дизельного отличу. Электричество, и думать нечего! А генератора нет. Может, от какой-нибудь старой ветки запитались?

– Может, – согласно кивнул Беторикс. – Нам-то какая разница?

– Это верно, никакой. Но, мне, как специалисту, интересно.

Виталий поискал глазами Весту, но красотки нигде не было видно.

Вдруг кто-то несмело потянул его за рукав туники:

– Беторикс...

Молодой человек обернулся и увидел подростка, искательно смотрящего в глаза. Это был Каген, тот самый, что подглядывал за купавшимися девками.

– Чего тебе?

– Это я наших позвал.

– Ну, молодец. Что еще?

– Поговорить бы! – Юноша наконец набрался смелости. – На пару слов, с глазу на глаз.

– Ну, пошли, – допив вино, Виталий махнул рукой. – Перетрем... Важное что-то?

– Очень... – Каген обхватил себя за плечи и зябко поежился. – Не знаю даже, как и сказать.

– Скажи как есть... Вон туда, к озеру пошли. Вроде там тихо.

Они уселись на берегу, свесив ноги со старых мостков. Позади, в харчевнях, слышались веселые голоса и смех, где-то рядом плескалась рыба, а в черной воде отражались дрожащая луна и звезды. Беторикс зачерпнув ладонью воду, намочил стремительно распухавшее ухо – все ж таки приложили изрядно.

– Ну, что у тебя?

– Вот... – Парнишка протянул ладонь, на которой блеснул сотовый телефон.

– И что? Нашел, что ли?

– Это мой.

– Ну и?

– Это... – Парнишка упрямо сжал губы, немного помолчал и, опустив голову, еле слышно промолвил: – Это я вас выдал. Вот сегодня утром... ночью. И сидел в кусточках, вовсе не за девками смотрел...

Беторикс помолчал. Как он и подозревал, в окружении нашелся предатель, но зачем же он признался? И что тут было сказать – дать в морду? Этому сопляку?

– Понимаешь, Беторикс, – все так же негромко продолжал парень. – Ты, я чувствую, не такой, как все наши. Не знаю, как объяснить, но... Тебе можно довериться, а мне больше просто некому, понимаешь?

Подростка уже начинало трясти от волнения, так что, казалось, он сейчас упадет с мостков в воду.

– Это еще не все! Самое-то главное дальше... Я должен сообщать обо всем, что творится в крепости! Шпионить, в общем, – парнишка грустно усмехнулся. – Просто я очень, очень сильно хотел к римлянам поступить, легионером быть. У меня и прикид есть, и доспехи, а Юний меня нипочем брать не хотел. А потом сказал: просись к Беториксу, поедешь с ними, поможешь нам, а там и посмотрим. Ну, я и согласился... ну это самое...

– Тоже мне, Штирлиц! – жестко отозвался Беторикс. – А ведь говорили мне: свои его не берут, тебе-то зачем? Пожалел я тебя, дурака, потому что знаю – у Юния вашего понтов выше крыши. Думал, ты нормальный человек, а он, оказывается, правильно делал, что тебя не брал.

– Но я решил: я не буду. Нехорошо это.

– Ну, надо же, – Виталий скептически усмехнулся. – Разобрался-таки, понял, что хорошо, а что плохо. Кроха сын к отцу пришел... Тебе не три года, должен понимать. Однако я Юнию это запомню!

– Знаешь, я, наверное, домой уеду. Вот завтра с утра и уйду. Или даже прямо сейчас, – подросток говорило громко, на срыве, уже чуть ли не плакал.

Беторикс махнул рукой:

– Куда ты сейчас пойдешь? Кто тебя одного ночью отпустит? Я ж отвечаю за тебя, дурака. Со всеми поедешь. И смыться не вздумай – после этого вообще можешь ни в один клуб больше не показываться. Но если Юний узнает, что ты мне все рассказал, легионером тебе не бывать. У него, во всяком случае.

– Ну и пусть! – Подросток упрямо набычился. – Я-то и сам дурак, что согласился. Выйдет из меня не легионер, а предатель и сволочь. Не надо мне такого. Я уж лучше к шотландцам пойду, меня, между прочим, Донах сам звал...

– Ну вот, начал соображать! – Беторикс одобрительно кивнул. – Какая разница, по большому-то счету, в шотландцы ты пойдешь, в легионеры, в кирасиры, в стрельцы или фрицы, главное, мужиком быть, а не мразью.

– Да я понял! Клянусь, больше никогда...

– А вот клясться не надо. Не нужно лишнего пафоса. Будь проще, и люди к тебе потянутся. И смотри молчи – никому больше не каяться, понял? – предостерег Беторикс. – Не было ничего!

Не хватало еще, чтобы Эпоред с Бривасом и прочими узнали о предателе – проходу потом не дадут собственному вождю, который по доброте душевной взял на выезд чужого парня и так нарвался. А от Юния ничего хорошего ждать и не приходилось. Только раньше Беторикс думал, что легат «Римского орла» просто от понтов так разборчив, не хочет брать на выезд человека, который еще не встанет в строй по малолетству, а тот, оказывается, вон что задумал!

– Теперь уж Алезия отстоим! – радостно потер руки раскаявшийся предатель.

– А мы и так не сомневались! – хмыкнул Виталий.

Общий план нынешних маневров был основан на действительных исторических событиях – так пожелал сам Мастер. В основу лег сюжет из «Записок о Галльской войне»: осада галльской крепости Алезия, где Цезарь пленил Верцингеторикса осенью пятьдесят второго года до Рождества Христова, после чего галлы распрощались с независимостью. Впрочем, исход был предreshен: Галлия, конгломерат племен, ревниво друг за другом следящих и объединившихся лишь на какое-то время, едва ли могла устоять перед Римским государством. Даже «дружба против Рима» не способна была по-настоящему сплотить всех этих эдуев, битуригов, сенонов, паризиев.

В действительности Алезия пала, но здесь, на маневрах, галлы не собирались так просто сдаваться! Беториксу очень нравилось название крепости – Алезия. Красиво звучит. В Париже такая улица есть, в четырнадцатом округе.

– Ты чего такой веселый? – вернувшись мыслями из французской столицы, Беторикс покосился на довольно улыбающегося подростка.

– Так... – парнишка пожал плечами. – Рад, что теперь не предатель. Уфф... Словно гора с плеч свалилась.

Глава 3. Лето. Туманный бор и окрестности

«К Элизе»

Было уже за полночь, и Беторикс простился с Кагеном – все ж таки к завтрашнему дню надо было выспаться, в полдень – общее построение и штурм. Пиво пивом, а война по расписанию. Не бухать, чай, приехали! В лагере кто-то еще пел песни из мультиков, кто-то уже храпел, упав наземь прямо возле костра на расстеленный плащ, кто-то упорно продолжал «квасить» – завтра распухшая башка в шлем не влезет. Римляне расползлись по своим палаткам, галлы набились в хижину – круглую полуземлянку, выстроенную и подновляемую заботами того же Мастера.

– Беторикс! – позвали сзади, едва он собирался сойти по трем деревянным ступенькам. – Куда ты запропал? Я тебя искала, а мне сказали, ты ушел с каким-то парнем! Вот уж не ожидала от тебя!

– Веста? – резко обернувшись, откликнулся Виталий и усмехнулся. – Даже не думай так обо мне думать!

– А я и подумала – на тебя не похоже!

С мокрыми спутанными волосам, в одной короткой тунике и босиком, Веста казалась сейчас какой-то озерной нимфой, берегиней прозрачных вод.

– Купалась, что ли? – усмехнулся вождь.

– Хотела попросить: поможешь отнести мою оставшуюся одежду к машине?

– А ты что, в машине спать собралась?

– Да, лучше там, – девчонка кивнула. – В шатре комары достанут. И покурить очень хочется, а в лагере нельзя.

У озера слышались веселые голоса и вопли – девушки и молодые люди купались голышом в теплой летней водичке.

– И ты с ними плескалась? – Беторикс кивнул в ту сторону.

– Ну, тебя же не было! Вон моя одежонка, за кустом. Бери столу, калыцеи, мешок тоже забирай.

– Твой мешок?

– Ну, а чей же?

– Красивый. Бисером сама вышивала?

– Нет. Сделали...

Молодой человек поднес мешок к глазам, при свете луны и звезд пытаясь разглядеть узор:

– Это откуда? И не римский, и не галльский, не пойму, что за стиль.

Не отвечая, Веста помахала рукой компании легионеров, которые тут же принялись зазывать девушку к себе. Поднявшись по тропинке к лесу, Беторикс и Веста миновали пологий холм и оказались у поляны с автомобилями. У сосен околачивалось несколько человек – белели в темноте рубахи, мерцали огоньки сигарет.

– Это... у вас покурить, случайно, нету? – окликнул кто-то.

– Случайно есть, но в машине. Пошли, выдадим.

– Вот здорово! И комары еще заели, собаки!

Комары в начале лета и впрямь составляли проблему, при которой и разная химия из баллончиков, и дымящие спирали помогали мало.

– Держи! – забравшись в салон, Веста бросила парню пачку каких-то тоненьких женских сигареток.

– С ментолом, что ли? – подозрительно принялся воин. – Ладно... хотя бы что. А зажигалки нет?

– Ой, как хорошо! – Усевшись на капот, Веста прикрыла глаза и блаженно затаилась. – Ты не куришь?

– Нет. Вот не привык как-то.

– И славно. Не стоит привыкать – потом не отвыкнешь. Ладно, – девушка выбросила окурок и потянулась. – Забирайся в салон, поболтаем. Мне что-то совсем спать не хочется, а тебе? И Васюкин, как назло, в райцентр уехал – какие-то заморочки со следствием.

– Стало быть, не такие у Кассия легкие повреждения, как он в ментовке говорил.

Молодой человек уселся рядом, точнее сказать, улегся, поскольку Веста уже опустила спинки сидений. Дальше все пошло, как и ожидалось. В какой-то момент их пальцы встретились... а губы слились в поцелуе. Руки Беторикса скользнули под тунику Весты, лаская спину, животик, грудь, впитывая в себя жар юного упругого тела... Так жаждущего любви...

Вот уже полетела прочь туника, тела сплелись в едином порыве, и послышались стоны... И...

Молодые люди обрели наконец друг друга... им сейчас завидовали звезды...

А в динамиках что-то тихо мурлыкал французский певец, Виталий не знал, какой именно.

– Это Ален Сушон, – вдруг улыбнулась Веста, будто прочитала его мысли.

– Давно хотел сказать – ты очень красивая, – прошептал Беторикс, целуя девушку в мочку уха.

– Ты говорил уже... Как мы с тобой зажгли, а? Аж амортизаторы скрипели – слышал? Хорошая все-таки вещь – машина. И не увидит никто, и комары не кусают.

Да, на богиню-хранительницу домашнего очага, в честь которой получила имя, эта девчонка походила мало. Скорее на Венеру, любвеобильную и легкомысленную.

И снова Беторикс и Веста занялись любовью, которой, наверное, оба ждали давно, с тех пор еще, как познакомились по Интернету. И как-то очень быстро наступило утро – сделалось вдруг светло, а на вершинах сосен вспыхнули золотым пламенем первые лучи встающего летнего солнышка.

– Хорошо как! – Опустив стекло, Веста закурила и расслабленно потянулась. – И небо какое прозрачное. Ничего, что курю?

– Ничего.

Виталий пожал плечами. Вообще-то ему не очень нравились курящие девушки, но Веста ведь не его девушка, она сама по себе. Правда, где-то в глубине души появилась надежда, что эта случайная связь все же станет началом чего-то большего.

Откуда-то из пролеска вдруг послышались возбужденные голоса, будто кто-то там ругался или даже дрался.

– Пойду гляну. – Беторикс живенько натянул браки. – А ты не дергайся, спи...

Веста лукаво прищурилась:

– Дадут тут некоторые поспать, как же!

Звякнул браслет на ее запястье; мельком бросив на него взгляд, Виталий в который уже раз удивился. Браслеты были изумительные: очень хорошей работы, бронзовые с красной эмалью, он таких никогда не видел – в смысле, на людях. Только в музее. Спрашивал, кто же такие делает, но Веста только усмехнулась. Может, из-за границы привезли? Из наших мастеров точно никто такого не умеет, это Беторикс знал. Секрет древних галльских ювелиров считается утерянным. Впрочем, у Весты все антуражные вещи были высочайшего качества, что уже выдавало хорошую подготовку и неслабое материальное обеспечение. Но все остальное достать можно, были бы деньги и желание, а вот браслеты на всю тусовку такие одни, Виталий мог бы за это поручиться.

Осторожно закрыв дверцу машины, Беторикс зашагал к перелеску. На лесной дорожке, упрямо выставив вперед выкрашенную в желто-красный цвет тупорылую морду, стоял ГАЗон с кунгом, рядом гомонили мужики самого брутального вида – небритые, смолящие «Беломор» и постоянно сплевывающие. Пахло от мужиков, как и полагается – перегаром, одеты они были в одинаковые куртки – зеленые с синим.

– Ну, так че, мля, мы долго тут стоять будем? – наседа на бедолагу Кагена здоровяк в оранжевой каске, сдвинутой на затылок.

– Ну, чуть-чуть-то подождите, я уже человека за шефом послал.

– И долго нам ждать еще? Нет, ну, блин, специально решили сегодня пораньше выехать – пока эту чертову утечку отыщешь.

– Здорово, мужики! – подойдя ближе, доброжелательно улыбнулся Виталий. – Что такое случилось-то?

– Да коротнуло где-то, – махнул рукой детинушка. – А этот вот черт не пускает!

– Правильно, в лагерь въезд автотранспорта запрещен. И здесь частная территория.

– Во, мля! Вам все игрушки, а нам работать надо. И, главное, с той стороны, по другой дороге сунулись – там тоже какие-то голоногие черти, со щитами, с копьями. Это вы что же, кино снимаете?

– Ну, типа того, – Виталий кивнул, ибо видел: данному контингенту объяснять суть и принципы исторической реконструкции совершенно бесполезно и незачем.

– Значит, от вас коротнуло! – Пожилой сплюнул. – Так я и думал.

– Да у нас электричества нет.

– Ага, нет... А как кино снимаете?

– Василич, сейчас все камеры на батарейках, на аккумуляторах, – с важным видом пояснил парень в замасленных джинсах и кирзачах. – Ну, как твой мобильник, типа того.

– Ну, мля... Чего же нам делать-то?

– Подождите немного, – усмехнулся Беторикс. – Сейчас хозяин придет.

– Это Васюкин-то?

– Он. И земелька эта его тоже. В аренду на сорок девять лет взял.

– Землю-то взял, а линию? Линия-то наша, нашим электросетям принадлежит, – Василич начал как-то не по-хорошему волноваться. – Не, мужики, вы сами-то думайте – вчера шесть деревень обесточили! Ладно бы зимой, когда там две с половиной бабки живут, а сейчас – дачники, родственники, людей море! И у каждого холодильник, телевизор, компьютер. Волнуются люди, жалобы пишут.

– Ну, это понятно, – Виталий кивнул.

– Понятно им... Хэ! – Василич с презрением сплюнул.

Что ж, мужиков этих, судя по всему, электриков-линейщиков, можно было понять. Что поделать – работа, за которую не так уж много и платят. Точнее сказать, мало, с городскими зарплатами не сравнить. В городе и на пятнадцать тысяч неохотно идут, а здесь и десятка – зарплата приличная, потому что другой никто не даст. Работать особо негде: развалено все, даже леспромхоз, не говоря уже о колхозах-совхозах. Вот и крутятся мужички, бедуют – кто-то извозом подрабатывает, если колеса есть хоть какие, кто-то лесок напилит втихаря, украдет – да ведь еще проблема на пилораму его вывезти! Да и лес-то нынче не народное добро, а частная собственность арендаторов-лиходеев. Попробуй-ка, укради – головушку твоей же пилой и отчекрыжат, бывали случаи – целые «дикие» бригады пропадали.

Относительно безопасна только охота-рыбалка, ну и грибы-ягоды в сезон на сдачу собирать, приторговывать на обочине или, кому некогда да и не на чем до федеральной трассы добраться, сдавать местным перекупщикам, которые тоже не на себя, а на чужого городского дядю работают. Такие вот дела. Все, нет деревни! Разворовали, схарчили – одни дачи остались. В чем-то, конечно, и объективный процесс – урбанизация называется, а в чем-то – ну уж такой

подлый, что дальше некуда. Чем деревенский мужик, вот тот же Василич, хуже городского пижона? Только тем, что в деревне родиться угораздило. У кого-то с рождения все, а у кого-то и то, что было, отхватить норовит родное государство. Школы закрывают, больницы – выживай, как знаешь, в город беги, гастарбайтеров локтями расталкивай... Да растолкаешь тут – больно много их, бедолаг, в обеих столицах уже счет пошел на миллионы. Лет через тридцать узбекский или таджикский вторым государственным языком будет.

И вот на фоне всей этой невеселой жизни вдруг приезжают в родные места, где каждый листик, каждое деревцо знаешь, какие-то не пойми кто. С точки зрения деревенских жителей – сытенькие городские бездельники, ворюги, потому как работающий-то человек разве будет по болотам голыми волосатыми ножками бегать? Тьфу! И смотреть-то противно.

Черт! А Васюкин-то, между прочим, в райцентр вчера вечером укатил! Ну да – и джипа нет, так что зря Мастера ищут. Искать надо Ариовиста, он комендант лагеря и должен знать, где тут линия и что делать. Только его мало разыскать, его еще разбудить надо, а он в такую рань едва ли шибко соображает. Вот засада-то! А мужики ждать не настроены. Если местные всерьез обидятся, тут и охотничьи ружья в ход пойдут, и обрезы, а у кого-то, может, на огорожке дедушкой еще и пулемет прикопан!

– Вот что мужики, шефа вы, думаю, не дождетесь, но я сам с вами поеду, – решил наконец Беторикс, подозревая, что из командиров он сейчас один трезвый и надо брать все на себя. – Покажу, где тут у нас что. К обеду-то управимся?

– Как пойдет.

– Ну и ладно. Поехали.

И все же Виталия терзали смутные сомнения. Он подозревал, что Васюкин, будь он на месте, ремонтников на свою территорию не пустил бы, по крайней мере до конца маневров. С властью бы местной связался, милицию бы подключил... Пожалуй, это было сейчас единственно верным решением – поехать с линейщиками.

У Ариовиста обязательно должен быть васюкинский телефон – с опозданием сообразил Виталий. И у Лонгуса, и у Хагена, и у Кетиля, у прочих местных вождей, которые давно с богатеem-благодетелем знакомы. Чего сам-то вчера не догадался номер взять, на всякий случай?

А скорее всего, и Веста знает, как с Мастером связаться – вдруг осенило Беторикса. Не сама же красотка заработала денег на красный «рено» и браслеты с цветной эмалью, а Васюкин явно принимает девушку близко к сердцу, так что... Но эти мысли были слишком неприятны, поэтому Виталий поспешно их отогнал. Пусть девушка спит, незачем будить.

Линейщики, видно было, обрадовались, заскочили в кунг. Бригадир Василич, выгнав парнишку-шофера, сам уселся за руль, пригласив Виталия с собой в кабину. Скосив глаза, буркнул:

– Уж извиняй, ежели от чего оторвали.

– Да ничего.

– Ну и это... спасибо. У мужиков чуть премия не сорвалась. Да и шесть деревень без света сидят – тоже нехорошее дело.

– Оно ясно, что нехорошее, – в задумчивости кивнул Виталий.

Бригадир тронул машину – поехали, поглядывая по сторонам, по лесной дорожке.

– Это наш лагерь, – время от времени пояснял Виталий. – Вон, у реки – шатры.

– Ага, вижу! – Василич смотрел во все глаза, благо ГАЗик как раз выехал на пригорок. – Это ж надо – народу-то! Вот бы всех да на колхозное поле. На прополку там или камни за трактором собирать.

– Они все и так где-то работают или учатся, а здесь выходные и каникулы проводят. Да ведь колхозов-то давно уже нет.

– Вот и плохо, что нет. Плохо. – Выруливая на идущую вдоль озера поворотку, бригадир неожиданно улыбнулся. – А у меня ведь прадеда раскулачили. До войны еще. Мы как раз в

этих местах жили – два десятка деревень было, сейчас вот осталось шесть. Все забрали, суки, и дом отобрали, и коров, и коней, и сад... Сад ведь был у прадеда-то, да какой сад! Сколько труда вложено, все своим горбом, умом своим. Коммуняки-то поганые, после прадеда-то так ведь и не смогли с садом управиться – вырубili.

– Странный вы какой-то, – честно признался Виталий. – Прадеда репрессировали, а вы о колхозах ностальгируете.

– А что тут такого странного? – хмыкнул бригадир. – Ничего странного нету. Сталина-то многие сейчас поминают не потому ведь, что страшно при нем жилось. Страшно было, да. Баба, царство ей небесное, порассказывала – ужас! И жмых приходилось есть, и председателя молодухи, бывало, за трудодни ублажали. В лесу, казалось бы, жили, а дров попробуй выпроси, и покосы – если дадут, так загонят в самую неудобь. И вот, случай был: клуб в деревне одной к празднику украшали, все как положено – лапник еловый к стенам прибили, ленточки красные... Сталина портрет в углу стоял, очереди своей дожидался. Один-то мужик возьми да ляпни – вот, осталось Сталина только повесить... Ну, не подумавши сказал. А на следующий же день из района полуторка за ним пришла – это позвонил кто-то, донес. Больше мужика этого и не видели.

– Да уж, – кивнул молодой человек. – Страшные времена были.

– Страшные, да... Но справедливые. Да всех, суки, жали, но ведь и ворье всякое не могло подняться. А сейчас, ты посмотри, что творится-то? Всю Россию продали, твари. Хорошо хоть на нефть еще цену дают, а не было бы, так давно бы все сдохли.

Бригадир угрюмо замолчал, видать, погрузился в свои не очень-то веселые мысли. Впрочем, помалкивал он недолго.

– Вон наша линия, – Василич кивнул на появившиеся из леса серые чахлые столбики. – Тоже с советских времен стоит – глаз да глаз нужен. То деревом провода порвет, то веткой, а то и столб ветром повалит, старое ведь все! Сейчас выпущу мужиков, чтоб «прозвонили».

Притормозив прямо на середине узкой дорожки – никакой обочины все равно не наблюдалось, одни кусты да папоротники, – бригадир выскочил на дорогу и сразу едва не ступил в глубокую коричневатую-желтую лужу, после чего выругался, высморкался и заорал:

– Эй, вы чего там? Оглохли, что ли?

Дверь кунга сейчас же открылась:

– Все, Василич, выходим. Ваську вон с Лехой «козлами» оставили! С «хвостами» и с «яйцами»!

– Картежники, блин! – Бригадир сплюнул. – А ну, живее давайте, что нам тут, до ночи по лесам шастать? Да и человека, вон, задерживать не с руки.

Беторикс улыбнулся: стоило проехаться да потрепаться за жизнь, как уже стал не городским пижоном, а человеком! А если бы еще и водки выпить?

Электрики живенько «прозвонили» линию, но особых неполадок не обнаружили, разве что кое-где пришлось поменять изоляторы.

– Та-ак... – задумчиво пробормотал Василич. – Здесь, значит все чисто. Стало быть, ЛЭП!

– Значит – ЛЭП! – эхом откликнулся молоденький водила. – Тогда поехали к просеке... Василич! Может, все-таки меня за рульпустишь?

– «Козла» покуда забей. Может, повезет – отыграешься.

Шофер поправил кепку:

– Я, Василич, никогда не отыгрываюсь – потому что не азартный. Вот и жена говорит...

– Ладно, хватит болтать, поехали. – Загнав ремонтников в кунг, бригадир вновь уселся за руль и, посмотрев на Виталия, пояснил: – До просеки не близко, верст пятнадцать будет, да еще по такой дороге. Васюкин-то от ЛЭП чего запитал?

– Честно сказать, не знаю, – Виталий пожал плечами.

– Если и запитал, так только через нашу подстанцию. – Запустив двигатель, бригадир хмыкнул и тихонько въехал в лужу.

– Думаю, все законно там, – Беторикс усмехнулся. – Всяко Васюкин уж проплатил кому надо. Денег у него хватит.

– Кто бы сомневался! – рассмеялся Василич. – Почему только у нас таких денег нет? Вот... извини, имя запомнил...

– Виталий. А вы?

– А я – Тихон Василич. Ну, все Василичем кличут, потому как – начальство! А вот ты, Виталий, извиняюсь за вопрос, кем трудишься?

– Я-то? Ученый. – Беторикс пригладил волосы в напрасной попытке придать своей варварской внешности хоть сколько-то «цивильный» вид.

– Иди ты! – Бригадир, похоже, несказанно удивился.

– Аспирант на кафедре социальных наук. А здесь материал для кандидатской диссертации собираю. Скоро защита!

– Да ну! – Василич крикнул и потряс головой. – Ученый! Ну, надо же... Тебя... вас по отчеству-то как?

– Аркадьевич. Да не надо по отчеству, молодой еще!

– Все равно. Раз ученый человек, то полагается, – Василич покосился на Виталия с нескрываемым уважением. – То-то я и смотрю, ты, Аркадьич, от всей этой шантрапы отличаешься... С нами вот как человек, поступил, не выкобенивался... Теперь понятно – ученый. А в каких науках?

– Я ж сказал, социолог.

– Это как?

– Ну, личности изучаю, малые группы, толпу...

– Толпу? Это я понимаю, – чуть прибавив скорость, бригадир покачал головой. – Вон, у меня сейчас в кунге сидят, люди как люди – это малая группа, я так понимаю?

– Совершенно верно!

– А как напьются, так будут – толпа! Тупое неуправляемое стадо, как моя супружница говорит, а она у меня учительша, в начальной школе работала, пока школа была. Сейчас дома сидит – работы для нее нету.

– Эх, как вы их! – Виталий оглянулся на кунг.

– Да это я просто для примера. Не такие уж они и пьяницы – опойков-то кто на работу возьмет? Тем более с электричеством. Хотя, да... алкоголиков на деревне хватает, соберутся, бывает, у Федюнихи – она спиртом торгует, и ну умолять: продай в долг да продай. А Федюниха тоже не дура: давайте-ко, говорит, огородик мне прополите да картошечку поокучивайте, а уж потом, так и быть, налью. И ведь нальет, не обманет – отравы не жалко. Ага... – Бригадир кивнул вперед. – Вот и ЛЭП, а вон просека. Там сейчас и встанем. Дальше уж, до трансформаторной будки, пешком идти придется.

Пешком и пошли, почти всей бригадой. А вокруг было хорошо, благостно! Посреди буйного разнотравья покачивал лиловыми бутонами иван-чай, розовел клевер, били по глазам желтизной ромашки и лютики, а кое-где синими, словно отражение неба, озерами плескались колокольчики. Жаль только вот задожило, да и похолодало изрядно.

– Вон она, будка-то. – Обернувшись к Виталию, бригадир показал на белеющее впереди небольшое строение из белого кирпича. – Хоть и глушь несусветная, дач-деревень поблизости нет, так все равно бы давно разобрали, кирпич в хозяйстве сгодится. Однако ж электричества боятся, а еще больше боятся остаться без него. Потому и будку не трогают. Да и есть пока, откуда кирпичи брать, вон на пригорке ферма бывшая. Раньше коров держали, теперь... уж не знаю и что там. Васюкин ваш вроде собирался ее за каким-то хреном выкупить. Выкупил, нет? Не знаешь, Аркадьич?

– Не знаю. Я вообще Васюкина плохо знаю.

– Понятно. Ну, чего там, парни?

Двое электриков уже вынырнули из будки:

– Там это... кабель какой-то идет, во! – толстенный. И автоматы вырубило.

– Так врубите!

– Врубили уже. Слышь, как гудит-то?

– Да уж, – бригадир усмехнулся. – Загудело, слава богу. Все ж надо по кабелю этому пройти, думаю, в нем вся загвоздка. Вдруг да еще коротнет, вырубит...

Черный кабель, толщиной сантиметра три, змеей вился среди травы и кустов, уходя, насколько можно было предполагать, к заброшенной ферме. Да и куда тут еще?

– Пошли, – Василич махнул рукой. – Глянем. Васька, Колыша, ломики в кунге возьмите. Мало ли – пригодятся.

Бывшая молочная ферма выглядела так же, как тысячи других разрушенных ферм по всей России-матушке. Когда-то был совхоз, жили люди, доярки-передовики зарабатывали очень даже прилично и многое могли себе позволить. Вот и сейчас еще валялся в траве проржавевший стенд с какими-то призывами – то ли к двадцать пятому съезду КПСС, то ли к двадцать шестому, а внутри, куда линейщики и Виталий проникли сквозь разобранную по кирпичику стену, под самым потолком тлел пожухлым кумачом баннер – «Слава великому советскому народу – строителю коммунизма!»

После открытого пространства здесь показалось довольно темно, и кто-то включил фонарик.

– Ох, ничего себе! Василич, ты глянь, что делается-то.

Любопытствуя, Беторикс тоже подался следом за бригадиром. Приземистое здание фермы пересекала кирпичная стена, явно сложенная недавно, с массивной железной дверью. Именно за эту стену и уходил кабель.

– Ну че? – Один из электриков оглянулся. – Будем ломать?

– Нет! И думать не смейте!

Звонкий женский голос эхом отразился от стен; все обернулись, и Виталий вздрогнул: в проломе стояла Веста – уже не в антураже, а вновь в камуфляжных штанах, гораздо больше подходящих для лазанья по лесу, чем наряд древнеримской матроны. В руке она держала черную кожаную папку, а вид ее и тон казались непривычно официальными – будто у лица, облеченного властью. Виталий даже подумал: может, она по «цивильной» профессии адвокат или что-то вроде того? А что такого: среди реконструкторов и депутаты встречаются, и офицеры разных спецслужб...

– Так, мужчины! – Подмигнув Виталию, Веста строго взглянула на линейщиков. – Эта ферма – частная собственность господина Васюкина, Геннадия Игоревича, а я – его законный представитель. Вот документы. – Девушка быстро раскрыла папку. – Кто у вас за главного? Вы, да?

– Ну, я. – Василич поправил на голове кепку.

– А директора вашего Иваном Рудольфовичем зовут?

– Так... Рудольфычем...

Линейщики явно чувствовали себя не в своей тарелке, и Виталий, как социолог, хорошо представлял почему. Они никак не могли сообразить, с кем имеют дело: собеседница их выглядела как фифа-туристка из города, то есть существо несерьезное, но говорила холодным официальным тоном, да и черная папка наводила на мысль о представителе властей. Она была для них непонятна, а все непонятное пугает. Виталий и сам удивился: откуда Веста здесь взялась так быстро? Выходит, все это время ехала за ними?

– Я вас уверяю, Тихон Васильевич, Геннадий Игоревич все вопросы с Иваном Рудольфовичем согласует, и в самое ближайшее время! – заверила Веста.

– Да мне без разницы, – махнул рукой бригадир. – Лишь бы замыканий больше не было, а то ведь люди-то жалуются.

– Ничего, – Веста улыбнулась. – Уверяю вас, мы все-все уладим. Вы же линию починили?

– Да заработало вроде.

– Ну, вот и прекрасно! Думаю, Геннадий Игоревич вам тоже подбросит премию.

– Ну, уж вы скажете...

– Да, да, именно так. Ему ведь тоже неохота без света сидеть.

Бригадир задумчиво потер подбородок:

– Понимаете, нам бы начальству доложить, а мобильной связи здесь нету.

– Да, нету. Так вы же, говорите, все починили?

– Починили, да.

– Ну и прекрасно! Господин Васюкин очень скоро будет и первым делом заедет к вашему начальству, это я вам гарантирую.

– Ну, тогда поехали, мужики! – Василич решительно махнул рукой. – Мы свою работу сделали. Аркадьич, тебя обратно подбросить?

– Нет, не нужно, – ответила ему Веста. – Виталия Аркадьевича я сама подвезу.

Однако! – мысленно отметил Беторикс, глядя сквозь дверной проем вслед уходящим ремонтникам. Откуда она знает его имя-отчество? Когда он тому же Васюкину представлялся, ее рядом не было. Конечно, не тайна великая, он человек в тусовке известный и его данные у многих есть, но что же она, справки наводила? Информацию о нем собирала? С одной стороны, этот факт льстил, а с другой – настораживал.

– Уф-ф... – Девушка выразительно перевела дух. – Едва вас нашла.

– Так ты позади ехала?

– Тут и к самой ферме дорога есть. Правда, на моем «рено» не пробраться – обвес мешает. А вообще здесь интересно, – с лукавым прищуром Веста вдруг кивнула на дверь. – Хочешь посмотреть, что там?

– И что же?

– Увидишь. Так пошли?

– Ты знаешь, проникать сквозь стены и железные двери я еще как-то не научился.

– А не надо проникать, у меня есть ключ.

– Ключ?

– Ну, я же доверенное лицо все-таки. А Васюкин здесь собирается виллу в древнеримском стиле отгрохать, вот и электричество уже провел. Ну, что ты встал? Потяни дверь-то.

Пошарив рукою по стене, Веста щелкнула выключателем, и тот час же загорелся свет, не очень яркий, но вполне достаточный, чтобы рассмотреть обстановку. Зал без окон, покрытые серой штукатуркой стены, лежак, небольшой столик да печка-буржуйка в углу. Пока на римскую виллу не тянет, скорее на обычную сторожку. И еще имелась дверь, не железная, а обычная, деревянная, но явно не из дешевых.

– Зябко здесь, – Веста обняла себя за плечи. – Печечку бы разжечь!

– А ты что, ночевать тут собралась?

– Я же говорю, зябко! Да и дождь пошел, ты не заметил? А до машины бежать далеко, ждать придется.

– Ладно, – Виталий махнул рукой. – Пойду в лесок, хворосту наломаю.

– Не надо в лесок, тут у нас во дворе есть запас. – Веста пошарила в заднем кармане брюк. – Вот тебе ключ.

Шагах в двадцати от фермы, у покосившейся от времени бетонной ограды, местами давно уже растащенной, обнаружилась полуземлянка, сложенная из красного кирпича, с небольшим

оконцем без стекла, зато забранного крепкой с виду решеткою, с низенькой дверью, тоже сколоченной на совесть.

Открыв ключом навесной замок, Беторикс сдернул засов и вошел, ежась от попавших за шиворот дождевых капель. Да, дождь усиливался, и Веста права: лучше переждать здесь, чем насквозь вымокнуть. Склонившись, чтоб не удариться головой о низенький потолок, молодой человек набрал охапку мелко наколотых дров – в основном осиновых, но изредка попадалась и береза; выходя из сарайчика, запнулся о толстый кабель, да так, что едва не упал.

Однако то, что к сараю провели электричество, Виталия не удивило. Мало ли на что оно там может пригодиться? Пилу какую-нибудь подключать...

С охапкой дров молодой человек через пролом в стене не полез, решил обойти, пусть даже и по мокрой траве. Осторожно ступая и стараясь не угодить в лужу, он вдруг расслышал поблизости голоса и еще замедлил шаг. Подняв глаза, обнаружил в стене рядом с собой отверстие – вентиляция или что-то в этом роде. Из отверстия отчетливо доносился приглушенный женский голос. Веста говорила по телефону. Интересно, откуда здесь связь взялась? В окрестностях берет разве что на самом крутом пригорке.

– Как, не будет Кассия? Что, сильно ушибся? Да-а-а... Ну, я так и думала... Есть один неплохой вариант. Очень и очень неплохой, я вам упоминала... Он, кстати, со мной сейчас. Вы тоже не против? Отлично, тем более нам сейчас терять нечего – что же, до следующего лета ждать? Да, совсем забыла: электрики приезжали, искали утечку, чуть было не вскрыли все. Говорила же, сторожа надо срочно нанять! Ага... Ага... Ждем вас, Геннадий Игоревич. Да, да. Конец связи.

Виталий даже присвистнул – однако! Васюкин прямо сюда собирался приехать? И что это за таинственный «неплохой вариант»? Ладно, поглядим. Может, удастся разговорить Весту?

– Вот. Принес. – Войдя в помещение, Беторикс бросил дрова у печки.

– Давай...

Девушка уселась на корточки, наклонилась, открывая дверцу, и Беторикс – уж как-то так само собой получилось – погладил оголившуюся поясницу. Потом руки его скользнули к животу... дальше...

– погоди, – Веста обернулась, однако без особого раздражения. – Давай сначала печь разожжем, ага?

– Ага... – поцеловав девушку в губы, согласился Виталий.

Веста щелкнула зажигалкой, и сухие дровишки, посыпанные каким-то бумажным мусором, враз вспыхнули желтым веселым пламенем.

– Ага! – Девчонка довольно потерла ладони. – Мастерство не пропьешь!

– Где это ты так наловчилась? – с уважением поинтересовался молодой человек.

– Да так... бывали случаи.

Она явно не рвалась рассказывать о себе, и Виталий не настаивал. Успеется.

Веста наклонилась, чтобы подложить еще дровишек, и Виталий, не упуская момент, стал с нее маечку, с жаром лаская обнажившуюся грудь и целуя между лопаток.

Девчонка лишь улыбнулась:

– Ах...

И Беторикс, подхватив ее на руки, понес к ложу... Разложил, стянул штаны...

– Да...

Веста прикрыла глаза и застонала, отдаваясь любовнику со всем пылом страсти, вспыхнувшей мгновенно, как те дрова в печке.

Все-таки повезло, что случай занес их обоих в эту хибару. Невозможность уединиться для личной жизни – одна из проблем, возникающих у пылкой молодости на любом фестивале. В лагере слишком много народу, личные шатры редки, а в клубный может ворваться кто угодно и когда угодно. И если в лесу, как сейчас, оказывается мокро, то пойти некуда. Будь

Беторикс сейчас способен предаваться воспоминаниям, он бы вспомнил, как прошлым летом напрасно весь вечер прогуливался с симпатичной и дружелюбно настроенной девушкой по Старой Ладогге – даже на вершине Олеговой могилы в полночь вовсю светило солнце и толпами ходил народ, как антуражный, так и цивилизный! А еще был забавный случай в начале того же сезона на «Легендах викингов» в Петропавловке. Некая подвыпившая туристка прельстилась колоритным викингом с пышной бородой, а тот, в таком же расположении духа, оказался не прочь от более близкого знакомства, что и произошло прямо в лагере, в шатре. Больше негде – кругом самый центр города. А в это время по лагерю шла экскурсия, и экскурсовод поднял полог шатра со словами: «А здесь вы можете видеть предметы быта древних викингов... И аутентичный древнескандинавский секс», – добавил он, не растерявшись, ибо сам был из реконструкторов и ничему не удивлялся. Зато туристы уж точно не могли пожаловаться, что экскурсия скучная!

Скрипела старая койка, снаружи барабанил дождь, а в буржуйке уютно потрескивали дрова. И от того было так хорошо... Впрочем, не только от этого...

Естественно, Виталий пока ни о чем не думал, думать начал позже, когда улегся рядом с обессиленной от страсти Вестой, ласково поглаживая девушку по спине. Спросить ее о том странном разговоре? Да неудобно – выходит, он подслушивал.

– А тут разве мобильная связь берет? – небрежно поинтересовался он. – Мне показалось, ты с кем-то разговаривала.

– Я? Разговаривала? – Голубые глаза Весты вдруг подозрительно сузились, став на миг каким-то недобрыми, колючими, чужими. Потом девушка повела плечом и рассмеялась: – А, это я Васюкину звонила, насчет электриков. Но не по мобильнику, а по рации.

– Тут есть рация?

– Вон, за той дверью.

– А что там еще есть?

– Много чего, – улыбнулась девушка и соблазнительно потянулась. – Сварочный аппарат, трансформаторы-генераторы... Я и не знаю даже, как там что называется. Слушай, а давай музыку включим.

– Ого! Тут и музыка есть?

– Конечно!

Натянув одежду, Веста распахнула дверь – ту, что справа. Возвращаться в лагерь она явно не торопилась. Молодой человек тоже поднялся, любопытно стало: что там? Каморка оказалась небольшой, но буквально забитой аппаратурой! Здесь была не только рация, но еще и осциллографы, всякие другие приборы, назначение которых Виталий, как чистый гуманитарий, не мог определить.

Компьютер, разумеется, тоже присутствовал, и не один. Вот на экране вспыхнули надписи, потом появилась заставка – какие-то древние развалины... Из динамиков полилась музыка.

– Ален Сушон? – вспомнив «рено», улыбнулся Беторикс.

– Ага... Тебе нравится?

– Да все равно.

– Вот и славно... Потанцуем?

Веста оторвалась от компьютера, встала, обняв молодого человека за шею. Оба закружились под медленную мелодию, руки Виталия вновь скользнули девчонке под майку, ласково погладили спинку, поднимаясь все выше и выше... А потом молодой человек опустился на колени, целуя партнершу в животик... вот уже расстегнул брюки... Девушка выгнулась...

И вдруг что-то зазвенело, на корпусе рации вспыхнул зеленый огонек.

– Вилла, Вилла, ответь Первому...

– О, как! – отпуская девушку, ухмыльнулся Виталий. – Первый – ну, надо же!

– А как ты думал? – Веста прищурилась и вдруг подмигнула. – Придется ответить.

Интересно, спит ли она с Васюкиным? – с неприязнью подумал молодой человек. Скорее всего, да. Впрочем, кому какое дело?

– Первый, первый, я Вилла... Да, Геннадий Игоревич... Что? Ах, так... Поняла – не впутывать. Ага... Да-да, что-нибудь придумаю. Да.

Выключив рацию, Веста принялась одеваться снова.

– Что, шеф сюда едет? – спросил аспирант.

– Н-нет... С чего ты взял? Он вообще сюда не собирался. К электрикам заедет, выяснит... – Девушка посмотрела на печку. – А дрова-то догорели. Принесешь еще?

– Принесу, – кивнул молодой человек.

Веста улыбнулась: девушка в камуфляже и парень в наряде древнего галла вместе выглядели забавно.

– У тебя, кстати, прикид роскошный, – вспомнил Беторикс. – Сама вышивала?

– Нет, на заказ, – девчонка лениво отмахнулась. – Древнеримские матроны сами ничего не шили.

И Беторикс не удивился: он уже понял, что Веста из тех, кому интереснее просто иметь вещи, нежели самому сделать. Купить или заказать можно что угодно, от кожаного шнурка до золотой эмалевой короны лангобардской королевы Теодоланды, но уважение к «богатеям», не способным ничего рассказать о собственном костюме, не такое уж большое. Особенно если приобретенные «статусные» вещи не соответствуют реальному статусу владельца – вообще засмеют. Нельзя просто взять и нарядиться под князя – князем надо стать, то есть обзавестись дружиной не менее чем из пятидесяти бойцов, признающих тебя своим вождем. Потому и мало нынче князей...

Веста, судя по ее немалой известности в тусовке, видимо, имеет право на статус знатной римской женщины. Но, похоже, не только и не столько реконструкция ее в эти круги привлекает. А что тогда?

Впрочем, не так уж редки девушки, приходящие сюда в поисках парня, поскольку парней в этих кругах пока больше, чем девушек. Но Весту что-то от них отличало. Чувствовалась в ней некая целеустремленность, направленная, несмотря на ее любвеобилие, вовсе не на парней.

Выйдя во двор, молодой человек услышал позади шаги и обернулся:

– А ты-то куда?

– Да так... пройдуся.

– Под дождиком? – Виталий хмыкнул и быстро зашагал к сараю, не оглядываясь.

Видно, девушке понадобилось прогуляться до ближайших кустов. С фермы доносилась музыка: видать, Веста включила погромче.

Подойдя к дровянику, Беторикс пригнулся, вошел – и вдруг услышал, как позади захлопнулась дверь. Ветер, что ли?

А потом послышался противный скрежет засова.

– Эй, эй, что за шутки?! – аспирант с силой пнул дверь. – И во все даже не смешно! Эй, эй, Веста!

Никакого ответа! И чего это она его заперла? Зачем?

Виталий посмотрел в оконце, но не увидел ничего, кроме дождя. Только отзвуки музыки еще долетали.

– Веста, открой! Открой, кому говорю?!

Музыка смолкла. А может, вовсе не Веста его заперла? Мало ли кто тут по лесу шатается...

– Веста!!! – уже с нешуточной тревогой позвал Виталий.

Но никакого движения снаружи слышно не было. Через пару минут вновь полилась музыка – уже другая. И Беторикс узнал «К Элизе» Бетховена, одну из нескольких классиче-

ских вещей, которые знал. Удивительно было слышать ее среди мокрого леса, стоя в костюме древнего галла почти в полной темноте.

Глава 4. Лето. Ферма

Беспредел

– Эй! Выпустите меня наконец!

Услышав Бетховена, Виталий сделал вывод, что Васюкин, похоже, все-таки приехал на ферму. Молодой человек старательно высматривал его в оконце, да только дождь вдруг усилился, встал сплошной стеной, и ясно стало: никто во двор в ближайшее время не выйдет. Даже и фермы-то видно больше не было – одни смутные очертания. Вот это задожило, так задожило! Конечно, тяжело будет ребятам под ливнем крепость штурмовать. Однако, как пели «Кирпичи»: «Ветер вздымает свинцовую воду, матч состоится в любую погоду». Плохая погода – не причина для отмены войны, а кому кольчугу жалко, пусть не надевает. А он, командир «Галльского вепря», тут расслаживается!

Виталий еще пару раз долбанул ногой в дверь... и вдруг почувствовал, как волосы на голове встали дыбом! В буквальном смысле слова! Ненадолго, правда, на какой-то миг, но все-таки ощущение было не из приятных. Будто током ударило, хорошо, что несильно. Какой-то контакт задел в темноте? Или в сараюшку молнией попало? Да нет, тогда он так легко не отделался бы. А еще интересно другое: может быть, Веста его сюда заперла, потому что хотела спрятать от Васюкина? Однако могла бы предупредить: посиди, мол, на глаза не показывайся пока. Разве бы он не понял? Или девушке стыдно признаться, что у нее два любовника одновременно? Или даже и не два... Ладно, вот дождь кончится...

Хотя чего ждать-то? Как раз в дождь его никто не увидит. А дверь можно вышибить, если как следует приналечь. Чай, не железная. А ну-ка...

Молодой человек набросился на проклятую дверь с такой силой и лютой злобой, будто перед ним оказался самый настоящий враг: из тех, что или он, или ты, а существовать вместе никак невозможно! И дверь убоялась – почувствовала напор, дрогнула... Ну, еще разок... ух!!!

Со скрипом отлетели петли, и молодой человек радостно выскочил наружу, под проливной дождь. Тут же ему бросилась в глаза группа людей: римляне с мечами и копьями, да много, несколько десятков. Лица все были незнакомые, и Беторикс застыл в изумлении – это еще что? Откуда взялись в таком количестве и так далеко от лагеря?

А потом у него и вовсе отвисла челюсть: за собой римляне вели вереницу связанных пленников – лохматых, одетых в грязные обноски...

– Что там за шум, Луций? – обернувшись, грозно окликнул гордо восседавший на белом коне центурион в шлеме с поникшими от сырости перьями и мокром коричневатом-красном плаще.

На коне? Откуда, во имя Эпоны? На маневрах не было ни одной лошади, хотя обещали их не первый год.

– Сейчас посмотрю, господин оптий! – раздался ответ, и Виталий с изумлением понял, что оба собеседника говорят по-латыни!

– Марцеллин, Кассий, ко мне! – распорядился Луций.

– А можно и мне, господин тессарий?

– Давай и ты, ладно.

Ага, Луций-то непростой легионер, а тессарий. Иными словами, гвардии сержант! – мысленно переводил Виталий, по-прежнему не понимая, кто перед ним и что происходит. «Кино снимают» – вспомнился бригадир Василич, и иного объяснения он, Беторикс, тоже не мог сейчас подобрать. Никакого взятия римлянами пленных женщин и детей в плане маневров, своевременно доведенного до совета командиров, не значилось.

– Ого! Да тут галл какой-то! Лови его, парни!

Задумавшись, Виталий не сразу понял, что последнее сказано о нем. Римляне метнулись к нему, он привычно подумал о мече, но тот остался в лагере. Поэтому Беторикс сумел лишь в изумлении спросить:

– Ребята, вы кто?

– Чего, чего ты там говоришь, бракатая морда? – Тессарий, коренастый и сильный мужик уже в возрасте, махнул рукой воинам. – Вяжите его, и к остальному стаду.

«Нет, этот точно не из наших!» – мысленно отметил Виталий. Реконструкция – увлечение молодежное, особенно на ранние эпохи, сорокалетние и старше там все наперечет. Да и пленные выглядели уж слишком натурально – угрюмые, грязные, полуголые, с длинными патлами, мокрыми от дождя, многие босые. Были здесь и женщины с детьми, выглядевшие не лучше, а это уж точно вещь невозможная! Нередко молодые женщины приезжают на фестивали с детьми, но ни себя, ни малышей до такого состояния никогда не доводят! У Беторикса было дикое ощущение, что с маневров он попал на съемки исторического фильма – давно известно, что киношники, гримируя «под древность», в первую очередь делают людей очень, очень грязными и лохматыми, будто вода и ножницы – новейшие достижения современной цивилизации. Но где же тогда камеры, осветители, режиссеры, кто там еще должен быть?

– Вы откуда, мужики? – попробовал Беторикс спросить еще раз, сам не зная, что ожидает услышать в ответ.

Никто не отозвался, даже не взглянул в его сторону. И вид у легионеров был уж слишком злобный и решительный. Такие вполне могли и морду набить... Ишь, как грубо толкнули, погнали куда-то по склону холма – к дороге или озеру.

– Эй, парни...

– Заткнись, бракатая тварь!

Тессарий Луций еще и ухмыльнулся – на редкость неприятная рожа. Что-то на артиста он не тянет.

Общаться с легионерами как-то не хотелось, и Виталий, оглядевшись, выбрал шагавшую рядом женщину в длинном порванном платье.

– Эй, послушай! – окликнул он по привычке по-русски.

– Не разговаривать! – по-латыни рывкнул тессарий, угрожающе выхватив из-за пояса плеть. – Я кому сказал?

– Ладно, ладно, – покладисто улыбнулся Беторикс. – Просто хотел спросить, откуда вы прибыли?

– Не твое собачье дело, галл! – Легионер хмыкнул и засмеялся, оборачиваясь к шагавшим рядом воинам. – Не, вы слышали, как говорит этот пес? Обхохочешься!

– Наверное, думает, что это латынь.

– Да, наверное... В их лесах и болотах вообще говорят непонятно как: бар-бар-бар, гыр-гыр-гыр... Римскому уху и слушать-то противно!

Римскому уху! В глаза бросилось надменное лицо оптия – этот вообще натуральный Цезарь! Подозвал зачем-то тессария, что-то сказал, засмеялся...

Виталий обернулся. Позади облаченных в доспехи легионеров, месивших калигами мокрую грязь, шли легковооруженные воины, иначе велиты: лучники, пращники, метатели дротиков. Лучников в настоящем римском войске традиционно было мало, предпочитали пращу и дротик. В рваных грязных туниках, с короткими обрубками-мечами, без всяких доспехов, велиты напоминали просто вооруженный короткими копьями сброд, и вступать с ними в беседу тоже не сильно хотелось. В древности оно было бы понятно: велиты набирались из бедняков и сражались всегда под прикрытием основного состава – тяжелой пехоты, гастатов. Но в наше-то время в такой рванине никто не ходит.

Зато у тяжелых пехотинцев все было как надо: полуцилиндрические щиты, уложенные сейчас по-походному, в чехле за спиной, шлемы с султанами болтались на груди, ударяясь о нашитые на кожаный панцирь бляшки. Даже чешуйчатый панцирь, лорика сквамата, имелся здесь у немногих, тессарий щеголял в «галльской» кольчуге, называемой лорика хамата, в такой же, разве что покачественнее, красовался и оптий. И это тоже приводило в недоумение: откуда взялось такое единообразное снаряжение и в таком количестве? Не существует подобных «команд», если бы были, Беторикс бы знал! За границей, может... Но как заграничные реконструкторы попали в русский лес? Опять же, он не мог бы не знать. Если бы организовывалось подобное мероприятие международного масштаба.

Мозг, как говорится, «зависал», не в силах объяснить происходящее хоть сколько-то убедительно. Да, конечно, реконструкторы-«римляне» любят бить себя в грудь и кричать: «Мы – Империя! У нас команды на латыни!» Команды на латыни – это круто, кто бы спорил, но к ним бы еще подготовку соответствующую. Беторикс прекрасно знал, что в нашей реконструкторской реальности, в отличие от исторической, варвары римлян бьют только так. Нынешние «легионеры», которых в «легионе» бывает человек по пять, не умеют по-настоящему держать строй: варвары ударом ногой в щит легко разбивают шеренгу, а в схватке один на один легионер со своим щитом-«бронедверью» и коротким гладиусом неизбежно проигрывает варвару с круглым, более легким и маневренным щитом и длинным мечом. Здесь же ситуация была совершенно иной, и Виталий не мог не видеть разницы, пусть даже рассудок отказывался верить глазам.

Пленники были связаны между собой, что доставляло неудобства – перед Виталием, поникнув головой, шла молчаливая женщина в изодранной длинной тунике, позади – светло-головый мальчик лет десяти, с которым серьезный разговор тоже вряд ли был возможен. Впрочем, стоило попробовать.

– Эй, мальчик! Пуэр! – улучив момент, Виталий обернулся и окликнул уже по-латыни. Что-то подсказывало ему: по-русски тут никто не понимает.

Но мальчик не понял и латыни: ответил на каком-то неведомом языке.

– Откуда они? – кивая на легионеров, быстро спросил Беторикс. – Когда приехали? И вообще, что здесь происходит?

– Тит Лабие, легат...

Ага! Мальчишка, оказывается, и латынь чуть-чуть знает!

– Они идут. Уходят. На зиму.

Поняв, что больше ничего не добьется, Виталий принялся крутить головой по сторонам. До него наконец дошло, что и окружающая местность сильно изменилась с тех пор, как он зашел в деревянный сарайчик возле заброшенной фермы. Ни просеки, ни самой фермы с трансформаторной будкой он так и не увидел, не говоря уж о Весте или Васюкине. Куда делась Веста? Осталась на ферме или тоже попала сюда? А где, в таком случае, осталась сама ферма? Или, вернее, куда таки попал он, Беторикс? Так, за этим холмом с елками должно проходить шоссе, то есть та лесная дорожка, по которой ехали линейщики в своем кунге...

Оптий тем временем дал команду, и весь отряд свернул на более широкую тропу, ведущую на холм, а через него к дороге. Дорога вскоре и появилась – широкая грунтовка с наезженной колеей и многочисленными лужами, кое-где засыпанными песком и щебнем.

Виталий уже начал замерзать: дождь закончился, но теплее не стало, поскольку дул холодный, пронизывающий насквозь ветер. Оранжевый солнечный шарик скрылся за вершинами сосен, быстро начало темнеть.

Оптий снова остановил всех, что-то скомандовал, указав рукой влево, где на склоне холма виднелся какой-то хутор с деревянными изгородями, сараями и избой. Нет, избой это строение сложно было назвать – какая-то не совсем понятная архитектура, гибрид украинской мазанки и финской мызы.

Видно было, что хутор заброшен: дверь сорвана с петель, ворота распахнуты. Однако двор, хоть и выглядел запущенным, еще не успел зарастить травой, а рядом с сараем валялся заготовленный хворост.

– Хорошо, что не успели спалить эту адифицию, – произнес тессарий Луций, бросив взгляд на своих воинов. При этом он поеживался: видать, тоже было не жарко. – Хоть есть пристанище. Давайте, загоняйте стадо в амбар.

– А что, кормить их не будем? – хмуро поинтересовался молоденький велит с метательным копьём-пилумом на левом плече.

– Кормить? А чем? – сержант усмехнулся. – Если только ты пожертвуешь своей похлебкой.

Внимавшие тессарию воины обидно захохотали, а кто-то даже хлопнул незадачливого паренька по плечу:

– Так что, дружище Юний, и впрямь не жалко похлебки?

Велит сконфуженно отстранился:

– Да пошли вы...

Этих слов Виталий не понял – все-таки у него не было привычки воспринимать латынь на слух, да и матерные слова в университете не изучали, но о смысле догадался. Что, впрочем, общую ситуацию не прояснило. Никаких принадлежностей киносъемки он по-прежнему не видел, да и длинноват эпизод получался. Но тогда – что это? Сон? Бред?

– Стадо! В стойло! – Не дав ему подумать, оптий резко взмахнул рукой, и легионеры принялись пинками и тупыми концами копий загонять пленников в амбар.

Удары были чувствительными, и аспирант даже выругался – вот суки! Закрыли ворота, будто это обычное дело – так просто взять и запереть две дюжины человек, в том числе детей и женщин.

Хорошо, Беторикс успел по пути оправиться, а впрочем, здесь подобные тонкости никого не смущали. Мужики отворачивались, а девчонки и женщины, развязав друг дружке руки, справляли малую нужду у дальней стены.

– Нет! – увидев такое, громко воскликнул Виталий. – Ну и скоты эти римляне, а?! Не пора ль им бить морды?

На его крик никто не прореагировал, лишь какая-то молодая женщина, погладив по голове стоявшего рядом ребенка, взглянула изумленно.

– Да что вы все смотрите-то?! – завелся молодой человек.

Бросившись к двери, он принялся стучать в нее ногами и материться, пока не оттащил кто-то из мужиков.

– Ну? – несколько успокоенно спросил Виталий. – Вы тоже русского не понимаете?

– Кам? Кам мулон дун? – попытался ответить один из мужчин, изможденный почти до крайности.

– Откуда вы? – по-русски и по-латыни спросил Виталий, потом попробовал по-английски и даже на всякий случай на французском, который учил пару лет в гимназии.

– Не понимаю, – на ломаной латыни ответил собеседник и покачал головой. – Не понимаю. Ты кто? Ты римлянин?

– Нет. Вы на каком языке говорите?

– А! Ты германец! – Доходяга хлопнул себя по лбу и тут же соорудил страшную гримасу. – Тевтон! Враг!

«Инимикус» – так это звучало по-латыни.

– Инимикус! Инимикус! – загудело вокруг. – Тевтон! Враг! Враг! Враг!

Кто-то из подростков, незаметно подкравшись, опустился позади Виталия на колени – и тут же молодой человек ощутил сильный толчок в грудь. Конечно, не удержался на ногах, упал – и тут на него набросились все, даже женщины!

Виталий пытался отбиваться, да куда там – всем скопом накинудись! Пару раз удалось высвободить руку, звездануть по сусалам непонятно, кому – в бараке было темно, приходилось бить наугад. Ах, какая-то сволочуга сильно дернула за волосы, чуть скальп не сорвала!

– Да что вы делаете-то? За что?

Казалось, его сейчас затопчут, растерзают на тысячи кусков! Что он им сделал? Навалились, налетели, словно вампиры на свежую кровушку. Сволочи...

Вдруг кто-то повелительно крикнул, похоже, женщина. Кто-то что-то переспросил, и Виталий почувствовал, что его отпустили. Ну наконец-то пришли в себя...

Молодой человек медленно сел, привалившись спиной к стене, осторожно потрогал разбитые губы... Хорошо еще, зубы не выбили, а ведь могли бы.

– Ты – тевтон? Кимвр? – присев напротив, спросила женщина, одетая в бесформенную хламиду.

Лица ее Беторикс в темноте не видел, как всех прочих, лишь смутно различал очертания фигуры. И что отвечать, не знал. Что сказать – я аспирант и социолог? Или командир клуба «Галльский вепр»? И то, и другое казалось равно неуместным в этой чудовищной обстановке, которая имела одинаково мало общего как с реалиями двадцать первого века, так и ходом фестиваля исторической реконструкции.

– Ты – враг римлян? – продолжала допытываться незнакомка.

– Да. – Молодой человек вытер ладонью кровь. Это была, пожалуй, единственная сейчас правда, ибо симпатий увиденные вживую римляне не внушали. – Враг.

– И мы – враги. Теперь уже – рабы, пленники. Почему ты не говоришь, как мы?

– Потому что не знаю вашего... языка!

Виталий с трудом подбирал слова – душа просила мата, но материться по-латыни он не умел, а русского тут не поймут. Хоть обстановка и располагала, ни одного из «родных» выражений он ни разу не услышал!

– Враг римлян – наш враг. Но ты ведь не галл!

– Пожалуй, нет... – Беторикс сам не знал, к какому народу себя сейчас отнести. – Русский я.

– Этруск, что ли? – с удивлением переспросила женщина. – Вот не знала, что ваш народ еще существует!

– Существует вроде...

Бухх!!! Что-то ухнуло в дверь снаружи, потом послышался громкий смех и пьяные вопли. Видать, римляне нажрались уже! Успели!

Потом запахло паленым, и, проникая сквозь щели, по стенам запрыгали оранжево-красные зайчики. Римляне жгли костры? Или факелы?

Левая створка двери распахнулась, освобождая путь дрожащему свету и вошедшим римлянам. Первым в сарай явился сержант Луций, за ним еще с десятка воинов, вооруженных пилумами и мечами.

Взвильсь к потоку факелы, пленники инстинктивно попятнулись, женщины прижали к себе захныкавших детей.

Заложив руки за спину, тессарий гнусно ухмыльнулся и, кого-то высмотрев, указал рукой:

– Ты!

– Я, господин?

– Да ты, ты... Хотя нет, погоди-ка... Ты слишком стара... а впрочем... Выходи!

– Но...

– Выходи, или мы убьем твоего ребенка, а всех вас спалим!

Возмущенный Виталий шагнул было вперед, но ему не дали даже рта раскрыть – ударили с ходу концом копья в грудь, да так, что едва не сломали ребра!

Аспирант отлетел к стенке и скрючился, причем кто-то из галлов еще прижал его к земле, видно, боясь, что чужак накличет неприятностей.

– Ты! И ты! – С видом опытного работаровца тессарий продолжал выбирать женщин.

– И вот эту... вон ту... – радостно оскалился другой легионер, помоложе, с высохшим, словно у старой воблы, лицом.

– Нет, Коморий, – обернувшись, сержант погрозил ему кулаком. – Этих нельзя.

– Да почему же?

– Показать тебе? Эй, девка!

Юная девушка несмело вышла на середину. Из глаз ее потоком текли слезы.

– Не реви! – ухмыльнулся Луций. – Мы ничего с тобою не сделаем... А ну-ка, держите ее, парни...

Нагнувшись, тессарий одним движением разорвал на девчонке одежду и, засунув руку в промежность, ослабил:

– Так я и думал – девственница. Ты знаешь, Коморий, сколько она стоит?

– Да разве мало сейчас будет рабынь?

– И насколько она упадет в цене, после того как мы ей попользуемся? Чего они будут после этого стоять? Ты настолько богат, Коморий, чтобы перечить нашему оптию?

– А-а, так это оптий приказал.

– Ну да, он хорошо умеет считать денежки. Что пригорюнился, друг мой? Возьми лучше мальчика, клянусь, они ничуть не хуже!

– Мальчика? – Коморий прищурился. – А что ж, и возьму, может!

– Да вы что творите-то? – снова вскочил на ноги аспирант.

– Опять этот? – тессарий нехорошо ухмыльнулся и махнул рукой. – Ну, надоел! Кассий, Сергей, Тит! Тащите его на конюшню да хорошенько выпорите. Я вам даже свою плетку дам.

– А сам неужто не примешь участие в экзекуции? А, господин тессарий?

– Может быть, и приму... – гулко хохотнул Луций. – Но сперва женщины! Говорят, жительницы Бракатой Галлии такие обворожительные, куда лучше нарбоннок. Правда, я пока что-то этого не заметил. Может, не на тех смотрел? Да, и вон ту красавицу прихватите... Вон, в том углу, с малышом... Да куда вы ребенка-то тащите, бросьте его, дурни!

– Так ты же сказал – «с малышом», господин Тессарий!

– О, боги... На что мне ее малыш? Женщину, женщину тащите... Да! И этого – на конюшню, живо!

Виталий и опомниться не успел, как его уже подхватили под руки, поволокли, по пути умело отоварив по почкам, так что молодой человек принялся хватать ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Конюшней служил расположенный неподалеку сарай – длинный, глинобитный, заваленный навозом и сеном. С хохотом бросив пленника в навоз, римляне закрыли ворота снаружи на засов. Приводить приговор в исполнение немедленно никто не рвался, слава богу, несмотря на приказ сержанта.

У воинов имелось занятие поинтересней: уже слышался женский визг, затем плач, потом хохот... Причем они так торопились принять участие в развлечениях, что даже не связали Виталия. Расслабились, так сказать, аж службу забыли. Вот уж нагорит им от легата...

Сплюнув, Виталий поднялся на ноги и прислушался к собственным ощущениям. Губы были разбиты в кровь, в боках саднило, однако ребра не сломаны и почки не отбиты – хоть одна хорошая новость за этот день!

Брезгливо смахнув с себя прилипший навоз, аспирант в задумчивости оперся локтем о стенку и вдруг почувствовал, что опора прогибается и подается назад. Ну, конечно! Плетеная лоза, обмазанная глиной – вот и вся стена. И как только здесь зимой кони не мерзнут?

Притихнув, Виталий прислушался, выждал секунд пять, а затем начал осторожно ломать стену. Пришлось повозиться, хоть плетенка поддавалась довольно легко, но глина отваливалась слишком большими кусками, с шумом падая под ноги. Это было опасно – могли услышать.

Молодой человек действовал осторожно, сбивая в кровь ногти; если поблизости раздавались шаги или голоса, он совсем прекращал работу, выжидал, чтобы чуть погодя начать снова.

Вот наконец дыра стала достаточно большой, чтобы можно было пролезть. Он уже опустился на четвереньки, как вдруг рядом, за стенкою, послышались какая-то возня, ругательства, истошный женский визг.

– Ори сколько хочешь, тварь! – злорадно произнесли по-латыни. – Никто тебе не поможет!

– Нет, пусть заткнется! У меня уже заложило уши... Кому говорю, заткнись!

Донесся звук ударов и стон:

– Нет, нет... не надо...

– А ну-ка, разложим ее поудобнее... Руки, руки держите.

– Я же говорил, лучше связать!

– Ничего, никуда она от нас не денется! Ишь, какая стройненькая... а грудь-то, грудь!

Вы только потрогайте, парни!

И снова вопль – крик ужаса, ненависти и боли.

Крик резко оборвался, послышалось довольное сопение, сладострастный стон и приглушенный хохот.

– Ну, хватит, хватит, Бовис, теперь моя очередь.

– Успокойся ты, всем хватит.

– Друзья, а может, привести еще одну девку?

– А где ты ее возьмешь? Отнимешь у оптия или тессария?

Похоже, за стенкой еще кого-то насиловали.

– Что-то скользко здесь, да и холодновато. Может, к костру подадимся? Там как раз и сено, и лапник.

– Ага, и желающих полно. Вон, сидят, облизываются.

– Да ну... Они носами клюют давно.

– Ладно... Тут и в самом деле скользко. Эй, Фабий! Кому говорю? Ишь ты – увлекся...

Снова послышался женский стон, только теперь уже приглушенный – судя по всему, пленница больше не сопротивлялась.

– Все, говорю! К костру пошли... погреемся.

– Вижу, ты еще не нагрелся!

И вот голоса удалились, и смех раздался уже в отдалении. Виталий осторожно выглянул. Вся гоп-компания вольготно расположилась у костра, разложенного напротив дома, в полу-сотне шагов от конюшни: четверо легионеров в туниках и обнаженная женщина, уже разложенная у костра, на охапке сена. Один из воинов, задрав тунику, уже пристраивался сверху, и голая задница его сверкала при луне со всем бесстыдством. Вот, задержалась...

Молодой человек сплюнул – ну и скоты! Из дома, сквозь дверной проем и прорехи, тоже слышались сладострастное уханье, женские крики и гулкий похотливый хохот.

Уже начинало светать, да и костер горел ярко, освещая двор. Виталий сделал несколько шагов к воротам, как вдруг рядом раздался резкий крик, полный неприкрытой ярости. Упав лицом в грязь, Беторикс пополз, откатился в кусты, а из дому вдруг выбежала – точнее сказать, выскочила, словно пробка – молодая женщина с растрепанными волосами. Нагая, с окровавленным кинжалом в руке. Порезала кого-то?

Вот, сволочи – доигрались!

– Ах ты, сучка! – следом выскочил полуголый мужик с кривыми ногами, за ним еще трое.

– Держи ее, держи! Эта тварь ранила оптия!

Подняв голову, аспирант узнал в кривоногом тессария Луция, лица остальных рассмотреть покуда не удавалось.

Что-то просвистело в воздухе, бегущая девчонка вскрикнула, споткнулась и повалилась в траву, прямо перед теми кустами, в которых прятался беглец. Упала как-то нелепо – на бок, дернулась, изо рта вылетел кровавый сгусток. Потом тело вытянулось и застыло. Меж грудей ее торчал наконечник дротика, пущенного, несомненно, умелой рукой.

Виталия едва не вырвало. Он даже не мог поверить, что все это произошло прямо на его глазах! Ее убили... Господи, куда он попал? Когда кончится этот кошмарный сон?

Легионеры тем временем с хохотом столпились вокруг убитой.

– Ловко ты ее, дружище Луций!

– Ишь, захотела крови, тварь!

– И получила!

– Нет, все же наш тессарий – настоящий мастер!

– А вы думали? – почесав между ног, ухмыльнулся сержант. – Кого ни попадя командиром не назначат! Ну, пошли, чего тут торчать? Так и быть, возьмем сейчас другую, молоденькую девственницу! Надеюсь, господин оптий не будет против.

– А сильно он ранен?

– Да ерунда, поцарапан просто. Правда, крови много. Думаю, мы даже задержимся здесь на пару дней.

В этот момент снова послышались вопли – жалобные, громкие. Кто-то кричал от боли, умолял...

– Коморий балуется, – повернув голову, ухмыльнулся Луций.

– Не слишком ли увлекся?

– А пусть! Незачем его звать – с молодой ведь мы и без него управимся, верно?

Слова сержанта потонули в глумливом хохоте и одобрительных воплях. Легионеры, смачно шутя, направились к амбару с пленниками, а их жертва осталась лежать в грязи. В мертвых, навеки застывших глазах ее отражалась узкая полоска рассвета.

Виталий едва справился с дрожью. Бежать! Бежать немедленно! Единственной мыслью сейчас было добраться до лагеря – или до того места, где тот должен располагаться, а там уж станет ясно, в своем он мире еще находится или уже в каком-то другом. С одной стороны, в нашей действительности ничего подобного происходить не может, а с другой... А что с другой-то? Никакого разумного объяснения происходящему Виталий подобрать не мог. Для ролевой игры или киносюжетов все происходящее было слишком уж натуралистично и жестоко. Будто впрямь в Древний Рим попал! При мысли об этом кружилась голова, и Беторикс жаждал добраться до лагеря, сориентироваться хоть на местности, если по времени не получалось.

Однако следовало поторопиться. Выбравшись из кустов, молодой человек тенью метнулся в ворота и вскоре уже бежал по склону холма вниз, в любой момент рискуя споткнуться.

И даже не сразу услышал крик:

– Стой! Кто идет?

Часовой! Эти ублюдки выставили часового!

Это был тот самый парнишка, Юний, из велитов. Не останавливаясь и не обращая внимания на спешно вытасченный молодым воином меч – привык, что неточеное оружие при ударе без замаха очень уж серьезных повреждений причинить не может – Виталий с разбега заехал часовому кулаком в ухо!

Отлетев в сторону, юный легионер покатился по косогору, а Беторикс, не сбавляя ходу, нырнул сквозь смородиновые кусты в глухую чащу. А уж там волей-неволей пришлось поубавить прыти – кругом бурелом, разноцветные папоротники, густой колючий подлесок. Вот это

лес! Настоящая тайга... Хотя нет – для тайги слишком много широколиственных деревьев – дубов, вязов, а вон, похоже, платан! Это здесь-то! И каким ветром его сюда занесло?

Приостановившись, Виталий настороженно осмотрелся: лес казался густым и непроходимым. Кроме дубов и вязов, невдалеке виднелись и привычные ели, осины, липы и даже сосны, правда, не высокие, корабельные, а раскидистые, кривые.

Отдышавшись, беглец обнаружил узкую тропку, по которой и пошел, полагая, что уж куда-нибудь она да приведет – не к жилью, так к речке или шоссе. Именно шоссе, желательно асфальтированное, он мечтал сейчас увидеть более всего прочего – или любой другой признак нормальной современной цивилизации. Если он по-прежнему в России в двадцать первом веке, то кошмар становится преодолимым – можно вызвать милицию, МЧС, ОМОН и все такое прочее, пусть власти и разбираются с «командой беспредела», за считанные минуты совершившей целый букет тяжких уголовных деяний. «А если нет?» – мелькала мысль, от которой похолодело внутри. Не может такого быть в наше время, не может! А что если нет тут никакой милиции и МЧС? Нет, лучше об этом не думать, пока... пока остается хотя бы надежда...

Людей бы встретить, без разницы кого – охотников, рыбаков, линейщиков тех же самых или, может быть, лесника. Тут уж сразу все станет ясно.

Но как это все объяснить? Откуда бы в наше время взялись люди, да в таком количестве, всерьез вообразившие себя легионерами в завоеванной стране? Ведь не померещилось же ему все это – изнасилования, убийство... Дай бог, чтобы померещилось! Конечно, обычный человек мог вообразить, что попал на встречу маньяков, помешанных на исторических играх, но Виталий в такое заблуждение впасть был не способен: он хорошо знал, чем настоящая древность отличается от наших попыток ее воспроизвести, пусть и самых умелых и тщательных. Разница была для него очевидна – и пугающая, что еще мягко сказано. Среди реконструкторов таких психов не водится, даже самые знатные из современных викингов тем не менее вполне адекватные люди и не забывают, в каком веке живут на самом деле. Нас не трогают – и мы не тронем. Среди ролевиков, как говорят, больных на голову больше, но до такого никакие ролевики дойти не могут. Да и уровень реконструкции тут недостижимый даже для самых серьезных реконструкторов, куда уж там рыцарям плаща из занавески и меча из клюшки!

В голову лезли самые дикие предположения – вроде того, что все это жестокое реалити-шоу для богатых бездельников, но и их Беторикс после некоторого размышления отмел. Не может быть, чтобы среди такой толпы не нашлось ни одного очкарика, чтобы ни один не выматерился по-русски в разгар жестоких забав, не закурил сигаретку, не схватился за фотоаппарат или мобильник, еще хоть как-то не выдал свою принадлежность к двадцать первому веку.

И язык! Кто поверит, чтобы богатые маньяки ради развлечения взялись учить латынь! И пленных, всех этих несчастных женщин с детьми – их-то как заставить говорить на древних языках? Чтобы даже перед смертью девчонка не закричала «Мама!» по-русски? Да при виде такого поголовного вхождения в образ сам Станиславский удавился бы от зависти. Как говорится, невозможное – невозможно!

Черт, долго еще этот поганый лес тянуться будет? Идешь, идешь, а он все никак не кончается. Осмотреться бы, кажется, погони-то никакой нет. Правда, по такой чаще особо не побегаешь, а он, Виталий, даст бог, тем временем куда-нибудь да выйдет.

Заприметив на вершине холма раскидистую сосну, молодой человек хотел было рвануть к ней через бурелом, но, внимательно осмотревшись, вдруг заметил, как слева что-то сверкнуло. Озеро! Или река – была ведь поблизости от лагеря река, Туманкою называлась. Туман и сейчас стелился понизу, поднимаясь от воды мерцающей голубоватой дымкой...

С озера вдруг явственно донесся плеск и чей-то голос. Рыбаки! Да неужто?! Ну, точно – вон она, лодка. Как раз собираются отплывать.

– Эй! Эй! – Перейдя на бег, Виталий замахал руками. – Эй, ребята, подождите!

Двое подростков, сидевшие в лодке, заметили его, однако вместо того чтоб подождать, поспешно заработали веслами.

– Да подождите вы, парни! До деревни хоть далеко, скажите? И в какую сторону идти? По какой тропке? Черт... да куда же вы?

Но рыбаки, не слушая, выгребли аж на середину – это оказалась все-таки не река, а озеро, причем теперь оно казалось гораздо больше, чем Виталий запомнил. Может, другое какое?

На берегу дымило недавно оставленное кострище. Присев возле него на бревно, Беторикс перемотал сбившиеся обмотки, получше привязал ремешки, вздохнул над своими старыми башмаками, уже не раз чиненными и опять дырявыми. Теперь он жалел, что перед поездкой с электриками не переделался в цивильное: в берцах ходить по лесу все же куда удобнее, чем в антуражной обуви, которая промокает, как ее ни вощи, скользит на траве и дает почувствовать пятками каждый сучок и камешек.

Рыбаки скрылись в тумане, и беглец раздраженно махнул рукой: не пускаться же за ними вплавь! Да и незачем – вон она, тропка, вьется вдоль бережка, хорошая такая, нахоженная. Только вот в какую сторону идти? Так, солнышко за спиною, значит, и восток там. На север или на юг? Лучше на юг, там более цивилизованные места – шоссе, поселок, да и на лесных дорожках уж наверняка какой-нибудь лесовоз да встретится.

Рассудив таким образом, Виталий поднялся на ноги и зашагал по тропинке к югу. Время от времени он останавливался, прислушивался, все-таки опасаясь погони. Но, нет, все было тихо, никто по пятам не бежал – лес же кругом!

Росшие вдоль тропы елки постепенно сменились ивами, липами, раkitой, а вот уже пошли какие-то колючие кустики, странно знакомые... Виталий даже остановился – черт возьми, это самшит, что ли? Точно – самшит! Откуда он здесь, в этой местности, на всех картах обозначенной как «южная зона тайги»? А здесь и дубов полно, и вязов... платан опять же. Или то был вовсе и не платан? Да, показалось, наверное, откуда здесь платан? Но ведь самшит-то растет, вот он! Чудеса да и только.

Слева за деревьями сверкнуло желтизной солнышко, прогоняя последние остатки тумана и тучи. Враз заголубело небо, потеплело, в кустах радостно защелкали птицы – все обещало жаркий погожий денек. Однако на березе уже целая прядь пожелтела, как бывает перед началом осени. Рядом желтая липа, а вон и клены – красные. Нет, вот тот зеленый еще, а этот красный, и то не весь, а только на вершине. Странно. Допустим, тут какой-нибудь природный заказник, реликтовые рощи, потому и растут южные породы типа самшита. Но какое же тут время года?

Костер молодой человек заметил еще издали: в том месте тропинка как раз поднималась от озера вверх, на дорогу. Лес уже окончательно превратился в сплошные заросли кустарников: жимолости, самшита, орешника. У самой дороги растительности было мало, лишь по обочинам поднимались пожухлые травы, будто выгоревшие на солнце.

– Здравствуйте! – пригладив волосы, Виталий заранее улыбнулся спинам людей, сидевших у костра.

Это были два светловолосых парня, и поначалу показалось, что они одеты в шорты и длинные футболки. Но когда, услышав шаги за спиною, парни вскочили, Беторикс сразу узнал Юния, велита. Второй был ему под стать – такой же худощавый недотепа. Увидав беглеца, парни схватились за короткие метательные копья – пилумы.

Напарник Юния сразу свой пилум и метнул; Виталий отпрыгнул, и толстое копьё с длинным наконечником воткнулось в землю прямо перед ним.

Вытащить его не составило большого труда. Почувствовав себя наконец при оружии, Беторикс нехорошо прищурился и сплюнул:

– Ну, что? Повоюем, парни?

Юний угрожающе махнул дротиком, его напарник выхватил из ножен меч – обычный гладиус, каким удобно только колоть. Его товарищ подскочил первым, видать, не терпелось подрасть. Беглец тут же метнул копье, правда, стараясь не задеть, а только отогнать: копье-то было с заточенным наконечником, не прикрытым, как Виталий привык, «гуманизатором», то есть специальным кожаным чехлом, без которого в реконструкции копья против людей не используются.

Парень от броска уклонился, но Беторикс тут же добавил – ногой в живот. Мальчишка с воем покатился по земле, а Виталий мгновенно подхватил выпавший у того из руки меч. Пригнулся, пропуская над головой дротик Юния. Мазила! Эх, тоже еще Аники-воины! Однако парнишка все же подскочил, выхватил меч и даже нанес удар, но Виталий отбил. Руки сами исполняли привычную работу, но кровь заледенела в жилах – аспирант понимал, что держит в руках точеный клинок, которым на самом деле можно убить! А что делать – ведь похоже, иначе убьют его. Эти типы, кто бы они ни были, настроены серьезно. Стремился он сейчас к тому, чтобы измотать врага и обезоружить, а потом уж кулаком в морду... Плохо без щита, очень плохо...

Дзинь! Велит снова нанес удар, полез в атаку, упрямо набычившись и сжав губы.

Да-а... может быть, на каком-нибудь детском утреннике такое фехтование и сгодилось бы, но не сейчас, не здесь! Никакой защиты на парне не было, и Беторикс отбивался, стараясь не задеть – психологически не мог нанести удар точеным клинком по живому человеку, хотя рука сама просилась «отоварить» по открытой голове, по шее, по бедру. Противник ему достался настолько неопытный и неумелый, что работать по нему можно было как на тренировке, по схеме для начинающих: голова – бедро, голова – бедро...

Порой он едва успевал отвести клинок, чтобы велит не напоролся на него сам: Беторикс еще не совсем распрощался с надеждой, что это «римляне» – нечто ненормальное, а вокруг привычный родной мир, в котором действует Уголовный кодекс Российской Федерации... Впрочем, он и сам уже в глубине души понимал, что надежда эта – негодная попытка самообмана.

Удар! Отбив! Отводка! И скрежет! И ярость во взгляде велита. Но было в них и еще нечто – страх, обреченность, а больше всего удивления.

Ну, все – пора кончать! Тем более, и второй скоро очухается – ишь, уже сверкает зенками, злыдень... А вот на тебе еще!

Пнув поверженного врага, Беторикс совершил ложный выпад и, дождавшись ответной реакции, с силою ударил по вражескому клинку – снизу вверх, ближе к рукояти.

Гладиус Юния птицей взмыл к небу...

Парень хлопнул глазами... и улыбнулся. Видимо, и впрямь был готов, как подобает древнему римлянину, с честью умереть за Отечество.

– А умирать нам рановато, – запел Беторикс. Ухмыльнувшись, аспирант перебросил клинок в левую руку, а правой засветил велиту под глаз! А вот тебе еще, в следующий раз не попадайся! – Есть у нас еще дома дела!

Отправив настырного мальчишку в нокаут, Виталий вытер выступивший на лбу пот, и тут...

Они накинулись на него сразу – выскочили из травы, словно давно поджидали. А может, и в самом деле ждали, пока противник устанет и расслабится, ловили его на мальчишку-велита, как на живца. Когда это гастаты жалели велитов? Ну, сволочи... Это тебе не честный бой – один на один! Навалились, сбили с ног, принялись остервенело пинать.

– С-суки!

Ребра бы, козлы, не сломали... Оххх!!! Зубы бы не выбили... Ну, хватит уже, может быть?

– Хватит! – резко прозвучал повелительный голос, привыкший отдавать приказы. – Я сказал, достаточно.

Удары тот час же прекратились, избитого в кровь беглеца рывком вздернули на ноги, заломили за спину руки. Подняв глаза, Виталий увидел подъехавшего на белом коне оптия. Ага... Оклемался, значит. Жаль, тебя, гадину, та девчонка не зарезала!

Шлем оптия по-походному болтался на груди, поблескивая на солнце, красный плащ с желтым подбоем ниспадал на круп коня.

– Так-так, – усмехнувшись, протянул оптий – чернявый мужчина лет тридцати пяти, с красивым надменным лицом и холодными серо-стальными глазами. Посмотрел, подумал и, резко подняв руку, словно в приветствии, произнес: – Я, всадник Марк Сульпиций Прокул, объявляю тебя своим личным пленником, галл!

– Да пошел ты! – сплюнув кровавой слюной, невежливо отозвался Беторикс. – И вообще, что вы тут себе думаете? Кто вы такие?

– На каком языке он говорит? – удивился оптий. – Это точно не галльский.

– Может быть, германский, мой командир?

– Нет, германский по-другому звучит. Больше похоже на фракийский либо иллирийский. Ну, неважно. Итак, он мой пленник. И за все совершенное им сегодня же будет предан жестокой, но справедливой казни!

– Тоже мне, народный суд! – Виталий осклабился. – Козел ты драный!

– Нет, он определенно ругается, – Марк Сульпиций Прокул повел плечом. – На твоём месте я бы тоже ругался, галл. Ничего, чтобы немного развлечь своих воинов, я велю казнить тебя каким-нибудь интересным способом, например, колесовать или четвертовать. Спрошу об этом у центурии. У своей центурии, слышите, парни? Вчера еще хотел вам сказать – волею легата наш бывший начальник, центурион Авл Постумий Альб, назначен претором! Слава!

– Слава! Слава! Слава! – восторженно заорали легионеры, естественно, по-латыни, то есть Виталий слышал: – Глория! Глория! Глория!

– Я же приму наконец нашу центурию. – Будущий командир приосанился. – Двойную центурию – первую центурию легиона! И возглавлю всю когорту! А ты, Луций, будешь моим помощником.

– Слава центуриону Марку Сульпицию!

– Слава центуриону!

– Глория! Глория!

– Слава!

Под восторженные вопли Виталия и повели обратно на виллу. Теперь никто уже его не пинал, обращались почти вежливо, а юный велит с ухом-лепешкою и подбитым глазом даже притащил в шлеме водички, что пришлось весьма кстати.

– Спасибо, – напившись, поблагодарил пленник. И, быстро оглянувшись, прошептал: – Бежал бы ты отсюда, парень!

Велит недоуменно моргнул – такое впечатление, что и в самом деле не понимал по-русски! Наверное, нужно было по-латыни сказать.

Неужели и вправду казнят? Судя по той девушке, убитой дротиком, шутить тут никто не настроен. И главное, теперь уже едва ли получится сбежать.

Молодой человек искоса присматривался к конвоирам – здоровенным легионерам, тощим велитам. Последние выглядели наиболее слабым звеном. Взять вот хоть этого Юния: бредет, задумался, на сыплющиеся со всех сторон насмешки не отвечает. На вид лет восемнадцать-двадцать, лицо понурое, невыразительное. Не красавец, не урод, обычный паренек, каких множество, ни рыба, ни мясо. Виталий, читая на первых курсах лекции, таких повидал немало, да и в клуб эти фрукты порой приходят, но исчезают после одной-двух тренировок: железным мечом махать – это не то, что виртуальным, и один раз получить по пальцам на самом деле гораздо больнее, чем быть красиво убитым в компьютерной игре. Инфантильным до крайности, им даже до собственной жизни словно бы дела нет – родители все устроят. Ска-

жут: иди в институт, пойдет в институт, не скажут – загремит в армию (если родители не откупят). А там его и зачморят – как не зачморить такого?

Виталий все еще цеплялся за надежду встретить нормальных людей – грибников или охотников, но сам понимал, что надеется напрасно. Ягод пока мало, грибам рано, охотничий сезон не открыт... Да что там календарь! Крепло давящее убеждение, что дело не в этом. Нет здесь нормальных в его понимании людей, совсем нет...

Впереди показались знакомые строения заброшенной усадьбы. Виталий с надеждой бросил взгляд во двор: а вдруг уже появилась милиция? Вот бы увидеть знакомый УАЗик! Никому чуду он бы сейчас так не обрадовался, как приезду знакомого въедливого участкового. Пусть бы ругался на чем свет стоит, «вы заиграетесь, а мне отвечать», сваливая в одну кучу реконструкторов, ролевиков, родноверов и сатанистов, как это свойственно обывателям, пусть бы даже предъявил что-нибудь... Но увы: на дворе не было ничего, кроме навоза, и среди мусора под оградой не мелькало ни одной пластиковой бутылки, крышечки от пива, окурка или грязной обертки от какого-нибудь сникерса. Только солома, битая керамика, кости...

Спешившись, оптий Марк Сульпиций Прокул важно уселся у дверей. Легионеры во главе с тессарием Луцием выстроились во дворе, вдоль покосившегося плетня. Впереди, как и положено, тяжеловооруженная пехота – гастаты, принципы, триарии. За воинами в сверкающих доспехах скромно притулились велиты в кожаных панцирях либо вовсе без оных. Да-а... похоже, эта сволочь оптий задумал показательную казнь. От нехорошего предчувствия у пленника заныло под сердцем.

– Все построены, – почтительно доложил тессарий. – Ждем твоих указаний, мой командир!

– Воины великого Рима! – поднявшись на ноги, торжественно произнес оптий. – Сегодня, сейчас, я объявляю вам о том, о чем вы, несомненно, догадывались, но не смели спросить. Наш славный легат Гай Юлий Цезарь наконец-то отдал приказ отходить на зимние квартиры! Туда мы с вами и идем. Война закончилась, мои верные легионеры! Скоро, совсем скоро, всех вас ждет отдых, развлечения и женщины. Ну и, конечно, жалование за три месяца! Легат приказал выплатить вам его незамедлительно, сразу же по приходе в Нарбо-Марциус.

– Слава великому Цезарю!!! – потрясая оружием, восторженно заорали легионеры.

Виталий слушал, пытаясь уложить все это в сознании. Итак, это «кино» про времена Юлия Цезаря, место действия – окрестности Нарбо-Марциуса. Насколько он помнил, этот город, нынешняя Нарбонна, во времена Цезаря был столицей римской провинции, известной под издевательским прозвищем Галлия Браката – «Галлия в штанах». Существовала еще другая Галлия, предальпийская, называемая Галлия Тогата, то есть «Галлия в тоге»: ее завоевали еще в третьем веке до Рождества Христова, а жителей с тех пор успели воспитать в духе римской цивилизации и даже дать им гражданские права. А вот нарбоннцы гражданами Рима еще не считались и в их городах стояли римские гарнизоны. Впрочем, стояли давно и начали понемногу сливаться с местным населением, а некоторые молодые легионеры там же и родились. Кстати, Цезарь набрал в Галлии несколько легионов. Виталий ведь был не из тех «пехотинцев», которые из всей своей эпохи знают пару названий видов оружия, а какой хотя бы король в это время правил, сказать не могут.

Итак, Нарбонская «бракатая» Галлия считалась провинцией, но назначенный ее наместником Цезарь уже завоевал и другую Галлию – Галлию Комату, то есть «косматую». Для этого ему пришлось покорять северные племена, которые в 54 году восстали, и все началось с начала. Уж не сюда ли он, Виталий, попал?

– Слава нашему центуриону! – когда радостный гул стал затихать, подхалимски воскликнул сержант. – Слава!

– Я знал, что вам понравится эта новость, – довольно усмехнулся оптий. – Хотя для многих это и не новость вовсе. Судя по вашим радостным мордам, вы догадывались, куда идем, а?

– Слава центуриону!

– Слава!!!

– Ладно, хватит! – Марк Сульпиций махнул рукой и перевел взгляд на тоскливо стоявшего невдалеке беглеца. – Теперь предлагайте, что делать с этим пленником? Предлагайте не мне, а вот этому юному воину! Подойди, велит.

Из строя смущенно вышел Юний – с распухшим ухом, с синяком. Среди легионеров прошелестел смехок.

– Нечего смеяться. – Однако сам командир, вновь усаживаясь на бревно, не смог сдержать усмешку. – Право, Юний – неплохой воин, да и батюшка его – давний клиент нашей семьи. Правда ведь?

– Славному семейству Прокулов мы обязаны всем. – Юноша поклонился.

– Рад, что ты это помнишь. – Оптий кивнул и посмотрел на остальных воинов. – Сегодня велит оплошал – упустил беглеца...

В строю прокатился осуждающий ропот, кто-то выкрикнул обидные насмешки, кто-то выругался.

– Упустил, но сам же в конце концов и поймал, можно сказать. Если бы велиты не вступили с беглецом в схватку, если бы Юний не продержался так долго... Короче, этого строптивого пленника я дарю велиту Квинту Юнию! Вы, мои славные воины, придумаете подходящую казнь, а Юний... – тут оптий сверкнул глазами и прищурился. – Юний приведет приговор в исполнение! Молодым надо закалять сердца!

Несколько секунд легионеры молчали. Одно дело, когда воин по велению своего командира наказывает товарища за какой-то проступок, но совсем другое – возложить на велита обязанности палача! Унизил, так унизил – ничего не скажешь.

– Ну? – грозно рыкнул тессарий. – Что молчите? Предлагайте же?

– Распять его на кресте!

– Сжечь на костре!

– Удавить!

– Отрубить голову!

– Дать меч, и пусть бьется со своими соплеменниками насмерть!

Последнее предложение, похоже, понравилось оптию больше других. Устало вытянув ноги, он посмотрел на Юния:

– Ну? Что скажешь?

С видом провалившегося на экзамене двоечника велит почесал затылок и несмело уточнил:

– Это ведь теперь мой раб, правда? Вы, господин, только что подарили его мне...

– Да, да, все так, парень!

– Тогда я не понимаю, почему моей собственностью распоряжаются посторонние люди.

При этих словах многие легионеры изумленно раскрыли рты – по всему видать, не ожидали подобного от тихони.

– Потому что этот раб должен быть наказан, – размеренно и четко проговорил командир. – А раз это твоя собственность, то и наказывать его – твоя обязанность.

– Я накажу его, да, – велит с готовностью кивнул. – Только... можно несколько иным способом?

– Ты же у нас теперь собственник, хозяин! – Оптий развел руками и издевательски хмыкнул. – Очень интересно, что ты придумал с ним сделать? Ну, говори же, говори!

– Видите ли, господин центурион, у меня в Нарбонне есть один знакомый ланиста...

– Что? – Марк Сульпиций в изумлении хлопнул себя по коленкам. – Ну у тебя и дружки, парень! И это – клиенты моей семьи? Ужас. А знакомого сутенера среди твоих друзей нет? Или актера, бродячего мима, проститутки? Позволь заметить, такие знакомства вовсе не красят воина великого Рима!

– Просто я говорю, как есть. – Юноша сконфуженно покраснел.

– Что ж, продолжай, интересно послушать. Ну, ну, смелее!

– В легионе, как вы знаете, я недавно. И жалованье мое еще очень невелико, а трофеи попадают редко...

– Хватит жаловаться на жизнь! Я понимаю, куда ты клонишь. Сколько ты рассчитываешь получить за него у ланисты?

– Шестьдесят тысяч сестерциев. – Юноша скромно опустил глаза.

– Сколько-сколько? – Оптиий аж привстал от удивления. – Я не ослышался? Шестьдесят тысяч? Это твое жалованье за год! И кто же даст такие деньги за строптивного раба, с которым одни проблемы?

– Шестьдесят тысяч, – упрямо повторил велит. – Этот галл... Он бьется в точности как гладиатор! Всякие там финты, уловки, обманные движения... Клянусь, едва ланиста увидит, как этот парень сражается, он заплатит мне столько, сколько я запрошу, а может, еще и больше.

– Ну, ты нахал, парень... Луций! Ты как думаешь, выручит велит за беглеца такую сумму?

– Кто его знает, мой командир? – уклончиво отозвался сержант. – Может, и выручит. Тем более, он же сказал, что ланиста – его друг.

– Мне бы таких друзей, которые запросто швыряют на ветер деньги! Предлагаю пари!

– Пари? – Тессарий азартно потер ладони. – Что ж, почему бы и нет?

Легионеры заинтересованно замерли – похоже, занятое зрелище казни отменялось, но взамен назревало нечто не менее интересное. Будет о чем рассказать потом...

– Итак! – Оптиий, похоже, тоже оказался парнем азартным. – Я при свидетелях утверждаю, что велит Квинт Юний не продаст этого бродягу в Нарбонне за шестьдесят тысяч сестерциев. Ты же, любезнейший Луций, утверждаешь обратное. Так?

– Все так, командир, – с ухмылкой кивнул сержант.

Он, судя по всему, тоже видел, как сражался Беторикс. В отличие от оптия.

– Итак, пари. Что ж, приедем в Нарбонну, посмотрим, – Марк Сульпиций ухмыльнулся. – Теперь осталось договориться о закладе. Ты ведь у нас ветеран, Луций. Скоро получишь участок и пенсию.

– О нет, ставить участок или пенсию я не согласен!

– А тогда что? – вкрадчиво осведомился оптиий.

– Давайте так: каждый из нас купит по три красивых девки, а кто выиграет, тому и достанутся все!

– Хм, девки... В моем доме и так полно красивых рабынь. Давай лучше участок. А я поставлю на кон свою новую виллу! Ну, решайся же, дружище Луций!

– Нет, участком я не могу рисковать ради такой ерунды. Да когда его еще дадут.

– Цезарь сказал, что вот-вот.

– Мой командир, – осмелился подать голос всеми уже позабытый велит. – Позволь мне кое-что вам посоветовать. Ну, насчет заклада.

– Тебе? – Марк Сульпиций хмыкнул. – Ну, что ж, посоветуй.

– Предлагаю проигравшему оплатить организацию гладиаторских игр на арене Нарбонны.

– Ого!

– И не только оплатить, но еще и пригласить всех воинов нашей славной центурии!

– Х-ха! – Оптиий лишь покачал головой, впрочем, вполне благосклонно, видать, идея понравилась.

А как она пришлась по душе остальным! Вот вам и Юний, вот вам и велит-недотепа! Недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся. Кстати, оптий это тоже оценил:

– Ну, ты и хитер, парень! Совсем неплохо устроил свои дела. Я слышал, тебя здесь зовут Недотепой?

Беторикс усмехнулся – надо же, угадал!

– Я смотрю, это прозвище тебе совсем не подходит, я предложу другое... Отныне ты будешь зваться Квинт Юний Каллидус – Квинт Юний Хитрец! Как, парни, подходящее для него прозвище?

– Теперь видим, что подходящее.

– Посмотрим, что будет в Нарбонне.

Виталий вдруг поймал себя на мысли, что следит за развитием событий, будто так все и должно идти, уже не задаваясь вопросом, кто все эти люди и куда он попал. Неведомая реальность захватила его в плен и подчинила себе – не только физически, но, похоже, и в мыслях. Судя по всему, его главная задача теперь – выжить. А попусту мучиться, что, да как, да почему – с ума сойдешь.

Глава 5. Лето —? Холмы, озера, леса...

Куда я попал?

По широкой дороге отряд поднялся на вершину холма, с которой открывался поистине изумительный вид на всю округу: пологие холмы, дороги, коричневые поля, дубовые и кленовые рощи. Все это не очень вязалось с южной зоной тайги, больше напоминало Краснодарский край в конце сентября. Холмы явно возникли из потухших вулканов, заросших лесами и травами. Кое-где в углублениях кратеров поблескивали озера, а в синем прозрачном небе весело сияло солнце, яркое, но милосердное. Иногда налетал такой пронизывающий ветер, что Виталий в своей рубахе ежился, а легионеры плотнее кутались в плащи. Кстати, даже с высоты Виталий не увидел ни каких-либо современных построек, ни линий электропередачи, ни асфальтированной дороги.

Легионеры... Интересное какое вышло пари! Оптий собирался всерьез наказать молодого велита, а вышло, что почти наградил! Могли так поступить римляне времен Цезаря? А черт их знает! О внешности, оружии, одежде древних народов мы сейчас много чего можем сказать, опираясь на данные археологии, на сохранившиеся описания путешественников и разные изобразительные источники. Что же касается менталитета тех же римлян или уж тем паче германцев и галлов, это до сих пор «terra incognita», здесь никто не может чего-либо утверждать с уверенностью. Осталась литература, исторические и философские сочинения, но кто сказал, что современники воспринимали их так же, как мы? И кто может точно знать, каким видел мир римский вольноотпущенник времен принципата? Афинская гетера? Провинциальный сенатор или раб? Мы можем лишь строить догадки, более или менее обоснованные, но все равно остающиеся догадками. Вещи, которые в те времена были известны любому ребенку, сейчас являются предметами научных споров. Например, некоторые утверждают, что римские матроны носили кошельки-мешочки под юбкой. Но в таком случае выходит, что бедолага матрона, придя на рынок, должна была в поисках мелочи задирать подол. Будь на ней мини-юбка, тогда это достаточно быстро и удобно проделать (о приличиях сейчас умолчим), но знатные женщины ведь носили многослойный наряд с несколькими туниками, со столой, с пенулой... Так что насчет ношения денег под юбкой римскими женщинами – это большой вопрос! Скорее, им, как и мужчинам, удобнее было просто привязать кошель к поясу, а говорить о его помещении под юбкой можно только в качестве сатирического совета – как уберечь денежки от воров. Или, например, мы не знаем, как в Древнем Риме читали букву «с» – как «ц» или «к»? «Кентавр» правильно говорить или «центавр»? «Циклады» или «Киклады»? Увы, до практического применения машины времени этого не выяснить. А ведь речь идет о римлянах, народе грамотном, с развитой письменной культурой и литературой, которая сама по себе – зеркало народной души. Что же говорить о разных варварах, от которых и памятников-то никаких не осталось, кроме «Беовульфа», да и тот сочинят на несколько веков позже. Во времена Цезаря о них писали только враги-римляне – тот же Цезарь, например. А при описании врагов едва ли стоит ждать объективности.

Думать обо всем этом Виталию пока никто не мешал. Надо сказать, по сравнению с другими пленниками, его личное положение после заключенной сделки явно улучшилось. И все благодаря Юнию, который из всех сил заботился о своем новом рабе, от которого ждал такой большой прибыли: на привалах не забывал поделиться едой из собственного котелка, приносил воды, а сегодня с утра даже притащил вино, кислое, как уксус.

Они шли уже второй день, но так и не наткнулись ни на одну приметку современной цивилизации. Даже самолет в небе не пролетел – Виталий нарочно то и дело поглядывал вверх,

однако нет – небо оставалось совершенно чистым, без единого инверсионного следа. Иногда он еще пытался найти убедительное объяснение происходящему: например, что некая банда отморозков ведет пленников в глухие места, в тайгу, где нет дорог и связи... Зачем? И, главное, зачем отморозкам при этом притворяться древними римлянами и говорить на латыни? А их пленникам – на древнем галльском? Наблюдая за товарищами по несчастью, Виталий по-прежнему не услышал ни одного русского слова, даже матерного. Малый рост, отсутствие многих зубов – в том числе и у здешних «хозяев жизни», следы разнообразных увечий прямо-таки наталкивали на мысль, что цивилизации двадцать первого века эти люди даже не нюхали, притом все – как «римляне», так и «галлы». А значит... Господи! Что за хроноопера! Как почти каждый, интересующийся историей, Виталий читал книги о том, как наш человек попадает в далекое прошлое. И вот... Хотелось изо всех сил протереть глаза – да неужели он сам попал в такую книгу? Или на самом деле – в первый век до нашей эры?

– Красивые места! – мечтательно произнес идущий справа от пленников легионер – опытный воин лет тридцати. – Я был бы не прочь получить здесь участок земли и построить виллу.

– Участок? – улыбнулся воин, шагавший слева – видать, надоело молча месить грязь. – А почему бы и нет, Флавий? Тебе ведь не так долго осталось служить, а здесь, в Кельтике, потребуются верные люди – опора порядка и власти.

– Да! Думаю, Цезарь наделит землей таких, как я. Тем более в Галлии земли много.

И Виталий, слушая этот разговор, ведущийся на латыни, больше не удивлялся – начал привыкать понемногу к своей новой реальности...

Широкая дорога, обложенная камнями, спускалась по склону холма в ложбину. С обеих сторон потянулись возделанные поля: на одних еще щетинилась стерня, другие уже были вновь распаханы и засеяны озимыми. Выходит, не глухая тут тайга, места обитаемые. Да и дороги есть: не асфальтированные, не мощеные, зато хорошо утрамбованные и широкие – три легкие машины запросто разъехались бы. Вот только не видать тут ни машин, ни даже дорожных знаков. Равно как и сельхозтехники на полях, уходящих за горизонт.

Вот впереди появилось нечто, движущееся навстречу. Виталий с надеждой взгляделся – вот окажется, что это трактор или автомобиль, и он снова будет в своем времени. И пусть его окружает банда спятивших отморозков – все же станет легче ориентироваться, появится надежда на спасение... Но увы: это была повозка, здоровенная, груженная сеном, запряженная четырьмя быками. Животных лениво подгонял возница – в антуражных башмаках, штанах и галльской накидке из козьей шкуры, называемой кервезия. От разочарования похолодело внутри, и Виталий ощутил, что близок к отчаянию.

– Салвете! – Отогнав телегу на обочину, возница остановился, пропуская римлян.

– Далеко ли до постоянного двора, парень? – проезжая мимо, поинтересовался оптий.

– До постоянного двора? – Возчик почесал заросший затылок. – Да недалеко, лиг десять.

– Лиг? Ты нам скажи, сколько это в милях?

– В милях? – Парень явно задумался. – Ну, может, дюжина, а может, полтора десятка.

– Понятно, – кивнул Марк Сульпиций. – Примерно полдня пути, вряд ли меньше. Слышь, парень, а ты не встречал здесь воинов великого Рима?

– А как же не встречал?! Третьего дня шесть когорт прошли, все вино на постоянном дворе выпили.

– Так что же, на постоянном дворе теперь нет вина? – нахмурился оптий.

– Вина нет, но дядюшка Бранит, думаю, уже наварил пива. Много ведь вас идет – чего зря деньги терять?

– Клянусь Меркурием, неплохо сказано! – Командир рассмеялся. – Ты рассуждаешь почти как настоящий римлянин!

– А вы что думаете, в провинции совсем уж чурки неколотые проживают? – обиженно отозвался возчик. – Ладно, проходите быстрее, некогда мне тут с вами языком трепать, сено везти надо.

Возница шпарил по-латыни довольно бойко, правда, как машинально отметил Виталий, не совсем правильно – путался в грамматике. Но чему удивляться – этот язык ему явно не родной. Однако от заброшенной фермы они ушли уже очень далеко. В банду чокнутых поверить еще можно – ну, если другой версии все равно нет, но не может на исторических игрищах свихнуться целая область! Это же не заимка таежная – такие просторы, да еще с обработанными полями, не могли бы оставаться незамеченными. И правда, легче поверить, что попал в первый век до нашей эры – это менее невероятно, чем существование целого края, населенного сплошь сумасшедшими любителями варварской древности. Ну не может такого быть, и Виталий, как научный работник, это хорошо понимал. Перемещение по времени даже с научной точки зрения легче объяснить, если постараться, чем массовый психоз, осложненный слепотой и глухотой остального человечества.

– Эй, вы там! – Едущий впереди оптий повернулся в седле. – Давай, подтянись, прибавь шагу! До темноты мы должны добраться до постоянного двора и заночевать, как люди, под крышей.

– Вот что я у тебя спрошу, Флавий, – снова возобновил разговор один из воинов. – Как же так получается – мы что же, выходит, на этом постоянном дворе должны будем заплатить галлам за ночлег, пиво и прочее? Я правильно понял нашего командира?

– Совершенно правильно, дружище Манлий, – рассмеялся легионер.

– Но почему? Мы же всегда брали все, что хотели, силой, по праву победителя!

– А потому, что мы уже не в Кельтике, друг мой. Посмотри вокруг, на эти поля, на эти давно потухшие вулканы – это Галлия Нарбонна или, как ее называют, просто Провинция!

Да, отметил про себя, Виталий, римляне называли Нарбонскую Галлию, завоеванную еще во втором веке до Рождества Христа, Провинция Ностра, то есть Наша Провинция, отсюда и пошло потом французское слово Прованс. Ведь в далеком будущем здесь будет территория Франции... В будущем? Далеком? Значит, он сейчас в далеком прошлом? Что за черт!

– Так-так... – разочарованно протянул воин. – Значит, за все теперь придется платить?

– А ты как думал, дружище Манлий? Все, дармовщина кончилась.

– Чем же мы расплатимся? У меня, к примеру, нет ни дупондия!

Еще одно подтверждение. Дупондий – мелкая римская монетка, чеканилась чаще всего из латуни, но бывали и медные. Один дупондий равен двум бронзовым ассам, вспоминал на ходу Виталий. Правда, ассы сильно обесценились во время гражданских войн и в правление Цезаря практически не выпускались. Два дупондия, или четыре асса, составляли один сестерций – серебряшку весом в грамм. Четыре таких равнялись одному денарию, тоже серебряной монете, но уже в четыре грамма. Двадцать пять денариев составляли ауреус – золотой весом около восьми граммов. Килограмм парной свининки в эти времена стоил около двух сестерциев, на латунный дупондий можно было купить шесть литров хорошего вина, курица стоила полдупондия, а вот кролик подороже – два сестерция. Наемный рабочий, вольноотпущенник-землекоп или сданный в аренду раб в Риме зарабатывал три сестерция в день. В провинции, конечно, меньше. В общем-то, жить можно, другое дело, что многие римские граждане, даже совсем нищие, вовсе не стремились зарабатывать на жизнь, полагая, что обеспечивать их – прямая обязанность государства. Хлеба и зрелищ – самый популярный в те времена лозунг. Опекаемые государством граждане великого Рима уже ко времени Цезаря совершенно зажрались, физический труд или занятие ремеслом считали делом недостойным, да и служить в армии римская молодежь тоже не рвалась, предпочитая тратить время на развлечения. В Риме таких убежденных бездельников становилось все больше, приток свежей крови и деятельных людей давали только провинции.

– Сейчас мы идем по землям вольков, – между тем продолжал Флавий. – Вольки – давно уже друзья Рима, провинциалы... Но, кто знает, может быть, очень скоро они получают гражданство, как жители Цизальпинской Галлии.

– Думаю, за нас заплатит центурион, друг мой Манлий. А потом высчитает из жалованья.

– Да пока еще мы доберемся до наших денег!

– Скоро, дружище, скоро! Сразу после постоянного двора будет развилка, налево – поворот на Немасус, направо – наш, на Каркасо и Нарбо. Там недалеко уж останется.

– И все же хотелось бы лучше домой, в Рим!

– Я понимаю тебя, но для многих наших дом – как раз Нарбо! Вон, хоть на велитов взгляни. Они и Рима-то никогда не видели.

– Много потеряли.

– Согласен! Ну да ничего! Надеюсь, на постоялом дворе наш командир угостит нас вином или хотя бы пивом.

И снова, вопреки всему виденному и слышанному, Виталий с надеждой думал о постоялом дворе – все-таки населенный пункт, оплот цивилизации, как ее здесь себе представляют. Может, хоть там найдется телефон... разбитый автомобиль... пивная бутылка, окурки! Золотому слитку он сейчас не обрадовался бы так, как простому изжеванному окурку, который позволил бы верить, что он все еще в своем времени.

Но Виталий уже считал эти надежды призрачными.

Навстречу центурии, отягощенной пленниками и обозом, все чаще попадались повозки самых разных размеров и видов: крепкие, влекомые упряжкой мулов, возы-каррусы, легкие четырехколесные ряды, изящные эсседумы-одноколки. В последних сидели женщины, совсем еще молодые девчонки, одетые как знатные дамы.

– Сальвете! – Смеясь, девушки махали легионерам.

– Салвете, девчонки! – Те гордо расправляли плечи. – Привет, привет! Куда едете?

– В гости, на адифицию Авла Фламиния Галла. Не заходили к нему?

– Нет, мы все прямо идем, никуда не сворачивали. А, может, с нами прокатитесь, девушки? Мы много чего интересного знаем! Расскажем все новости!

– Нет уж, как-нибудь в другой раз.

– Тогда удачного вам пути, красавицы!

– И вам!

И по-прежнему – разговоры только на латыни. «Когда же этот бред кончится?» – в изнеможении подумал Виталий и тут же услышал позади:

– Никогда!

– Что?! – Беторикс вздрогнул и обернулся.

– Никогда я не позволю жене кататься на такой вот коляске! – покачал головой Юний, то есть Квинт Юний Каллидус, велит шестого легиона, набранного Цезарем в Нарбоннской Галлии.

– Не отпустишь?

Разговорчивые легионеры, Флавий с Манлием, уже ушли далеко вперед, и Виталий не упустил представившуюся возможность поговорить с глазу на глаз со своим юным хозяином. Тоже на латыни – ведь русского тот по-прежнему упорно не понимал.

– Ты разве женат?

– Нет, конечно, я же воин. Но если бы у меня была жена, ни за что бы не позволил. Эти все одноколки – они такие ненадежные, сколько на них народу переворачивается! Вот у нас в Нарбо как-то был случай... Ой! – Юноша вдруг прикрыл ладонью рот. – Чего это я с тобой разболтался?

– А почему бы нам с тобой и не поговорить? – хмыкнул аспирант. – За спрос ведь денег не берут. Вечер еще не скоро, а идти без доброй беседы скучно.

– Так-то оно так, – согласно кивнул велит.

– Ну, и куда мы идем?

– Зачем тебе знать? – Юний усмехнулся. – Чтобы снова попытаться бежать? Я-то уж знаю, какой ты прыткий!

А он и правда не прост, этот Хитрец-Каллидус!

– Ладно, не хочешь, не говори. Но хоть Расскажи о своем родном городе – все же интересно послушать!

– О, Нарбо Марциус, мы называем его просто Нарбо, поистине, прекрасный город, пусть даже и не очень большой! Стоит на берегу моря – величавые храмы, амфитеатр, где устраивают всякие зрелища, полная кораблей гавань! Столько мачт – целый лес! Суда из Масилии, из Остии, Сицилии, Тартеса! Со всего света, да! Знаешь, в детстве я даже хотел стать моряком...

– Чего же не стал?

– Шутишь! Я же не в матросы собирался пойти – чтоб меня там шпыняли да били плеткой. Ты еще скажи, в гребцы бы нанялся! О нет, я не такой глупец...

– Да ты у нас Хитрец, забыл, что ли?

– Нет, не забыл.

– А тот, кому ты меня собираешься продать, он тоже живет в Нарбо?

– Да, – покосившись на своих, парнишка понизил голос, видимо, стесняясь столь непочетного знакомства.

Ланиста – содержатель гладиаторской школы, человек не бедный, но происхождения низкого – часто вольноотпущенник, обычно сам бывший гладиатор. Относились к нему тогда, как сейчас к режиссеру порнофильмов: вроде бы и к киноискусству имеет отношение человек, и деньжата водятся, а все же в гости в приличную компанию не пригласишь. Гладиаторы и актеры в те времена считались недалеко ушедшими от проституток – все, кто зарабатывал на жизнь «своим телом», у римлян относились к людям конченным, вроде порноактеров. Короче, даже простой велит гордиться таким знакомством не будет.

– Зовут его Гай Валерий Флакк, отец его – вольноотпущенник знаменитых Флакков. Сколотил состояние, гладиаторскую школу купил, передал по наследству сыну. Валерий-то у отца единственный, остальные все дочери и давно замуж выданы.

– И сколько же этому Валерию лет?

– Сколько и мне – девятнадцать.

– Надо же! И что, получается в столь юном возрасте гладиаторской школой управлять?

– Да как сказать... – Юний смущенно улыбнулся. – По-разному. Но за тебя он шестьдесят тысяч сестерциев отдаст, не ходи к сивилле! Ты бьешься в точности как гладиатор – все эти обманные удары, финты. Меня ведь мог запросто убить... Но не убил. А кстати, почему?

– Наверное, потому, чтобы ты меня после выручил. Долг платежом красен!

– Интересное присловье. А ты умный!

– С чего ты так решил? – усмехнулся аспирант.

– Понял, что я тебя выручил. Оптий наш, да и все остальные, вовсе так не считают. Ты хоть представляешь, что такое гладиатор?

– Вполне.

– Ага-а-а... – Велит вдруг хитро прищурился. – Вот я тебя и раскрыл! Никакой ты не галл, даже языка галльского не знаешь. А кто ты – сказать?

– Ну, скажи, – заинтересовался Виталий.

Может, и сам он вовсе не то, что о себе думает? Если весь мир перевернулся вверх дном, то почему он должен остаться прежним аспирантом Замятиным? Вот сейчас ему скажут правду...

– Ты – беглый гладиатор, вот кто! – округлив глаза, прошептал Юний. – Таких, как ты, лет двадцать назад было много... Все слышали про Спартака! Ну, что смотришь? Только не говори, что я не угадал!

– Не скажу. Считаю как хочешь.

– Поэтому мой приятель ланиста не пожалеет на тебя денег, как только испытает в бою. Оптий наш конечно же проиграет пари. Жаль, мой отец был его старым клиентом, а я вот подался в легионеры.

– Интересно, с чего?

– Не твое дело, раб!

Парень вдруг замкнулся и замедлил шаг: видать, испугался наболтать лишнего.

По пути отряд миновал несколько деревень, но близко к ним не подходил и рассмотреть их толком не удалось. К деревням, через поля, луга и рощицы, тянулись поворотки, отходившие от главной дороги. Снова попались навстречу возы с сеном, потом дровосек с вязанкой дров за плечами, потом идущие с речки девчонки – русалочки с мокрыми волосами. Ишь, вырядились: туники до пят с вышивкой мелким бисером, красные ожерелья, браслеты. Мокрые волосы у некоторых украшены пышными венками из васильков и ромашек – кстати, очень мило! У одной на голове – серебряная сеточка. Тоже еще, модницы сельские. Легионеры конечно же снова не упустили случай позубоскалить: говорили девушкам разные глупости да ржали, как кони. Правда, руками волю не давали, вели себя вполне корректно и, можно сказать, дружелюбно.

И опять же, ни у кого – ни малейшей современной мелочи, кругом сплошной «фул аутент». Ни автомобиля, ни трактора, даже на велосипеде никто не проехал, все встречные-поперечные передвигались исключительно на телегах или верхом, причем Виталий на это особо обратил внимание, в охляпку, без стремян. Из одежды – ни джинсов, ни кроссовок, вообще ничего такого. Хоть бы лесовоз какой попался или, на худой конец, мужик со «Штилем» или «Хуксварной»! Хоть бы стекляшка бутылочная под ногами... С надеждой он вглядывался чуть ли не в каждый предмет, попадавшийся на глаза: повозку, человека, столб. Ведь те селения, что встречались по пути, лишь мелькали за полями, он их толком и не рассмотрел. Да неужели такие огромные пространства обрабатываются античными орудиями труда? Может, в селах-то есть тракторы, грузовики, всякие сеялки-веялки? При виде каждого встречного он вскидывал глаза: может, попадется парень в джинсах, девчонка в короткой юбочке, мужик с часами на руке? Или вон там что за столбы? С проводами? Виталий всматривался, вывернув голову, так что едва не споткнулся, но никаких проводов разглядеть так и не сумел. «Но ведь провода могли украсть!» – с маниакальным упорством утешал он себя, лишь бы отодвинуть кошмарную правду, которая подступала все ближе к сознанию. Украли да сдали в скупку, в глуши это запросто, ибо больше заработать не на чем.

Ну, допустим, – от скуки и безнадёжности Виталий снова пускался в нелепые фантазии в попытке объяснить себе нелепую действительность, – как Васюкин организовал себе галльскую крепость, такой же любитель древности, только на порядок богаче, организовал в глуши целую римско-варварскую провинцию. Желает, дескать, воображать, будто он в Древнем Риме... Но как отучить сотни людей курить, носить очки, лечить зубы? Говорить по-русски и материться? Пить пиво и бросать мусор под ноги? Под гипнозом? С помощью какой-нибудь психоделической... тьфу, психотронной установки? Научная фантастика, да и только! А без фантастики это невозможно. Ни за какие деньги!

По сторонам, среди полей и рощиц, все чаще мелькали селения – хутора, деревни. Можно было бы, конечно, еще раз попытаться бежать: тщательно подготовиться, выбрать удобный момент. Рисковать здесь не стоило, ибо местные шутить не любят – запросто могут пустить

вслед убегающему стрелу или швырнуть дротик. Попадут причем, гады. Бедная девчонка! Такая вот гнусная и нелепая смерть!

Итак, сегодня легионеры собрались ночевать на каком-то постоялом дворе. Пленников наверняка опять запрут в каком-нибудь амбаре – попробуй, выберись. И все же надо хоть попытаться... Куда он двинет дальше, Виталий пока не думал.

– Чего это ты там высматриваешь? – язвительно промолвил Юний. – Снова замыслил побег? И не надейся! Здесь уже наши места, где есть закон и римский порядок! – Юноша горделиво приосанился, будто сам и обеспечивал здесь торжество цивилизации.

А впрочем, почему нет – ведь он легионер, пусть и захудалый, опора великого Юлия Цезаря!

– В этих местах далеко не убежишь, – продолжал Юний. – Беглого выдаст любой крестьянин или пастух, нет смысла и пытаться.

– А тебя так волнует моя судьба?

– На твою судьбу мне плевать! – с показной подростковой циничностью скривился «защитник правопорядка». – Меня волнуют мои шестьдесят тысяч сестерциев. А потом еще жалованье за три месяца получу... – мечтательно добавил он. – Ух и погуляю же! В Нарбонне у меня много друзей – я же там родился и вырос. А для тебя стать гладиатором – не худшее, что может случиться! Да кому я это объясняю? Ты ведь уже был гладиатором. Кстати, хотел спросить – на каких аренах ты выступал? Может, я тебя уже видел? Не сражался ли ты в Медиолане два года назад? Не ты ли ранил Каррита Фракийца? А Гельветский Вепрь – не твой ли дружок? Что молчишь, а?

– Не знаю я никаких вепрей!

Аспирант пожал плечами, с тоской вспомнив собственный клуб «Галльский вепрь», который возглавил два года назад после отхода от дел Юры Энгуса. И так его поразил контраст между обычной жизнью, деятельностью и манерой поведения простой «реконской» братвы и тем, что он уже который день видел вокруг себя, что правда встала перед мысленным взором во весь рост. Не может все это происходить в двадцать первом веке! Не может!

– Что ж, не хочешь говорить – не надо. – Юний хитро прищурился. – А на постоялом дворе я, пожалуй, попрошу хозяина запереть тебя отдельно от всех. Чтоб не мучил народ! Ты ж такой, ты ж гладиатор.

– Да не гладиатор я! – отмахнулся Виталий.

– Ага! Рассказывай сказки. Как будто я с тобой не сражался.

Впереди в колонне послышался радостный гул – похоже, легионеры увидели наконец долгожданный постоялый двор. Да и вовремя – уже начинало смеркаться.

Вот и Виталий различил впереди строения – обширный двор, огороженный плетнем, крытые соломой мазанки. Все это напоминало типичный казацкий хутор где-нибудь на Дону или Кубани, но здесь, на севере, мазанки, плетень и соломенные крыши выглядели неуместно. На севере... если он в Нарбонской Галлии на самом деле находится, то есть во Франции!

– Добро пожаловать, славный центурион! – Выйдя в ворота, поклонился вислоусый добродушный толстяк. Ему бы шаровары и свитку вместо туники с сандалиями, и был бы настоящий казацкий «дядько».

– Салве, Бранит! – Оптий Марк Сульпиций спешил, бросив поводья подбежавшему чумазому мальчишке, тоже, кстати, не в джинсах или шортах, а в типичных галльских браках. – Говорят, легионеры великого Цезаря уже выпили у тебя все вино?

– Вино выпили, это правда. – «Дядько» виновато развел руками. – Заказал в Нарбонне дюжину амфор, так ведь пока их привезут! Зато наварил свежего пива и напек хлебов! Вам понравится, клянусь Бахусом и всеми богами лугов!

– Пиво, ну, что же, – улыбнулся оптий. – Сойдет и пиво, коль нету вина... Верно, Луций?

– Так точно, господин центурион!

– Ну-ну, не торопись, дружище тессарий, письменный приказ о моем назначении будет только в Нарбонне.

– А это значит, уже очень скоро, мой господин! – ухмыльнулся сержант.

– Да-а! – Проходя по просторному двору к распахнутым дверям приземистого строения, оптий покачал головой. – Все же приятно возвращаться в родные пенаты. Бранит, где нам разместить пленников?

– Женщин с детьми можно и в риге, хлеба уже давно высушили да обмолотили. – Хозяин постоянного двора обернулся, задумчиво подергал ус. – А мужчин запрем в амбаре, где обычно храню вино.

– Пленников вместе с вином?!

– Так вина-то нет, господин центурион, старое выпили, а новое еще не прибыло. Прошу, прошу, проходите... Вас, смотрю, много, места в гостевых покоях на всех не хватит, так что воины могут разбить шатры снаружи.

– Так и сделаем, любезный хозяин.

– А коней и мулов привяжите вон у тех деревьев. Слуги дадут им воду и корм. Да... хотелось бы узнать, любезнейший центурион, как насчет...

– Я заплачу за всех! – Марк Сульпиций хмыкнул и указал на одну из особо охраняемых повозок. – Там трофеи: золото, серебро... Кое-что перепадет и тебе, хитрый кабатчик!

– О, не такой уж я и хитрый, мой господин.

– Я заплачу за всех воинов и рабов.

– Поистине, ты очень щедр и великодушен, славный центурион!

– Не обольщайся – я потом вычту расходы из их жалованья, – хмыкнул оптий.

– О! Да ты еще и мудр!

– Надеюсь, ты не согласишься слишком много?

– О, господин! Возьму не дороже, чем у всех.

– И сколько хочешь за конгий пива?

– За два конгия – сестерций. – Спрятав хитрую ухмылку, кабатчик снова подергал ус.

– Сестерций – за два конгия пива? – Сульпиций был неприятно удивлен. – Но ведь почти столько же стоит и вино!

– Мое пиво лучше, чем вино, клянусь всеми богами! Сейчас ты сам убедишься, мой господин! Проходи, проходи же!

Во дворе легионеры спешно разбивали шатры, предвкушая разрекламированное ушлым трактирщиком пиво. Велиты, в том числе и Юний, столь же быстро загнали пленниц и детей в ригу, а мужчин – в сложенный из дикого камня амбар.

– Эй, гладиатор! – В последний момент Юний ухватил Виталия за руку. – А ты обожди.

– Чего это ты его придержал? – удивились остальные воины. – Зачем?

– Его нельзя вместе со всеми, – убежденно пояснил юноша. – Снова будет воду мутить.

– Тогда – в эргастул!

– Здесь нет эргастула, Гней, это же не вилла.

– Хм...

– Посади его на цепь в собачью будку, дружище Юний! Клянусь, с цепи он точно не сорвется!

– Ага, не сорвется! – Каллидус скептически хмыкнул. – Ты видишь его мускулы? Да и с этой цепью уж больно много возни – найти кузнеца, заковать, утром расковать. Нет, надо что-то другое придумать. Слушайте-ка, парни, вы пока присмотрите за ним, а я пойду договорюсь с хозяином. Не может быть, чтоб у него не оказалось подходящей каморки! Какого-нибудь чулана, что ли...

– Присмотреть за ним? Это будет тебе дорого стоить.

– Договоримся, вы ж меня знаете.

– Знаем, да, но не так хорошо, как раньше думали. Ты у нас, оказывается, тот еще хитрец!

– Ему палец в рот не клади! – добродушно смеялись легионеры. – Был просто Юний, теперь ишь ты – Каллидус!

Махнув рукой, новоявленный рабовладелец побежал в дом и вскоре вернулся в сопровождении юркого молодого человека в тунике и браках, по всей видимости, хозяйского слуги.

– Этот, что ли, раб? – Подойдя, галл кивнул на Виталия. – И в самом деле, выглядит сильным. Ладно, бери его, и пошли.

– Что встал? Идем! – Юний ткнул задумавшегося невольника тупым концом пилума.

– Вон, – показал слуга. – Там на углу у нас сторожевая башня: до прихода легионов славного Цезаря мы опасались разбойников и беглых рабов.

– Это – башня? – всмотревшись, изумился велит. – Я думал, просто амбар.

– Так она еще не достроена. Зато крепка!

– Но... я вижу в ней окна!

– Это бойницы. Да не беспокойся, они слишком узки, чтоб можно было пролезть. А дверь, сам видишь, из дуба!

– Что с того, коли я не вижу на ней ничего похожего на засов!

– Она не предназначалась для того, чтобы ее запирать снаружи, но не беда! Мы бревнышком подопрем.

Скрипнули петли, и Виталий спустился по крутым ступенькам в темноту: башня оказалась с подвальной частью. Собственно, все «оборонительное сооружение» состояло из этого подвала с высоко расположенными окошками.

Дверь захлопнулась, стало еще темнее, лишь сквозь щели-бойницы проникал дрожащий свет от разложенных во дворе костров. Хозяйская кухня не в силах была обеспечить ужином всех, и многие легионеры сами готовили себе пищу.

– Ну, теперь можно и пива попить, – донесся с улицы радостный голос Юния.

Сволочь он все-таки, хоть порой и похож на нормального человека. Да и прочие не лучше.

Виталий прислонился к стене, оказавшейся довольно теплой – камни нагрелись за день на солнышке и теперь работали вместо печки. Так, а кроме камней тут хоть что-то есть?

Наклонившись, Беторикс осторожно пошарил руками – глинобитный пол, стены... Все помещение имело в длину и ширину шагов по пять. Натуральная камера-одиночка! Попробуй тут убежать! Да и куда? В лес? Конечно, местность тут незнакомая... хотя бы карта была бы... Да и карта чего – где они находятся? Все-таки в Краснодарском край или... во Франции? То есть в Нарбонской Галлии? Если верен последний вариант, то карт никаких тут в помине нет. Разве нечто фантастическое на куске кожи, с обозначением земель песиглавцев и мест обитания Левиафана. А по такой карте далеко не уйдешь. Придется пользоваться иными источниками – например, опросом местного населения. Может, удастся что-то уточнить.

– Эй!

Молодой человек вздрогнул – показалось вдруг, что кто-то его позвал. Глюки!

– Эй, ты там!

Нет, не показалось – действительно звали. Откуда-то сверху, и голос женский. Или детский. Может, мальчишка-слуга?

– Сидишь, да?

– Ну, сию, – отозвался узник тоже на латыни, уже не пытаясь говорить по-русски. – А ты кто?

– Ты правда гладиатор?

– Допустим. Если тебе так хочется...

Виталий раздраженно сплюнул. Представляться аспирантом тут явно смысла не имело.

– Никогда не была знакома ни с одним гладиатором. – Сверху послышался вздох, и теперь Виталий разобрал, что с ним говорит молоденькая девушка, а не мальчик. – Я всего два раза

на гладиаторских играх была, первый раз еще в детстве, почти и не помню ничего, а потом прошлым летом. Все в Нарбо. Ты, конечно, скажешь, провинция, но, знаешь, для нас и это неплохо. Здесь, в глуши, ничего такого нет. Никаких развлечений, а в город дядюшка Бранит редко ездит.

– Дядюшка Бранит... – повторил Виталий. – А тебя как зовут?

– Эрмедия.

– Эрмедия... Красивое имя. Непонятно только какое? Ведь не римское?

– Конечно, не римское, мы же галлы! – Невидимая собеседница усмехнулась где-то наверху. – Но мы не то что дикие галлы, которые живут в Кельтике и воняют козлятиной! Дядюшка говорит, мы все рано или поздно получим права граждан Великого Рима! Ну, не мы, так наши дети. У меня их, кстати, двое – мальчик и девочка. Юлию три года, а Юлии два.

– В честь Цезаря названы?

– Конечно.

– А кто твой муж?

– Служит в легионе «Алауда». Его Цезарь набирал.

– «Жаворонки»? Знаю!

Виталий опять с тоской вспомнил «свою» реальность, где был клуб под названием «Алауда», в честь этого самого легиона. На миг вновь мелькнула безумная надежда, что имеется в виду именно клуб, руководимый дядькой Хродгаром Злое Копье, в миру – Колей Воскобойниковым. Но юная мать тут же разбила его надежды.

– Мой муж погиб в битве с дикими галлами, – заявила она с апломбом и гордостью, какие в данной ситуации можно было бы встретить только у самых «отмороженных» ролевиков, да и то не факт. – Погиб, как герой!

– Славная смерть, – подыграл узник.

Ему уже хотелось, чтобы девушка подольше не уходила. Тянуло хоть с кем-то поговорить, сориентироваться...

– А ты – родственница хозяина? Племянница?

– Да, – Эрмедия усмехнулась. – И единственная наследница.

– Понятно. А чего ко мне пришла? Поболтать?

– Знаешь, мне очень нравятся гладиаторы! Правда-правда. В детстве у меня даже была кукла – гладиатор с мечом. Я его назвала Самнит Клык, помнишь такого?

Виталий в замешательстве помолчал, но собеседница, не нуждаясь в его ответе, продолжала разговор сама. Тоже, видать, соскучилась в глуши без родственной души.

– А ты где сражался?

– Да много где, – уклончиво ответил Виталий, догадываясь, что если начнет перечислять маневры, фестивали и киносъемки, в которых принимал участие, его тут не поймут.

– И у нас, в Нарбо?

– Нет, у вас не был.

– Жаль. А то бы рассказал мне о Каррите Фракийце или о Красавчике Аписе. А Гельветский Вепрь – может, ты его встречал? Говорят, он сражался не только у нас, но и в Медиолане! Хочешь, расскажу тебе, как я ездила на игры?

– Расскажи.

– Ну, слушай...

Каррит Фракиец, Гельветский Вепрь, Красавчик Апис – все эти клички сильно смахивали на псевдонимы реальных бойцов, коими, вероятно, и являлись! И очень скоро он, Виталий, окажется с ними в одном строю...

– Хочешь вина? – неожиданно предложили сверху.

– Вина? Но я слышал, оно давно кончилось.

– Для кого кончилось, а для кого и нет. Кувшинчик у меня еще найдется. Выпьешь?

– С большим удовольствием, – согласился Виталий, понимая, что стрезва этого всего не осилит.

– Сейчас принесу. Жди.

Ха! Как будто он мог не дожидаться, соскучиться и уйти куда-нибудь! Узник ждал, поскольку ничего другого ему все равно не оставалось, и вот минут через десять где-то рядом послышались голоса, скрипнули петли... На миг сверкнули месяц и звезды, взвилось оранжевое пламя костра на черно-синем фоне ночи, и в отблесках пламени в темноту скользнула тень. А потом дверь снова захлопнулась, стало темно и тихо, но во мраке на лестнице прошуршали легкие шаги.

– Садись прямо на пол, я принесла старый плащ, – раздался женский голос совсем рядом, только руку протянуть.

– Эрмедия? Ты здесь?

– Я же обещала тебе вино.

Они сели рядом, так близко, что молодой человек чувствовал боком тепло женского тела, но лица своей новой знакомой не смог разглядеть – освещением служили лишь звезды, заглядывающие в бойницы, а их сил явно не хватало.

– Пей. Как тебя зовут, гладиатор?

– Ви... Беторикс.

– Беторикс? Так ты галл? – Гостыя произнесла что-то на незнакомом певучем языке и вдруг отстранилась. – Нет, ты не галл. Ты ведь меня сейчас не понял?

– Нет, не понял, – честно признался узник.

– Хотя... – Эрмедия рассмеялась. – Говорят, что и Каррит Фракиец на самом деле никакой не фракиец, и Гельветский Вепрь – никакой не гельвет. Они простые римские рабы, а красивые варварские имена себе берут просто ради успеха у публики. Ну, что же, Беторикс очень хорошо звучит.

– А ты соображаешь, – машинально откликнулся Виталий, мысленно усмехаясь: что было бы, если бы в двадцать первом веке каждого Алексея, Николая или носителя иного греческого имени для проверки заставляли говорить по-гречески!

– Пей, Беторикс! Ну, как вино?

– Замечательно! – На этот раз Виталий отнюдь не покривил душой, поскольку после целого дня на ногах кислое вино показалось ему великолепным.

– Так я и знала, что гладиаторы пьют неразбавленное! Дай-ка я тоже попробую... Ты не думай, я не пьяница!

– Я не думаю.

– Мне просто любопытно – и как такое можно пить?

– И как?

– Ну... – Судя по голосу, девчонка погрузилась в новые ощущения. – Непривычно, однако что-то в этом есть. Да, тебя ведь не покормили? Я принесла и козий сыр, и хлеб, и жареное мясо. Ешь.

А вот это было кстати! Оголодавший за время пути Виталий накинудся на пищу, словно терзающий добычу тигр, разве что не урчал.

– Ешь, ешь, – приговаривала довольная Эрмедия. – Мужчина должен есть, тем более гладиатор. Тот мальчик, Квинт Юний, сказал, что ты будешь выступать в Нарбо. Я, может, приеду на тебя посмотреть.

– Приезжай.

– А вино хорошо идет! Вот уж не думала никогда, что буду пить неразбавленное. Только голова закружилась. Так и должно быть, да? Я, пожалуй, прилягу. – И Виталий ощутил, как ему на колени опускается голова молодой женщины. – Погладь меня по волосам, хорошо?

– А ты меня не боишься? – Виталий с удовольствием исполнил просьбу гостыи. – Вдруг да я захвачу тебя в заложницы и потребую воли?

– Ха! Гладиатор потребует воли! – пьяновато расхохоталась Эрмедия. – И что ты будешь с ней делать? Куда денешься? Что ты умеешь, кроме как махать мечом? Может, ты юрист? Арматор? Агроном? Или сочиняешь драмы? Ведь нет?

– Нет.

– Вот видишь! И зачем тебе воля? Я знаю, вы, знаменитые гладиаторы, привыкли жить на широкую ногу, в роскоши, в окружении красивейших женщин, гетер и даже благородных матрон. О, мне про них такое рассказывали, такое... Погладь мне шейку... так... так... Ниже, ниже... Подожди.

Чувствуя охватывающее его волнение, молодой человек погладил женские плечи, дотянулся и между лопатками, но там остановился, опасаясь разорвать платье.

– Ну? Что ж ты замер? Мешает туника? Так сними ее, чего же ты ждешь? Все гладиаторы такие робкие?

Ну, уж если женщина просит...

Виталий ухватил за подол, осторожно потянул длинную тунику вверх, потом наклонился, прикоснулся к обнаженному женскому телу, упругому, с ямочками на пояснице, с быстро твердеющей грудью... О, как приятно было ласкать ее в темноте!

– Ах, ах... гладиатор... – Повернувшись, Эрмедия обхватила пленника за шею, пылко целуя в губы...

А вот уже дернула гашник, на котором держатся браки... Виталий не возражал.

Их тела сплелись, сливаясь в единое целое в порыве внезапно вспыхнувшей страсти, и сладостные стоны устремились под своды темницы, через бойницы улетаая к звездам.

– Какой ты пылкий! – прошептала женщина. – Я так и знала. Я давно хотела... с гладиатором... И вот, наконец...

– Всегда к вашим услугам, любезнейшая матрона.

– Да уж, и мы тут не хуже, чем всякие там столичные матроны! Мы же не виноваты, что живем в такой глуши!

Бедняжка! Случайный секс с заезжим «гладиатором» был для нее единственной возможностью прикоснуться к «шикарной столичной жизни» и развлечениям тамошней знати. И я, дескать, тоже, как они... Артист на гастролях в провинции, блин!

– Эрмедия, ты славная девушка. И такая страстная.

– Ты тоже страстный, мой гладиатор! Ах, какие у тебя сильные руки! Обними меня еще... крепче...

– Не боишься, что задушю?

– О, дядюшка будет этому только рад. Все будут рады... Погладь меня по животику... так... так... Нравится?

– Еще бы! Так ты редко бываешь в городе?

– Да, мой гладиатор. Пожалуй, пару раз в год.

– А какой город тут ближе?

– Конечно, Нарбо!

– А еще какие города есть в округе?

– Поблизости больше ничего, а вообще есть Каркасо, Толоза, Немаус, Массилия... До Массилии добираются по морю. Там греки.

– А всякие вещи откуда вам привозят?

– Из Нарбо или усадеб.

Снаружи в дверь постучали, очень корректно и вежливо.

– Сейчас, сейчас! – крикнула Эрмедия и принялась поспешно одеваться, в темноте не в силах так сразу разобрать, где у туники верх, а где низ. – Уже иду...

– Слуги? – ухмыльнулся молодой человек.

– Они. Я им сказала, чтобы дали знак, а то еще увлечемся до утра...

– А могли бы?

– Почему же нет? – Поцеловав «гладиатора» на прощанье, гостя едва оторвалась от его губ и с видимым сожалением прошептала: – Увы, мне пора. Я обязательно приеду в Нарбо, слышишь? Беторикс... Ты под этим именем будешь выступать?

– Наверное.

– Я запомню. Прощай.

– До свиданья.

Снова скрипнула дверь, отворилась, впустив в темную камеру серые промозглые проблески близкого рассвета. Узник успел разглядеть маячивших снаружи слуг – человек пять, с копьями. Не прорвешься при всем желании.

И все же надо что-то придумать! Надежд на то, что этот бред когда-нибудь кончится сам собой, уже не осталось. То есть если он и дальше будет плыть по течению, то вскоре окажется на арене цирка, где его будут убивать по-настоящему. А не как он привык – получил неточным клином, прилег на правый бок, аккуратно прикрывшись сверху щитом, чтобы не затоптали, через три минуты встал живее всех живых. Правда, иногда оказывается, что ушибленная рука продолжает болеть, что у тебя там перелом и вон та «скорая помощь» у края поля ждет именно тебя – ну, так что же, неприятно, но дело житейское. Как говорится, реконструкция – это дорого и больно, кто боится переломов и рассечений, тому не к нам. Но прежние баталии теперь не без оснований казались Виталию детскими забавами. Здесь коли ляжешь, то навсегда...

Постоялый двор тем временем начал просыпаться: звонко прокукарекал петух, замычали где-то коровы, заблеяли овцы и козы. Послышались голоса, потом дверь снова распахнулась.

– Выходи! – На пороге, ухмыляясь, стоял Юний. – Имей в виду, времени у нас мало. Если надо оправиться, то поспеши.

– Ничего, – скупно бросил узник. – Успею.

– Ну, как, понравилась женщина? – посторонившись, вкрадчиво осведомился велит.

– А ты откуда знаешь? – Виталий оглянулся.

– Это я ее к тебе прислал. Она так мечтала переспать с гладиатором, прямо с детства. Дюжину сестерциев отвалила, – похвастал довольный юноша. – Четыре – до, и целых восемь – после, отдала без звука. Видать, не обманул ты ее ожиданий! Молодец!

Юний расхохотался и, приподняв подол туники, стал шумно мочиться прямо посреди двора. Вот ведь свинья! Но Виталий почти не обратил внимания, потрясенный только что услышанным. Его, оказывается, продали на ночь! И он честно отработал деньги, хозяин доволен... И кто он после этого? Гладиатор, как и было сказано. Биться на потеху толпе и спать с женщинами за их деньги – тут явления одного порядка. Господи! Куда я попал?!

Глава 6. Ноябрь – декабрь 53 г. до Р. Х. Нарбо-Марциус

Господин Ну

Вопрос «куда я попал?» вскоре вновь приобрел актуальность, причем в прямом географическом смысле. Там, где Виталий по привычке еще себя числил, не могло быть никакого моря, потому что не могло быть никогда! Однако здесь оно есть – вон, синее у самых ног. И вода теплая-теплая. Средиземное море натуральное, ласковое и пронзительно голубое. Южная зона тайги тут явно ни при чем.

А потом появился город... Мощеные улицы – чем дальше от центра, тем все более узкие; театр – привычного любому классического облика, храм Юпитера и Юноны, белоснежные портики и колонны, желтая, с аркадами, базилика Меркурия, служившая тут товарной биржей, торговый порт, наполненный множеством парусных и гребных судов.

Виталий почти не удивился, за время пути привыкнув и почти смирившись с мыслью, что теперь его окружает самая настоящая античная древность. Ни ролевики с реконструкторами, ни чудаковатые богатеи, ни киношники, ни черт лысый не смогли бы построить в двадцать первом веке такой город – с многотысячным населением, с домами и храмами, портом, судами, рынком, пальмами на берегу. Выходит, это действительно произошло. Лучше не спрашивать как, все равно ответа нет. А есть Нарбонская Галлия, римская провинция первого века до нашей эры... И дальше закрывать глаза на эту реальность было решительно невозможно.

– Ну, что, помылись? – Тессарий Луций с ухмылкой взглянул на дорвавшихся до морской водички пленных. Женщины и девушки при этом удостоились особого, более пристального и циничного, взгляда. – Мойтесь, мойтесь. Красивей будете – больше за вас дадут. Попадете в хороший дом, здесь, в городе – что еще нужно для счастья?

Итак, Нарбо-Марциус, Нарбонна, столица римской провинции Нарбонская Галлия. Легионы Цезаря и его помощника Тита Лабиена возвращаются на зимние квартиры – кто в Нарбон, кто в Цизальпийскую Галлию – по сути, тот же Великий Рим. Им – и Цезарю, и Лабиену – кажется, что галлы усмирены. Насколько помнил Замятин, случилось это в конце пятидесяти четвертого года до нашей эры. Вот блин, влип-то!

– Все, закончили! – прокричал тессарий и, обернувшись к legionарам, махнул рукой. – Сворачиваемся, уходим!

Чудесный денек выдался, несмотря на то, что на дворе, по словам Юния, стоял ноябрь, что служило еще одним дополнительным подтверждением. В наших широтах в ноябре уже снег идет, с голыми ногами не побегаешь.

– Пошли, пошли, быстрее! – поторапливал тессарий, самолично подталкивая отстающих, поднимавшихся по узкой тропинке в город.

Красивое, черт побери, местечко этот Нарбон-Марциус! Конечно, не Рим, а так, маленький провинциальный городишко, но посмотреть есть на что – тот же амфитеатр, акведук, термы. В другие бы времена... нет, о временах не будем, не надо о больном! – при более благоприятных условиях Виталий, наверное, с ума бы сошел от радости, что здесь оказался. Если бы, скажем, прибыл сюда по своей воле да с возможностью в любой момент вернуться – этакий темпоральный турист. Какой реконструктор не мечтает увидеть своими глазами, как все было на самом деле, сравнить историческую действительность с нашими домыслами? Домечтался...

А сложившаяся ситуация, увы, особой радости не способствовала. Итак, он, аспирант Замятин, вдруг переместился на две с лишним тысячи лет назад в прошлое. Тут даже про Иисуса Христа еще никто не знает, он только через пятьдесят четыре года на свет появится!

Как ни странно, но теперь, когда ситуация прояснилась окончательно, Виталий не впал в шок или панику, а скорее наоборот, успокоился. Ничего нет хуже, чем неизвестность, и от нее он наконец избавился. Исчезло ощущение, что кто-то здесь сошел с ума – либо он сам, либо все поголовно окружающие, – кончились чертовы загадки, всему появилось четкое и вполне логичное объяснение. Если на дворе пятьдесят третий год до нашей эры, то все здесь и должно быть, как есть. Портики, храмы, повозки, люди в туниках и тогах. На то она и эпоха Цезаря.

Ах, ну до чего ж красиво вокруг! Прямо невероятно. А люди, эти во множестве заплывшие улицы прохожие! Вот бородатый старик в длинном греческом хитоне и плаще-гиматии, рядом мальчик лет десяти в короткой тунике и сандалиях. Кто они? Дед и внук? Или, что более вероятно, раб-педагог и его юный господин, наследник знатной фамилии. А вот, чеканя шаг, прошли легионеры – пластинчатые доспехи, шлемы с красными перьями, вишневые туники, короткие мечи. Пронеслись подростки, громко крича – разносчики? Мелкие торговцы? Или просто украли что-нибудь? Ох, какой запах... ум-м-м! Слюнки текут! Толстая улыбчивая тетка торгует рыбой, сама ее тут же, на жаровне, и жарит, щедро посыпая приправами. Чуть дальше цирюльник выставил кресло под старый платан и теперь бреет благообразного господина, а рядом терпеливо ждут дюжие молодцы – клиенты или скорее рабы, судя по скудной одежке. Сейчас, в эпоху галльских войн, рабы резко подешевели – больно уж их много наловили, кто угодно может себе позволить. Конечно, красивую девственницу или искусного ювелира и теперь даром не отдадут, но какой-нибудь туповатый подросток, годный в домашние слуги или пастухи, кому хочешь по карману.

Впереди за углом вдруг возник рынок, ударил по глазам сутолокой и мельтешением людей, ворвался в уши многоголосой речью, божбою и руганью, закричал, заскандалил:

– Да разве ж это вино? Что ты мне предлагаешь, жалкий и жадный массилиец? Это же какие-то кислые выжимки!

– Согласен, вино чуть-чуть кисловато. Но что вы хотите за такую цену, мой господин?

– Господин военный, это вы куда девчонок ведете? Если хотите продавать, я дам хорошую цену!

– Отстань!

– Нет, клянусь Меркурием, лучшей цены вам никто не даст во всем Нарбо! За девственниц – по полсотне сестерциев, ага? И столько же за этого кудрявого мальчика.

– Отстань, говорю! Это не только мой трофей.

– Ах, вон оно что! А кто выставит дев на продажу?

– Не знаю. Центурион, может, вообще себе заберет.

– А этот мускулистый раб сколько стоит? – забежав вперед, надоедливый прилипала-перекупщик, вертлявый смуглолицый субъект, явственно приценивался к Виталию.

– Отойди, – угрюмо усмехнулся пленник. – Не то сейчас по башке огрею.

– И правильно сделаешь, парень, – оглянувшись, Луций одобрительно кивнул. – Шляются тут всякие по базарам, сбивают цены. Уф-ф... Слава Юпитеру – уже почти пришли.

Обогнув рыночную площадь по самому краю, отряд резко свернул влево и оказался на неширокой улочке, застроенной уютными двух- и трехэтажными особнячками, на первых этажах которых располагались многочисленные мастерские, пекарни и лавки. Улочка гордо имела название на римский манер – Виа Тибуртина, однако местный народец вместо «виа» произносил «вьа». Двустворчатые двери одного из домов тут же распахнулись – видать, привратник уже все глаза проглядел в ожидании.

– Прибыли? – Сухой и длинный старик, управитель господина центуриона Марка Сульпиция Прокула, нервно потер руки. – А тут вашего парня уже кое-кто дожидается прямо с утра.

– Кто дожидается? – удивился сержант. – Какого парня?

– Да вон его. – Старик с некоторым высокомерием кивнул на велита. – Эй, Юний, к тебе твой дружок ланиста пришел. Не стыдно же позорить визитом таких знакомых столь уважаемый дом! Приглашал бы его куда-нибудь... в более подобающее ему место!

– Вовсе не я его сюда пригласил, – ухмыльнулся юноша. – А наш господин, центурион Марк Сульпиций. Зря ты разорался, Варгин.

– Я? Разорался? – Управитель удивленно моргнул. – А наш Квинт Юний в походах набрался наглости! Раньше он держался куда скромнее и не смел перечить старшим!

– Еще бы, он же теперь воин непобедимого легиона, а не прихлебатель-клиент. – Тессарий гулко захохотал. – Так что правильно Юний обнаглел, так и положено настоящему легионеру! Так, где, говоришь, ланиста?

– Проходите за мной в сад. Ах, нет... Сперва рабов – в эргастул. Не всех... ланиста там кого-то упоминал.

– Вот этого, – Юний осторожно взял Виталия за локоть. – Я уже про него Валерию говорил.

– Валерию, ах да... – Старик сделал вид, что только сейчас вспомнил имя ланисты. – Ну что же, проходите.

– Коморий, Марцеллин, Тит! – обернувшись, Луций махнул рукой. – Идите за нами, вы же были свидетелями пари.

– Да мы все были!

Войдя в дом, легионеры и пленник миновали просторный вестибюль с бассейном и дырой в крыше – атриум, после чего свернули направо, где располагался ларарий с изображениями домашних богов-покровителей, а через него вышли в сад, начинавшийся сразу за домом. В саду, на узкой скамеечке под раскидистым вязом, сидел сероглазый и светловолосый молодой человек в нескольких туниках, надетых одна на другую. Это был самый последний провинциальный шик – немногие еще так одевались. А в придачу позолоченные калыцеи, ногти, покрытые перламутровым лаком, серебряное ожерелье. Он бы производил приятное впечатление, если бы не кричащие цвета наряда: верхняя туника была пунцовой, из-под нее торчала ядовито-желтая, а из-под нее выглядывала самая нижняя и самая длинная – ярко-синяя. Попугай да и только.

Завидев легионеров, молодой человек тут же вскочил:

– Ну, дружище Юний, и где же твой обещанный гладиатор?

– Да вот он! – Велит широко улыбнулся и кивнул на Виталия. – Зовут Беторикс.

– Беторикс? А что, звучит неплохо. Для арены подойдет. Еще бы к этому звучному имени содержание не хуже. Что он умеет?

– Цветочные гирлянды, плести! – Юний издевательски хлопнул себя по коленкам. – Драться он умеет, дружище мой Валерий, драться, как и все гладиаторы.

– В таверне по пьяни кулаками махать все мастера, но для арены этого мало.

– Он владеет мечом.

– Сейчас испытаем, чем он там владеет. Толькождемся сначала центуриона... Ага! Вот он как раз идет.

Виталий повернул голову: по усыпанной белым песочком аллее меж густых акаций, в сопровождении рабов и юркого юноши секретаря, неторопливо шагал всадник Марк Сульпиций Прокул, недавно назначенный центурионом. Походную одежду он уже сменил на ослепительно белую тогу с узенькой красной каймой, что служило, между прочим, знаком сенаторского звания. Этот черт еще и сенатор? Или кайма пожалована за воинские заслуги?

– Ну вот, любезнейший Марк Сульпиций, – улыбнулся щеголь Валерий. – Теперь можем приступать. Я, кстати, захватил с собой своего человечка для испытаний.

– Ну, конечно, захватил, – усмехнулся центурион. – Не сам же будешь с ним драться!

Этот кудрявый парень и был тем самым ланистой, которому Виталия собирались продать. Впрочем, он не удивился: ведь Юний говорил, что Гай Валерий Флакк – его ровесник.

– Давай, давай, зови сюда своего человечка, – усаживаясь на поспешно притащенное рабами сиденье типа кушетки, Сульпиций нетерпеливо махнул рукой.

– А что, они прямо здесь сражаться будут? – Валерий задумчиво почесал голову.

Сражаться? У Виталия екнуло сердце. Интересно, испытательные бои тут проводят на тренировочном оружии или точеном? К точеному-то он, скажем так, не привык. Порежут еще...

Отойдя в сторону, ланиста что-то шепнул слуге; кивнув, тот подбежал к ограде, замахал руками, закричал. Калиточка в заборе отворилась, и в сад вошел мускулистый молодой человек в короткой тунике и лацерне – легкой светло-зеленой накидке, застегнутой на правом плече узорной бронзовой пряжкой. Красивое, несколько хмурое лицо его не выражало никаких чувств.

– Красавчик Апис!!! – разом ахнули все. – Вот это да! Надо же, кого ты привел.

– Ну да, – скромно улыбнулся ланиста. – Своего лучшего гладиатора. А кто же еще про верит новичка?

– Логично, – центурион кивнул и покосился на тессария с воинами. – Ну, что рты пораскрывали? Живого гладиатора не видели?

– Такого, как этот – нет! – восхищенно прошептал Луций. – Сам Красавчик Апис! Рассказать кому – не поверят! Разреши пожать твою руку, Красавчик!

– Да пожалуйста. – Гладиатор скривил губы в улыбке, и пришедшие с сержантом воины тут же выстроились в очередь.

– И мне, и мне можно пожать?

При всей своей показной скромности, Красавчик Апис держал себя как настоящая суперзвезда: улыбался дежурной неискренней улыбкой, за которой сквозило тайное равнодушие и даже презрение к поклонникам, руку протягивал с холодной надменностью, с этакой скучноватой ленцой – будто знаменитый футболист или певец, раздающий автографы верным фанатам. К футболисту он по роду занятий, пожалуй, был ближе.

– Надеюсь, у вас найдется пара мечей, господин Сульпиций? – негромко поинтересовался ланиста.

– А ты что же, не захватил своих? – удивленно хмыкнул центурион.

– Ну, я подумал, зачем таскать лишнюю тяжесть? Уж оружие-то в доме столь славного воина непременно найдется!

Виталий усмехнулся, вдруг вообразив развешанные по всему дому мечи, щиты и копья: в атриуме, в спальне, на кухне вперемешку с посудой... Да, еще пулемет под кроватью нужен.

Марк Сульпиций сделал знак слугам, и те тот час же притащили два гладиуса в узорчатых ножнах с круглым наконечником.

– Ну? Что стоите? Раздевайтесь! – Вытащив мечи, ланиста вручил их каждому из бойцов, уже успевших стянуть туники.

Пленник остался в браках, Красавчик Апис – в набедренной повязке, которую обычные люди использовали как нижнее белье, а гладиаторы – в качестве одежды для боя. Еще на нем был широкий кожаный ремень, украшенный сверкающими драгоценностями – пожалуй, не имитацией, как Виталий поначалу подумал, а настоящим жемчугом и золотыми бляшками. Стоило такое дорого, но ведь знаменитые гладиаторы, даром что рабы, были людьми далеко не бедными, могли себе многое позволить.

– Вот там подходящее место, – показал Сульпиций, азартно потеряв руки. – Где больше песка.

– Ну, нам сейчас все равно, – ухмыльнулся Валерий. – Начинайте!

Красавчик Апис нанес удар первым. Виталий опомниться не успел, как тяжелый клинок взметнулся стремительной разящей молнией и раскровянил ему плечо. Скорее оцарапал, но взял бы чуть левее и ниже – попал бы прямо в сердце. Убивать сразу его не собирались, но и стоять неповоротливой чуркой что-то не очень хотелось.

Почувствовав, как по груди стекает кровь, Виталий быстро пришел в себя и собрался. Так, этот гладиус ничем не отличается от тех, к которым он привык, только острый. Шлема на Красавчике нет – по голове не бить. Это легче решить, чем сделать: в реконструкции бьют в основном по голове, потому что она полностью защищена.

Отбив очередной вражеский натиск, аспирант сам перешел в контратаку, нанес удар... Апис его отбил, но Виталий улыбнулся: тело ощутило себя в привычной стихии, вспомнило все, чему научилось, растерянность исчезла.

Удар! На клинках сверкнуло солнце... Или это вспыхнули яростью карие глаза соперника? Не надо смотреть в глаза. Воспринимать противника целиком, и не как личность, а как некий подвижный манекен с мечом.

Снова удар!

Ага, на этот раз Виталий был наготове и ловко подставил клинок, с трудом преодолев привычное нежелание это делать. Но как иначе, если щитов им не дали? Не берегут свое железо, богатеи хреновы!

И еще удар, потом целая серия – градом. Уклониться... отскочить в сторону... А теперь резкий выпад.

Отбив! Еще выпад, на этот раз, с обманным движением вправо. Сейчас – влево... Теперь – «покачать маятник», переместиться... дать противнику ринуться в атаку... Ага!

Подставить ему шею... якобы...

Упав на левое колено, Виталий стремительно выбросил вперед руку с клинком. Но враг попался опытный. Вот черт – этим хитрым приемом почти любого можно достать. Но не этого. Ишь ты, он еще и смеется!

Меч в руках пленника закружил, словно крылья ветряной мельницы! Легионеру в плотном строю удобнее было гладиусом колоть, но сейчас Виталий обрушил на гладиатора удар за ударом – и рубящие, и крутящие, и скользящие с оттяжкой.

Тщетно! Красавчик Апис спокойно отражал все выпады да еще и улыбался. А сам тем временем выбирал момент для удара. Что, выбрал? Ну, давай...

Виталий резко бросился влево – и ощутил легкое прикосновение к груди. Боли особой не было – точно бритвенным лезвием порезался, ведь только и заметишь, когда пойдет кровь.

– Ну, наверное, хватит, а? – послышался голос ланисты.

Опять «понукает» – все время «ну» да «ну». Других слов не знает?

– Он, кажется, ранен?

– Пустяки, царапина. Ну? Что скажешь, Апис?

По первому слову Валерия гладиатор прекратил бой и отошел в сторону, бросил меч на землю, скрестил на груди руки и улыбнулся. Не сумевший сразу остановиться Виталий метнулся было за ним, но замер – не мог же он вонзить клинок в безоружного? Пожал плечами, протянул меч подскочившему слуге.

Зрители разразились овацией – видать, остались довольны.

– Этот парень неплохо бьется, – дождавшись, когда аплодисменты стихли, негромко промолвил Красавчик. – Хоть сейчас на арену... Конечно, чуть подучить.

– Ну... – Ланиста смешно сморщил нос. – Уж само собой, сразу-то мы его не выпустим. Ты, дружище Апис, и будешь его учить, коли начал.

– Как скажешь, – гладиатор усмехнулся. – Только за отдельную плату.

– Ну, договоримся, не переживай.

– Эй, эй, господа! – наконец подал голос Юний. – Что это вы строите планы на чужую собственность? Валерий! Ты, между прочим, его еще не купил.

– Ну, так куплю, – ланиста пожал плечами. – Сколько за него хочешь?

– Я уже говорил – шестьдесят тысяч сестерциев.

– Ну-у-у... Надо подумать.

– Нет уж, дружище, – Юний набычился. – Не помнишь, что ли, наш уговор?

– Ну, помню. Ладно... Только у меня деньги в школе. Пойдем, там и рассчитаемся.

– Ты согласен на эту цену? – Проигравший пари центурион вовсе не выглядел расстроенным, скорее даже наоборот, имел довольный вид и загадочно улыбался. – Я пойду с вами. Ты знаешь, хочу устроить игры.

– Да, господин Сульпиций, – с достоинством поклонился ланиста. – Мой давний друг Квинт Юний мне об этом говорил. Клянусь Марсом, обратившись ко мне, ты сделал правильный выбор! Лучшие гладиаторы именно в моей школе!

– А что, есть еще и другие? – удивился центурион. – Я знал только твою.

– Появился тут один проходимец, тоже школу открыл. – Валерий презрительно скривился. – И как только ему разрешили? Наверное, дал взятку претору.

– А, так значит, в Нарбо теперь две гладиаторские школы?

– Ну, выходит, две. Только моя все равно лучшая! У нас такой большой опыт работы!

– Что ж, идемте. – Марк Сульпиций махнул рукой. – Эй, слуги, принесите мой плащ и приготовьте коляску. Слава богам, у нас еще не Рим – можно ездить и днем.

Накинув на плечи плащ, центурион уселся в одноколку. Старик привратник проворно распахнул ворота, вперед выбежал шустрый раб, исполняющий обязанности синей мигалки, закричал:

– А ну, поберегись! В сторону, в сторону! Посторонитесь, кому сказал?! Сам господин Марк Сульпиций Прокул едет – центурион и всадник! Дорогу славному Марку Сульпицию! Прочь все, прочь!

Следом за неспешно катившей одноколкой центуриона так же не торопясь шествовала целая процессия – Красавчик Апис с ланистой, Юний с Виталием, тессарий Луций с легионерами, а в самом конце полдюжины хозяйских рабов: вдруг да господину чего в пути понадобится?

– А ну, разойдись, шелупонь! Прочь с дороги! Всадник Марк Сульпиций Прокул изволит следовать!

Прохожие поспешно жались к стенам домов, кто-то с любопытством разглядывал важно надувшего щеки центуриона, кто-то – его украшенную серебряными орхидеями коляску. Несколько молодых девушек в туниках и коротких покрывальцах-паллах, метнувшись в сторону, вдруг застыли как вкопанные, вытаращив глаза.

– Смотрите, смотрите, ведь это же Красавчик Апис! – донесся восторженный голос.

– Да ну! Не может быть!

– Нет, нет, клянусь Минервой, это он, точно! Да что вы, сами не видите?

– Ой, девочки... Он! Красавчик! Скажу дома, что видела его так близко – не поверят!

– А точно он? Может, просто похож?

– А давайте покричим, хором... Три-четыре... А-пис! А-пис! А-пис!

Обернувшись на крик, гладиатор милостиво кивнул поклонницам. Ой, что тут началось! Девчонки заверещали, словно фанатки Джона Леннона в период битломании, к ним присоединились уличные торговцы, мальчишки со всего квартала, бродячие собаки, нищие... Теперь весело шли!

Впереди раб-«мигалка»:

– Дорогу славному Марку Сульпицию!

Позади зеваки:

– А-пис! А-пис! Эй, Красавчик, эй!

– Да здравствует Красавчик Апис! Слава нашему гладиатору! Вива!

Девчонки верещали, мальчишки восторженно кричали, бродячие собаки махали хвостами и весело лаяли.

– Ну-у, тебе только в капюшоне ходить, Красавчик. – Ланиста недовольно поежился. – А впрочем, правильно, пусть любят. Ты им рукой помаши.

– Помахал бы, – со вздохом отозвался гладиатор. – Да боюсь, кинутся, начнут приставать: дай им руку пожать, поцеловать, то, се, это... В прошлый раз вон, плащ на куски изорвали и все до единой ниточки с собой унесли. Хороший, между прочим, плащ был, не из дешевых! Чуешь, к чему клоню, Валерий?

– Ну, Красавчик, оплачу я твой плащ, клянусь Меркурием, оплачу. Вот как только Сульпиций вас арендует, так и сразу все будет.

– Смотри, как бы он еще и других не арендовал.

– Ты про того проходимца? Ну, нет, уж я свое дело знаю. Да и что у проходимца есть, кроме трупы? Никакого оборудования! Ни досок, ни сидений, ни знамен, ни даже ленточек! Стыд один.

– Зато у него есть деньги, – ухмыльнулся Красавчик. – И, я слышал, немаленькие.

– Ну... И где ты это слышал? От кого?

– Да не помню уже. В какой-то портовой таверне.

– Ну и что? Ну, разве я для вас ничего не делаю? – грустно спросил ланиста. – И то вам, и это... И вино, и девочки. И кормлю – всех бы так кормили. Чего еще надо-то?

– Не знаю, Валерий. Мне так вроде и ничего.

– Ты вот что, Красавчик... Еще пара сезонов... и все! Оставайся у меня тренером.

– Хм, тренером... – Гладиатор презрительно скривился. – Опять же, сколько будешь платить?

– Ну, не обижу. Ну, ведь договоримся, а? Конечно, девочки уже так вешаться на шею не будут, и денег поменьше, зато голова целая, сам знаешь. И жалованье регулярное.

«Страховка медицинская, льготные путевки в санатории и дома отдыха...» – мысленно продолжил перечень благ Виталий, у которого от воплей и визга уже звенело в ушах. А центурион сидел в своей коляске все так же важно, ни на что не реагируя. Ведь он не прост, это Марк Сульпиций, наверняка готовит себе карьерный взлет, метит на какую-нибудь выборную столичную должность: тут ведь, в Нарбо, немало римских граждан-избирателей. Здесь хитрый центурион их и достанет, возьмет, как слепых котят. Устроит гладиаторские игры, да и просто проехаться по городу, имея в своей свите знаменитого гладиатора – это по здешним порядкам уже целая пиар-акция. Если бы Красавчик Апис шел рядом с коляской – это был бы скандал, ибо политику показаться в обществе гладиатора все равно, что в более позднее время – в компании порнодивы. А сзади – пусть идет. Долго потом будут говорить, обсуждать и знаменитого героя, и всадника Марка Сульпиция, устроителя гладиаторских игр, заодно. Провинция зрелищами не избалована, а тут такое!

Школа гладиаторов, доставшаяся Гаю Валерию после безвременной кончины батюшки, располагалась на северной окраине города, среди многоэтажных доходных домов, выстроенных лет пятьдесят назад в типичном римском стиле. Апартаменты в них сдавались всякому, на любой срок – только плати. На втором и третьем этажах имелись просторные квартиры с ванной, но чем ближе к крыше, тем условия хуже, зато и цена ниже, так что снять каморку площадью метров двадцать было под силу самому последнему бедняку. Таким образом, в Риме и его провинциях жилищная проблема успешно решалась, в отличие от России-матушки, где правительству ну никак до доходных домов не додуматься. Частные лица их возводить не возмущаются, ибо невыгодно: такое строительство будет окупаться уж больно долго, а наш российский

ский бизнес к быстрым доходам привык – хапнуть, брюхо набить поскорее, а дальше и трава не расти. Правда, построй кто-нибудь в Костроме или Рязани доходный дом точно по типу римского, с теми же удобствами и затратами, в нем только бомжи и согласятся жить... и то разве что летом. Климат нас подвел, да и плоды цивилизации избаловали.

– Ну, пришли вот, – обернулся ланиста у самых ворот. – Сейчас, господин Сульпиций, обо всем и договоримся. А вы, господа, пока подождите. Тут рядом есть одна неплохая таверна...

– Ты со мной не забудь рассчитаться, дружище Валерий! – подал голос велит.

– Ну, рассчитаюсь, куда же я денусь? Прошу вас, господин Сульпиций, проходите сюда.

Двор гладиаторской школы, овальной формой и размером воспроизводивший арену, был щедро посыпан белым морским песочком. По левую руку от ворот виднелось приземистое здание казармы, по правую – амбары и склады с оружием и амуницией, прямо желтела стена доходного дома с «черным» крыльцом, к которому тот час же и направились ланиста с гостями.

– Посиди пока тут. – Красавчик Апис показал Виталию на широкую скамью у ворот. – Утренние тренировки уже закончились, следующие вечером, ты на них как раз и успеешь. А пока жди Господина Ну.

– Кого ждать?

– Господина Ну. Валерия мы так зовем, ланисту. Потому что все время «нукает» – «ну» да «ну».

– Я это уже заметил, – улыбнулся Виталий.

– А вот и наш старый Клавдий. – Красавчик показал на вышедшего из казармы старика, седого как лунь, но высокого и еще крепкого с виду, с бритым лицом, покрытым морщинами и шрамами. – Сам бывший гладиатор, а ныне наставник. Салве, Клавдий.

– Салвете! – Подойдя, старик уселся на скамью рядом.

– Это наш новый товарищ, – Апис кивнул на Виталия. – Бьется очень даже неплохо, недаром хозяин так к нему... Кое-что надо, конечно, поправить. А то поубивает всех соперников первым же выпадом!

– А, значит, ты воин? – ухмыльнулся Клавдий. – Ладно, сегодня вечером поглядим, подберем тебе амуницию. Ты какое оружие предпочитаешь? Гладиус, спату? Дротики?

– Спату, – признался Виталий. – А еще лучше добрый галльский меч.

В своей реконструкторской практике он предпочитал более длинные клинки, удобные в сражении вне строя. Гладиус хорош в основном в плотной шеренге когорты, а это ему тут не светило.

– Есть у нас и галльские мечи, и спата найдется, – показав желтые зубы, ухмыльнулся старик. – Если ты и вправду стоишь того, что про тебя говорят, так будешь жить не тужить, верно, Красавчик?

– Послушай-ка, Клавдий, выпусти меня через калиточку на один миг, – вдруг попросил Апис.

– Что, опять притащил за собой девок? – осклабился тренер.

– Я притащил? Да они сами за мной пять кварталов шли. Возьму на ночь какую-нибудь, коли приперлись. Или сразу несколько?

– Тьфу! – Старик негодуя сплюнул. – Экий ты неумный, жеребец!

– Так я ж гладиатор, а не юрист засушенный!

– Ну, ступай, коли приперло. Ха! А ты не забыл, Красавчик, какой сегодня день?

– И какой же? Что в нем особенного?

– А то, что ты же сам договаривался с той тощей матроной на календы, ноны и за четыре дня до ид. Я помню про твои свиданки, а ты и забыл?

На первое, пятое и десятое числа, перевел в уме Виталий.

– И правда, – задумчиво кивнул гладиатор. – А что, уже календы?

– Сегодня как раз.

– Вот ведь... чуть не забыл! Значит, сегодня с матроной... Но ты все равно меня выпусти, я с девчонками на завтра договорюсь.

– Ой, Красавчик, похотливый ты пес!

Гладиатор захохотал и, поднявшись на ноги, похлопал старика по плечу:

– Будто ты сам таким не был в молодости, дружище Клавдий! Был, был, я вижу! Ну, идем же, а то без тебя меня не выпустят.

– Да иду уж, иду... – проворчал отчасти польщенный старик, и оба гладиатора, молодой и бывший, зашагали к воротам.

Чуть погодя во дворе показался ланиста – один, без гостей. Уселся рядом с Виталием, потер руки и вдруг подмигнул:

– Ну все, сговорились. Теперь ты мой. Шестьдесят тысяч сестерциев – монетка к монетке! Ну, и господин Сульпиций, конечно, арендовал у меня целиком труппу, а в придачу все нужное для праздника – разноцветные флажки, мантии и тому подобное. Тебя тоже задействуем. Сейчас у нас обед, потом до вечера тренировки, потом ужин. Жить пока будешь в карцере. Уж извини, должен же я к тебе присмотреться, у нас все новички-одиночки поначалу именно там и живут. До игр поживешь и ты. Не беспокойся, солома там свежая, мягко. А уж дальше – как себя проявишь на играх. Может быть, переселишься в уютную комнату с хорошей мебелью. Роскошь надо заработать, так живут не многие, но тебе, думаю, это вполне по силам.

– А где живет большинство?

– Те галльские неумехи? – презрительно скривился ланиста. – Купил молодых по дешевке, дурак! Гонору у них много, а толку... Ладно, хоть не жалко – пусть мрут. Да ведь и умереть красиво не могут, а зритель такого не любит. А, вон и Клавдий с Аписом идут. Куда это их собаки носили?

– Салве, Валерий.

– Салве, Клавдий. Как жизнь?

– А то не знаешь? – присаживаясь на скамью, хмыкнул старик. – Этот новичок кто, галл?

– Нет, – ланиста покачал головой. – Юний сказал, он не знает языка галлов.

– Значит, германец, – уверенно кивнул старик.

– Или фракиец, иллириец, грек. – Красавчик Апис улыбнулся. – Главное, он понимает латынь, так и спросите у него самого, чего гадать? Эй, парень, ты кто?

– Человек, – пожал плечами Виталий и со вздохом добавил: – Из далекого-далекого будущего.

– О, видали? – гладиатор хмыкнул. – Он у нас, оказывается, философ! Ладно, пойду-ка я отдохну... Что сегодня на обед, Валерий? Опять рыба?

– Ну, рыба, и что с того? Между прочим, вкусная.

– Вот сам ее и ешь! – презрительно сплюнул Красавчик. – А я предпочитаю мясо в белом бобовом соусе.

– Ну ладно, ладно! – Валерий с неудовольствием нахмурился, но не стал перечить своей суперзвезде. – Велю, чтоб тебе принесли мясо. Все, как ты любишь, Апис! Кстати, не хочешь переселиться в доходный дом? Клоден, хозяин, сдает апартаменты на четвертом этаже, как раз над моими, не такие уж плохие.

– Ага, знаю я, – отмахнулся гладиатор. – На четвертом этаже пусть галльские неумехи живут, если, конечно, сподобятся заработать хотя бы по пять золотых. Кстати, этот центурион Марк Сульпиций – богатый человек?

– Ну... – Ланиста взъерошил затылок. – Думаю, да, раз уж он метит в квесторы.

– А-а-а! Так вот в чем дело! Значит, в квесторы?

– Ну, или в эдилы, преторы, трибуны... откуда я знаю? В общем, рвется во власть. Война в Косматой Галлии закончилась, чем ему теперь заняться?

– Война в Галлии закончилась? – недоверчиво прищурился Клавдий. – Ну-ну...

Обед был простым, но довольно сытным: чечевичная похлебка, жаренная на углях рыба, каша из зерновых. Потом всех гладиаторов выгнали во двор, и уж тут-то Виталий смог наконец внимательно рассмотреть свое новое окружение. Кроме Красавчика, в шеренге обнаружили еще четверо неплохо одетых парней лет двадцати пяти – мускулистых, тренированных, явно знающих себе цену. Все же остальные выглядели доходягами: галльские подростки лет пятнадцати или чуть больше, жалкие, полуголые, грязные, торопливо глотающие объедки.

– Ну! – Выйдя на середину двора, ланиста прищурился. – Рад вам объявить – скоро сатурналии! И в этот веселый и радостный праздник внесем свою лепту и мы! Важный господин Марк Сульпиций устраивает игры!

Однако большинство гладиаторов этому известию вовсе не обрадовались, чего и следовало ожидать. Лишь Красавчик Апис горделиво приосанился, да еще парочка здоровяков переглянулась с довольным видом.

Рабы притащили со склада корзины с учебным оружием – тяжеленные тупые мечи и столь же тяжелые латы, защищавшие лишь конечности и оставляющие грудь полностью открытой – зритель хочет крови! Тренировались полуголыми, в одних набедренных повязках. Отыскалась подобная и для новичка. Учебный меч, конечно, был слишком тяжел, чтобы им фехтовать, зато позволял развивать мускулы. В напарники Виталию сначала дали молоденького галла, но после пары схваток вернули на попечение все того же Аписа. Уж слишком неравны оказались силы – парнишка быстро утомился, упал в песок. Красавчик же был словно железный, так что ближе к вечеру аспирант не чувствовал под собой ног.

– Отлично, отлично! – похвалил Клавдий, собирая мечи. – А? Что скажешь, звезда ты наша?

– Неплохо! – Красавчик усмехнулся. – К нему бы еще актера приставить.

– Приставим! – тут же кивнул подбежавший ланиста. – Завтра же я своего приятеля приведу. Энея, вы его знаете.

– Как же, как же, неудавшийся трагик! – усмехнулся Апис.

– И что? – обиделся за приятеля Валерий. – Подумаешь, карьера не сложилась, да ведь он талант, это сразу видно! И нам помогает. Ну? – Ланиста перевел взгляд на Виталия. – С оружием определились?

– Он неплохо владеет длинным мечом, – произнес Клавдий, переглянувшись с Аписом. – Пусть пока будет «галлом», а потом переведем в мирмиллоны. Парень он здоровенный, мускулистый, выносливый.

– Да, – согласился Красавчик. – В мирмиллонах ему самое место! Эй, галл, скоро фракийцев бить будем! Плечом к плечу.

Виталий пожал плечами: «галлом» быть или мирмиллоном, без разницы. Задерживаться в гладиаторской школе он вовсе не собирался, рассчитывал, улучив подходящий момент, бежать, и как можно быстрее. Куда – другой вопрос, который следовало со всем тщанием обдумать.

– Ну, что же... – Юное лицо Господина Ну озарилось довольной улыбкой. – Я не зря потратил деньги. Ладно, Беторикс, ступай отдыхать, ужин тебе в карцер принесут.

Ах да – карцер, апартаменты для новичков. Впрочем, уже то хорошо, что можно будет наконец остаться одному, подумать.

В карцере, располагавшемся в самом углу казармы, неожиданно оказалось довольно уютно. Скорее всего, ланиста подсуетился: мягкая солома толстым слоем устилала весь пол, а поверх была постелена циновка. Имелся и старый плащ – укрываться на ночь, да и еду принесли вовремя – кашу, белый галльский хлеб, вино в узком глиняном кувшине. Вино, кстати, неплохое, жаль, что разбавленное.

Подкрепившись, Виталий растянулся на соломе, чувствуя навалившуюся усталость. Не заметил, как задремал, но с усилием прогнал сонливость, заставляя себя думать. А думалось здесь хорошо: никто не отвлекал, не приставал с расспросами.

Итак, на дворе пятьдесят третий год до Рождества Христова. Эпоха Цезаря. Римская провинция, город Нарбон-Марциус. В Галлии, Косматой Галлии, той самой, что была недавно завоевана Цезарем и где ожидалось в недалеком будущем восстание вождя арвернов Верцингеторикса. Со временем и местом своего пребывания он наконец определился, но что это дает? На первое время надо как-то выжить, а там уже думать, как выбираться отсюда. Как он вообще в эту эпоху попал? С чего все началось? Пожалуй, с той самой заброшенной фермы, которая на деле оказалась вовсе даже не заброшенной. Не случайно в нее электричество провели. И Веста не случайно послала его в сарай за дровишками да там и заперла! А выбрался оттуда Виталий, как сейчас понимал, уже совсем в другом времени. Он хорошо помнил толстый прорезиненный кабель, который шел к сараю и который он тогда по наивности принял за принадлежность какой-нибудь электропилы. Видать, не дрова Васюкин там пилил... Ни сам Васюкин, ни Веста по виду не похожи на ученых, способных соорудить в сарае на заброшенной ферме посреди леса действующую машину времени, тем не менее выходило, что именно эти двое были последними современниками, с которыми он соприкасался, и из их владений его утянуло в прошлое. Значит, без них не обошлось. Но зачем им это было надо? Хотя не исключено, конечно, что темпоральный сдвиг произошел в результате какого-то природного процесса. Новоиспеченный гладиатор поворочался, стараясь устроиться поудобнее. К счастью, спать на соломе под колючим шерстяным плащом вместо одеяла ему было не привыкать, и «комфортные» условия не отвлекали от главного. А главное в том, что раз уж переход во времени возможен в одну сторону, то он возможен и в другую. Вот только как его запустить, чтобы вернуться в свою эпоху? Сопоставив все факты, Виталий все же склонился к выводу, что забросил его сюда процесс не стихийный, а тщательно организованный человеческими руками. На той заброшенной ферме – ключ ко всему. И едва ли он первый. Может, есть и другие «попаданцы»? Хорошо бы их найти, вместе куда легче будет выбираться. Но начинать надо с точки вброса – той виллы в землях арвернов, возле которой его схватили легионеры Марка Сульпиция. Скорее всего, то была не вилла, а адифиция – разрушенная усадьба какого-то зажиточного галла. Надо ее найти!

Молодой человек зашуршал соломой, ворочаясь от волнения. Получив ответы на два главных русских вопроса – кто виноват и что делать? – он пришел наконец хоть к какому-то решению. Итак, первостепенная задача: вернуться в земли арвернов, и как можно скорее. А там видно будет.

Виталий вдруг усмехнулся: легко сказать – вернуться! Для начала нужно сбежать из этой чертовой школы, да вот попробуй! Не он один такой умный, любой отсюда охотно сбежал бы, за исключением разве что Красавчика, потому и охрана, и стены, и карцер! Все предусмотрено! Лучше бы Юний его продал рабом в богатый дом. Да уж, что называется, судьба играет человеком. Не занимался бы историческим фехтованием, так, глядишь, в гладиаторы бы не попал... Ага, тогда его просто убили бы почти сразу. Тот же Юний и убил бы. Учитывая все условия, школа гладиаторов – не самое плохое место. Мог и в рудники какие-нибудь попасть, где дольше месяца никто не протянет. Ланиста на отморозка вроде не похож, о своей собственности заботится, да и прочие особой вредностью не отличаются, даже Красавчик вполне дружелюбен, насколько это возможно для звезды арены, за которым девки бегают табунами. Как там у Козьмы Пруtkова? Хочешь быть красивым – поступи в гусары. В первом веке до нашей эры вместо гусар были гладиаторы. Правда, слава эта дорого обходится – убить могут. А новичка – в первом же бою. Возможно, ланиста не захочет так быстро потерять обученного бойца, за которого заплатил деньги, равные годовому легионерскому жалованью. И все же Виталий чувствовал в груди холодок при мысли о том, что на предстоящих играх ему придется биться на заточенном оружии. И уже совсем скоро – до Сатурналий осталось меньше трех недель.

И эти три недели пролетели незаметно, как сон. Все шло по заведенному распорядку: подъем, разминка, поединки, обед; короткий отдых, снова тренировки, жесткий спарринг, потом ужин и отбой. И ночь в карцере, к которому пленник вскоре привык. А что? Тихое уютное место, солону меняют... Почти как детстве, в деревне.

Выводы относительно расстановки сил в казарме, сделанные новоиспеченным бойцом еще в первый день, впоследствии подтвердились. Контингент четко делился на быдло или «грязь» и тех, кто «право имеет», заслуженное собственной кровью, а также кровью товарищей, зарубленных на арене.

Кроме Красавчика Аписа, среди таких привилегированных бойцов был Каррит Фракиец – коренастый угрюмый мужик лет за тридцать. Грубым загорелым лицом и всем обликом он напоминал крестьянина, которым, вероятно, и был до того как стать воином, попасть в плен, а оттуда в гладиаторскую школу. Фракийским мечом, похожим на серп, он владел превосходно, небось, головы рубил этим «серпом», будто колосья жал. Профессионал, по-другому не скажешь. По натуре замкнутый и молчаливый, он, тем не менее, к хозяину относился вполне лояльно – в отличие от другой «звезды», по прозвищу Вентус Германикус, что значит Германский Ветер. Этот любил Валерия задирать: то передразнит за спиной, если не в глаза, то заденет тупым мечом, то канючит, что-нибудь выпрашивая.

– Валерий, а Валерий?

– Ну?

– Ты девок ведь обещал, верно, Красавчик?

– Обещал – приведу. Только после игр.

– Так после игр они и сами придут, не отгонишь. Давай сейчас, а? Что тебе, жалко?

– Ну, допустим, не жалко. Просто денег сейчас нет.

– А центурион денег не дал, что ли?

– Не полностью. А ведь еще надо срочно плотникам заплатить – арену ставить, это-то на наших плечах лежит.

– Что, совсем-совсем денег нету? Даже заваященького дупондия?

– Ну говорю же, ни монеточки лишней! Вот после игр все вам будет, все! Клянусь Марсом, Меркурием и Минервой!

– Валерий, дружище! А почему ты только богами на букву «М» клянешься? Других что, не помнишь?

– Да ну тебя! Шел бы лучше тренироваться.

– Да я-то пойду... А ты бы... Ну, привел бы девок, а?

– Ну, сказал уже – после игр! Или тебе остаток мозгов отшибло? Ежели не терпится, у Красавчика спрашивай, может, поделится.

– Не-а, не поделюсь. У него и своих хватает!

– Свои надоели. Чужие всегда лучше!

И так далее и тому подобное. Неприятный он был парень, этот Германский Ветер – наглый, злобный, точнее сказать, озлобленный. И говорил исключительно на латыни, так что даже Виталий сразу догадался – он родом из римлян. Да и по внешности какой из него германец – смуглолицый, чернявый, длинный и худой. Посмотришь: и в чем только душа держится? Однако боец был отменный – выносливый, хваткий, за что его и ценили.

Кроме державшейся наособицу троицы звезд, еще в школе имелось четверо молодых людей лет около двадцати, так сказать, подающих надежды и упорно наращивающих как мастерство, так и приличную знаменитость заносчивую наглость.

Об остальных как о бойцах и говорить было нечего: изголодавшиеся, неумелые подrostки-галлы, которые сейчас везде продавались по дешевке. Ланиста даже не слишком ста-

рался их обучать: а что толку, ведь погибнут в свой первый же выход на арену. Да и не жаль: достались недорого. Такая вот людоедская логика.

– Беторикс! – Как-то после очередного спарринга, уже ближе к вечеру, ланиста придержал Виталия за локоть. – Пойдем-ка прогуляемся. Клавдий, открой нам склад.

Солнце уже садилось, и по темно-голубому небу протянулись длинные багровые полосы, пересекаемые синими перистыми облаками. Похолодало: было примерно как на севере России в сентябре.

– Ну, что тебе сказать. Беторикс? – Ланиста зябко поежился и поплотнее закутался в плащ. – Во-первых, мне не нравится твое имя. Во-вторых, «галлов» у нас достаточно и без тебя, так что будешь «самнитом». Точнее сказать, мирмиллоном, как это сейчас называется в Риме. Вооружение довольно тяжелое – смотри, выбирай, привыкай... Клавдий, да скоро ты там?

– Открываю, открываю... пожалуйста!

– Ну, ты бы хоть факел с собой прихватил или светильник.

– Светильник и мне бы не помешал. – Виталий посчитал, что ему уже можно слегка повысить требования. – А то сидишь в полной темноте, в карцере.

– Ну уж, дружище, светильника я тебе пока не дам! – Господин Ну сказал, как отрезал. – При всем моем к тебе уважении, а я ведь тебя уважаю и ценю, ты заметил?

– Вот уж спасибо, благодетель! Не знаю, как бы без тебя и жил.

– Ну, ладно, ладно, не ерничай... Клавдий! Да что там со светильником-то?

– Будет, – махнув кому-то рукой, заверил старик. – Я уже послал раба. Ага... вот он бежит. Каникс, Каникс, быстрее давай!

Каникс, смешной лопоухий мальчишка, одетый в большую тунику явно с чужого плеча, с поклоном протянул ветерану зажженный светильник, сияющий новенькой бронзой и похожий на заварной чайник: в отверстие заливалось масло, а из носика торчал фитиль. Удобнейшая вещь – яркость пламени регулировалась длиной фитиля, для чего имелось специальное колесико в носике, а саму лампу можно было либо ставить куда хочешь, либо подвешивать за цепочку на крюк в потолке.

– Ну, вот, – Клавдий поднял светильник повыше. – Смотри, Беторикс, выбирай.

Виталий выбрал сверкающий шлем с широкими полями и большим металлическим гребнем, украшенным птичьими перьями; последние, впрочем, выглядели далеко не презентабельно, но это было дело поправимое. На всей поверхности шлема сияли оловянные рыбы чешуйки, издавала похожие на серебряные.

– Вот подшлемник, померяй. Ну, как?

Шлем пришелся впору – тяжеловат, правда, но ведь в нем не целый день ходить.

– Очень красивый, – искренне ответил молодой человек. – И сидит хорошо, не болтается.

– Добрая работа! – ухмыльнулся старик ветеран. – А вот тебе и щит – простой skutum, зато какой красивый!

– А вот тебе накладка на руку! – К экипировке новобранца подключился и ланиста. – И на нее же доспех. Перед играми тренировки не будет – начистишь его, как следует, чтобы блестел.

Да-а, доспех тоже был не очень-то легкий, к тому же щит, утяжеленный бронзовыми вставками, тянул килограммов на восемь, то есть был вдвое тяжелее круглого варварского, к которому Виталий привык. Конечно, в прежней своей реальности ему не раз приходилось держать в руках римскую «бронедверь», но никогда еще от нее не зависела его жизнь.

– А меч? Хотелось бы и его посмотреть.

– Мечи хранятся отдельно, друг мой, – рассмеялся Валерий. – Чтобы не было лишнего соблазна и не вышло, как в Капуе! Думаю, ты все же получишь на игру свою спату или гладиус – в зависимости от того, с кем придется сражаться.

Молодой человек хмыкнул. Индустрия развлечений Древнего Рима еще только принимала свои классические формы, расцвет которых пришелся на времена Империи. Еще не сло-

жился тип тяжелого гладиатора – так называемого секутора, еще не появились вооруженные трезубцем и сетью ретиарии. Впрочем, может быть, в Риме они уже и встречались, но в провинции еще жили по старинке и довольствовались простым набором: «самниты», «фракийцы», «галлы»... Даже мирмиллоны пока считались нововведением.

– Ну, вот, ты у нас теперь мирмиллон, – ухмыльнулся ланиста. – И я даже выбрал тебе имя! Всю ночь думал, пока одна девчонка не подсказала. Тевтонский Лев! Вот как ты теперь будешь зваться!

– Тевтонский Лев? – озадаченно переспросил Виталий. – Но... я же не тевтон, даже не германец!

– Ну, а ты думаешь, Каррит Фракиец – из Фракии? Или знаменитый Гельветский Вепрь из Каркасо знает хоть одно слово по-кельтски? – засмеялся Валерий. – Скажу тебе больше: наш Германский Ветер родом из Рима. Кстати, свободный человек, а в гладиаторы сам нанялся в поисках смысла жизни, денег и женской любви. Тевтонский Лев – красивое прозвище, и его очень легко запомнить.

– Что ж, – молодой человек пожал плечами. – Лев так лев. Главное, что не козлом обозвали.

Глава 7. Зима 53–52 гг. до Р. Х. Нарбо-Марциус

Тевтонский Лев

Накануне декабрьских ид (то есть двенадцатого декабря) Господин Ну с утра привел в школу осанистого молодого человека, лет двадцати пяти, одетого в несколько туник одна поверх другой и в лацерну, с тщательно выбритым продолговатым лицом, длинными волосами цвета старой соломы и карими глазами, в которых светилась скрытая насмешка.

– Это мой друг актер. – Ланиста подвел незнакомца к Виталию. – Сейчас он займется тобою, Тевтонский Лев.

– Хорошо, – Виталий кивнул, опуская тяжелый учебный меч. – Мне заканчивать тренировку?

– Ну да, прекращай, я сказал же! Моего приятеля зовут Эней, уверен, вы с ним поладите. Он научит тебя красиво убивать и так же красиво умирать, если потребуется.

– Умирать я пока не собираюсь, – угрюмо буркнул гладиатор. – Да и убивать зря никого не хотелось бы.

– И не надо никого убивать! – поддакнул ланиста, озабоченный сохранностью своей собственности. – Ну, разве что самых дешевых галлов, да и то, знаешь, хотелось бы, чтобы они дожили до лета и успели окупиться. Вон туда, за амбар проходите.

– Валерий, друг мой...

– Ну?

– Мне, то есть ему, нужен щит, – напомнил актер. – И напарник, чтобы все было как на арене.

– Ну, хорошо, я скажу Клавдию.

Погодка выдалась не лучшая: покрытое сизыми тучами небо хмурилось, нависало низко-низко, то и дело начинал моросить дождь. Эней поплотнее укутался в плащ, дожидаясь, когда явится присланный Клавдием спарринг-партнер.

– Где ж там его носит-то? Ага, вон идет кто-то.

К амбару бежал со щитом в руках парень с чуть скуластым лицом и упрямым взглядом – из тех, «подающих надежды».

– Так! – Актер деловито потер руки. – Встаньте друг против друга. Ты, Лев, наноси удар, а ты... как твое имя?

– Северьян. Северьян Альпийский Тигр.

– Альпийский Тигр?! Но ведь тигры не водятся в Альпах.

– Как и львы на берегах Рейна, – с усмешкой заметил Беторикс. – Это все Валерий сочиняет, Гомер местного разлива.

– Да, он с детства был выдумщик. – Эней неожиданно улыбнулся. – И приврать любил, за что его и били.

– А вы что же – друзья детства?

– Вроде того. Ну, что, встали? Начнем! – Актер задумчиво ухватил себя за подбородок. – Итак, приветствие. Представьте: перед вами арена, ликующая толпа зрителей, предвкушающих праздник. И этот праздник должны дать людям вы!

– Презренные гладиаторы, – ухмыльнулся Виталий.

– Профессия актера не менее презираема снобами, – не преминул заметить Эней. – Так что передо мной можете не разыгрывать несчастных отверженных. И в нашем положении есть свои преимущества, которыми умный человек должен уметь воспользоваться. Так что утрите слезы, и за дело. Вы все выйдете в плащах: мирмиллоны – в алых, фракийцы – в темно-голу-

бых. Эх, про плащи-то я и забыл! Ладно, берите мой... Сначала ты, Тевтонский Лев. Набрось на плечи... так... Теперь поклонись. Боги, ну кто так кланяется? Ты что, кошелек уронил! Изящно отведи в сторону правую руку... Я сказал, изящно, а не так, будто девку ловишь на бегу! Показываю, а вы смотрите! И помните, друзья мои: умение нравиться зрителям для гладиатора ничуть не менее важно, чем умение драться, ибо тоже нередко спасает жизнь. Можно проиграть бой, но провести его так, что благодарные зрители будут восторженно кричать, утирать слезы и никогда не позволят убить полюбившегося бойца. А чтобы вас любили, вы должны уметь держаться, внушать восхищение – ведь на игры всегда приходит очень много женщин, а им вы нужнее живыми, чем мертвыми. Думаете, ваш Красавчик только за счет умения махать мечом до сих пор жив? Его уже сорок раз прирезали бы, как поросенка, если бы он не умел пользоваться и еще кое-чем, кроме меча... Ладно, не отвлекаемся! Давай, Лев, пробуй!

Накинув на плечо плащ, аспирант манерно поклонился, со всем возможным изяществом отведя назад правую руку.

– Вот-вот, уже лучше! – одобрил актер. – А ты не безнадежен! Теперь Северьян... Ну-ну... не так угловато, не рожь молотишь! Еще раз! Теперь подняли руки – приветствуйте публику, улыбайтесь, да так, чтобы каждая женщина видела: это ей вы страшно рады, это ради ее глаз вы готовы умереть! Северьян! Ты что там, собрался ловить галок? Изящней, изящней... бери пример со своего товарища. Лев, не учился ли ты раньше актерскому мастерству?

– Нет, хотя собирался, – честно признался Виталий, который когда-то давно, еще в школе, и правда хотел пойти в театральный кружок.

– Это заметно, у тебя есть способности! Ну-с... тьфу, от Валерия заразился! Продолжим. Публику вы поприветствовали. Теперь скинули плащи – одним движением, да так, чтобы они не падали на землю мешками, а взлетали, будто крылья! Давайте я покажу...

Виталий только диву давался: как непросто, оказывается, стать хорошим гладиатором, сколько всего нужно уметь, кроме как собственно сражаться.

Эней не унимался – обучал каждой мелочи, добивался совершенства в каждом движении, будто ставил спектакль. Как вытаскивать из ножен меч – красиво и величаво, как правильно упасть, коль уж ранили, и как подставить под клинок противника грудь или горло.

А что? Всякое бывает – на то и арена, на то и схватка. Правда, Виталий все же надеялся, что до этого не дойдет.

Следовало признать, что актер свои деньги получал не даром, и оба гладиатора, поначалу относившиеся к Энею насмешливо, теперь внимали ему с уважением. Ведь он во всем был прав: от умения произвести впечатление на публику зависела их жизнь.

– Еще хорошо бы вам со временем найти для себя какой-нибудь отличительный знак, по которому поклонники и особенно поклонницы смогут вас сразу узнать. Красавчик, например, носит вокруг шеи тонкое покрывало из тех, которыми женщины повязывают волосы. А знаменитый Гельветский Вепрь имеет весьма узнаваемую походку – вперевалочку. И вот еще что... – Актер прищурился. – Когда кто-то из вас будет лежать на песке и ждать решения зрителей – не ленитесь, соберите последние силы, пошлите выразительный взгляд женщинам, и не какой-нибудь одной, а сразу нескольким. Если сумеете, хорошо бы что-нибудь им бросить – окропленный кровью браслет или фибулу. Не беда, если не выйдет докинуть до трибун – нужен лишь знак внимания, что-то вроде прощального дара.

– Цветок можно, – задумчиво произнес Альпийский Тигр. – Колокольчик или, скажем, фиалку.

– Лучше уж тогда василек или ромашку. – Эней стряхнул с шевелюры дождевые капли. – Фиалки и колокольчики слишком мелкие, зрителям трудно будет разглядеть.

Виталий только головой покачал. Цветок бросить – чего только не придумают!

Ближе к вечеру Эней перенес занятия во двор, и здесь в них приняли участие все. На пару с Клавдием актер показывал, как нужно сражаться, как наносить удары, чтобы они были хорошо видны зрителям, чтобы все смотрелось притягательно и красиво.

В конце занятия во двор, несмотря на дождь, спустился ланиста и отозвал новую парочку в сторонку.

– Северьян, и ты, Беторикс. Как вы уже поняли, вы будете сражаться в паре. С завтрашнего дня начинайте репетировать, Клавдий поможет. Ты, Северьян, должен будешь нанести Тевтонскому Льву рану поперек груди, не глубокую, но так, чтобы потекла кровь. Ты же, Лев, ближе к концу схватки, ударишь его в правый бок – тоже слегка, чтобы только содрать кожу. Потом выбьешь у него меч. Ну, Северьян, что ты так смотришь? У тебя уже достаточно поклонниц, чтобы не бояться случайного проигрыша. Тем более оба вы вполне приличные бойцы, и, думаю, доставите публике удовольствие. А ты, Тевтонский Лев, приобретешь сторонников, поскольку в следующие игры уже тебе придется просить пощады. Да! И имейте в виду, после схваток пара на пару будет одна общая – так захотел господин Сульпиций. «Галлы» против «римлян»... Ты, Беторикс, будешь за римлян, галлов у меня и без того достаточно. И вот тут-то мы ими пожертвуем... Ну, бродягами этими. – Ланиста цинично кивнул на уходивших в казарму молодых галлов. – Все равно они ничего толком не умеют, а учить уже некогда. Ну, а кто сумеет выжить, тех появится смысл учить. Но это уже потом, после Сатурналий.

Виталий молча кивал. Все понятно, обычная «показуха», как это называется у реконструкторов, то есть постановочное сражение, с которыми нередко выступают на разных там народных гуляниях или открытых фестивалях для туристов. Сперва поединки, потом «стенка на стенку». Правда, исход такого поединка крайне редко планируется заранее, а в остальном все знакомое и родное. Вот только в реконструкции «убитые» через три минуты встанут, ощупывая синяки, максимум рассечения; ну, один-два перелома – тоже дело обычное, однако это лечится. А тут убивать будут всерьез. Но биться в истерике по этому поводу никто не собирался: для этой эпохи, для ланисты Валерия убийства на потеху толпе были всего лишь частью обычного бизнеса. Рабы, пленники, легионеры почти и за людей не считались, чего их жалеть? Ценилась и охранялась государством лишь жизнь, права и свободы настоящих римских граждан – маленький островок цивилизации в жутком и кровавом болоте древних времен.

Арену выстроили быстро, благо в школе имелось все необходимое, в том числе разборные трибуны и подушки, чтобы мягче сидеть, не говоря уже о всякого рода флажках, знаменах и выпелах.

Последнюю неделю горожане жили в ожидании праздника. Флюиды сладостного предвкушения поразили всех, от богатых магистратов до нищих и рабов. Сатурналии – праздник веселый, а тут еще и гладиаторские бои! Ради этого стоило приехать из самых дальних углов провинции, чтобы насладиться зрелищем и потом весь остаток жизни вспоминать: «Это было в тот год, когда всадник Марк Сульпиций Прокул, тот самый, который вскоре стал пропретором, устроил на Сатурналии гладиаторские бои. Ох, и славные же были игры – кровь лилась рекой!»

Конечно, ждали и сами гладиаторы. Фракиец, Красавчик Апис, Германский Ветер и прочие избранные не скрывали приподнятого настроения, что же касается остальных, в особенности молодых галлов, то здесь все было сложнее. Страх смерти никто не выказывал, но одни радовались, что им дадут шанс умереть с оружием в руке, избавившись от низкой рабской доли, а другие скептически кривились: какая же доблесть в том, чтобы быть зарезанным на потеху толпе? И мысль о том, что придется кого-то убивать, смущала лишь Тевтонского Льва, которому, в общем-то, сам хозяин практически гарантировал выживание и продолжение карьеры.

Поводов для радости Виталий пока не видел. По сути, его гнали в сражение, как быка на бойню. Кормили, правда, хорошо, но днем молодой человек находился под пристальным приглядом тренеров и охраны, а ночевал в запертом карцере. Ему еще не доверяли, хотя ушлый

юноша Валерий и лелеял надежды на нового бойца. Однако суждено ли им было сбыться? Сколько ни репетируй предстоящий бой, на деле он по-всякому может повернуться. Вдруг поклонники Альпийского Тигра окажутся не столь многочисленны, и якобы побежденного гладиатора придется убить уже по-настоящему? Беторикса передернуло, едва он представил, что ему придется полоснуть клинком по горлу товарища. И ладно бы еще победил в бою честно, а ведь тот должен будет намеренно уступить! И кто он, аспирант Замятин, после этого будет? Палач, артист, гладиатор, проститутка, ланиста – одного поля ягоды.

– Ну? – После утомительной тренировки, когда сдавали оружие, к Виталию подошел ланиста, потрепал по плечу, улыбнулся. – Чувствуешь радость близкой битвы?

– Да не особо, – честно признался гладиатор. – Азарт – да, наверное, есть, но радости...

– Эх! – Валерий махнул рукой. – Экий ты циник.

Кто-то вдруг позвал его – Красавчик, что ли, и ланиста скривился:

– Ну, вот, сейчас опять что-нибудь выпрашивать будут.

– Валерий, эй, Валерий! – скинув тяжелый шлем, зывал Красавчик Апис. – Иди скорее сюда, дело есть.

– Знаю я ваши дела, – пробурчал ланиста. – Небось опять девки понадобились.

– Э, дружище! – Апис и стоявшие рядом Фракиец и Германский Ветер засмеялись. – Нам бы не только девок, нам бы сейчас и вина неплохо. Только не той бурды, которой ты обычно всех потчуешь. Эй, эй, Валерий! Вот только не надо говорить, что нет денег. Сульпиций же заплатил!

– Ну, заплатил, – юноша неохотно кивнул. – Но ведь вся подготовка тоже стоит денег. Думаете, арена сама собой строится?

– Да ничего мы не думаем, дружище! Вели-ка принести нам вина... и девок подогнать! Позови кого-нибудь – наверняка за воротами стоят.

– Вот шельма! – восхищенно произнесли сзади.

Аспирант обернулся – все никак не мог привыкнуть к этой манере Северьяна возникать за спиной, словно черт из табакерки. Люди этой эпохи обладали более развитой восприимчивостью и могли, не оборачиваясь, сказать, кто за ними идет и на каком расстоянии, но Виталий, увы, такими способностями не обладал.

– Я про Красавчика, – подойдя ближе, ухмыльнулся Альпийский Тигр. – На этих играх он получит свободу.

– Свободу? – удивился Виталий. – Так ведь ее еще заслужить надо.

– Нет, – Северян покачал головой и прищурился. – Свободу нельзя заслужить, ее можно только купить.

– И что, у Красавчика есть на это средства?

– Не у него, у Сульпиция. Хотя и Красавчик тоже не беден. Недавно прикупил две мукомольни и еще хочет пекарню.

– Рад за него, – Беторикс улыбнулся.

В принципе, ничего удивительного: некоторые рабы бывали богаче своих хозяев, владели мастерскими либо занимались доходным промыслом, при этом не имея никаких прав и за людей не считаясь. Многие со временем выкупались на свободу, становились вольноотпущенниками, по гроб жизни оставаясь клиентами своего бывшего хозяина. А многие так и не выкупались – хозяева обычно не склонны были отпускать на волю курочку, несущую золотые яйца. Разве что за очень уж приличные деньги. А раб-гладиатор имел немало возможностей их заработать. Устроитель игр мог заплатить особо понравившимся бойцам – прямо на арене, на виду у ревуших от восторга зрителей, отсчитать сверкающие на солнце золотые ауреусы. Гуляй, рванина, да добро мое помни! С такими рубаками, как Красавчик Апис, это происходило нередко, однако сами игры устраивались не так часто, как хотелось бы. Потому основным заработком для гладиаторов-суперзвезд всегда был «левак». С разрешения ланисты, разуме-

ется – тот всегда получал свой процент, а иногда и сам сдавал бойцов в аренду за определенную сумму. Скажем, в качестве сопровождающих важного господина или госпожи, охранника; иной раз требовалось кого-то припугнуть... или даже набить морду... или даже... Словом, способов подработать на стороне хватало.

– Сульпиций заплатил за Красавчика больше двухсот тысяч сестерциев, – негромко продолжал Северьян.

– Немалая сумма! – Беторикс присвистнул и повел плечом.

– По сравнению с тем, сколько Сульпиций наградил в Галлии, это сущий пустяк!

– Наградил? Но ведь центурион должен сдавать трофеи...

– Ты что, вчера родился? Должен-то он должен...

– А зачем центуриону выкупать гладиатора?

– Сульпиций метит в квесторы или эдилы, а то и в пропреторы, потому и устраивает игры. Если он в придачу освободит лучшего бойца, это даст ему еще больше славы. К тому же у Красавчика две мукомольни, и он вполне может сам внести часть суммы на собственный выкуп. И ему хорошо, и Сульпицию польза. Да и остальных, кто себя проявит, центурион наверняка щедро наградит. Кстати, Валерий с тобой еще не говорил на эту тему?

– Нет.

– Значит, поговорит, не сегодня, так завтра.

Северьян оказался прав: вечером ланиста лично заявился в карцер, где по-прежнему квартировал Тевтонский Лев.

– Ну, что ты так смотришь? Удивлен моим визитом?

– Не знаю, куда усадить столь почетного гостя, – усмехнулся гладиатор. – На прелую-то солому неудобно как-то.

– Ну, не такая уж она и прелая. Солома как солома. Я, кстати, вина захватил... – Выглянув в дверь, ланиста подозвал раба, взяв у него кувшин и кружки. – Выпьем, заодно поговорим.

– Хорошо, – Виталий кивнул. – Выпьем.

– Между прочим, это очень неплохое вино. Хотя я не только для тебя его купил... Слышишь – песни поют? – Нежданный гость поднял палец.

– Слышу, – усмехнулся Тевтонский Лев. – Плохо поют, нескладно. Это что там – девки визжат?

– Это Красавчик их за пятки щекочет. Любит. Ну, ладно, не о них сейчас речь, а о тебе.

– Обо мне?

– Ну, не обо мне же? – Валерий хлопнул себя по коленкам. – Хочу поговорить с тобой о награде. Господин Сульпиций конечно же наградит особо понравившихся публике гладиаторов, и я практически уверен, что и ты окажешься среди них. Так вот, уговор: деньги не присваивать, не крысятничать, а потом поделим по-честному, среди всех отличившихся бойцов.

– Но центурион и так отметит всех отличившихся!

– Отметит, да не всех! – Допив вино, ланиста пригладил кудри. – Альпийский Тигр тебе проиграет – так условленно, ты не забыл? А достойно проиграть не так просто, да и решиться на это нелегко. Хватит ли у поклонников Тигра решимости отстоять своего гладиатора? Клянусь Юпитером, я, например, до конца в этом не уверен.

– Никто никогда и ни в чем не может быть уверенным до конца, – глубокомысленно промолвил Беторикс. Немного помолчал, выпил еще полкружки, а потом спросил: – Сколько поклонников у Северьяна?

– Две дюжины особо рьяных поклонниц и столько же сочувствующих, – не раздумывая, пояснил ланиста.

При этих словах Виталий его даже зауважал: двадцатилетний пацан, сам почти мальчишка, а нужной информацией владеет!

– Ну, думаю, поклонницы подружек с собой приведут... – задумчиво продолжил Валерий. – В общем, где-то пять-шесть дюжин наберется.

– А на трибунах сколько вмещается?

– Четыреста семьдесят два человека, если считать приставные стулья.

– Да-а... – Аспирант покачал головой. – Для полной уверенности маловато. Хотя... можно один приемчик попробовать. Чтобы уж наверняка.

– Ну-ну-ну? – тут же заинтересовался ланиста. – Что еще за приемчик? Говори!

– Надо рассадить поклонниц не абы как, а с умом.

– Это еще как?

– Арена довольно большая, – принялся рассуждать Виталий, не обращая внимания на загоревшиеся глаза ланисты. – Это плохо. Однако акустика там слабая – это хорошо. Значит, поклонников и поклонниц Тигра усаживаем... скажем, у южного края. Две дюжины в первых рядах, остальные по всей ширине трибуны, так чтобы на десять обычных зрителей приходился один наш. И они должны будут в нужный момент вскочить, закричать – все одновременно, понимаешь?

– Ну-ну! – Валерий закивал, заулыбался. – Они заведут остальных, ну, конечно!

Замятин прикрыл глаза – этот парень удивлял его уже второй раз за вечер! Не зная основных социологических понятий и приемов, хитрый ланиста сам сообразил, как работают механизмы управления толпой, столь охотно и ловко применяемые российскими политиками. А принципы индуктивности, то есть заражаемости толпы и всего такого прочего давно исследованы Ле Бога, Тарда, но труды их в России издают мало либо вообще не издают. К чему нашему обывателю знать, как его, дурачка, «разводят»?

– А здорово ты придумал, дружище! – От избытка чувств ланиста обнял гладиатора за плечи. – И, я надеюсь, Тигр нас не подведет, будет биться достойно.

Аспирант спрятал усмешку: теперь уже не важно, хорошо ли будет биться Альпийский Тигр. Психология толпы – понятие объективное, и логики там никакой нет: толпа по природе своей тупа, самонадеянна и абсолютна глуха к логике. Главное, вовремя запустить эмоцию, вбросить простой и понятный лозунг, например, «Россия – вперед!» или «Голосуй сердцем!».

– Ладно, ладно! – Поднявшись, Валерий азартно потер руки. – Все сделаем, как ты сказал. Я помню, мой батюшка устраивал иногда нечто подобное, но я тогда был еще ребенок, плохо понимал. А ты... Ты жди! И сражайся! Будет успех – будет все: изысканная еда, вино, красивые женщины. О! Девчонки будут ходить за тобой толпами, как сейчас за Красавчиком или Германским Ветром. Кстати, Ветер именно за этим в гладиаторы подался, хоть он свободный человек! И если не убьют, то скоро он станет богачом. Все в руках судьбы! Ну да ничего, дружище! Придет время – и ты заживешь, как парфянский царь.

– Угу, угу, – Виталий ухмыльнулся. – Если, как ты говоришь, не убьют раньше времени.

– Да, – серьезно промолвил ланиста. – Убить вполне могут, ведь ты – гладиатор, и смерть – твое ремесло. Но я верю в тебя! Ладно, пойду к девкам... Прощай.

– Прощай... – Молодой человек вдруг улыбнулся и спросил: – Слышь, Валера... А ты почему не женишься?

– Шутишь? Какая же честная девушка пойдет за ланисту?

Обиженно шмыгнув носом, Валерий с шумом захлопнул за собой дверь. Лязгнув засов.

Оставшись один, Виталий погрузился в свои невеселые мысли. Сатурналии! Радостный праздник с отчетливой эротической окраской, во время которого исчезали общественные перегородки и приличия отступали далеко-далеко, когда раб предавался любви со своей госпожой, а ее муж – с чужой рабыней.

Этого праздника с нетерпением ждали все. Ждал и Замятин, со всей отчетливостью и ужасом осознавая, что иного пути просто нет. Ему придется выйти на арену и сражаться, а

уж там все решит воля богов. Одно утешало – до следующих игр он точно отсюда выберется, значит, надо выдержать только эти.

День игр, словно по благословенью Юпитера и Минервы, выдался солнечным, ярким. Над головами зрителей, в высоком голубом небе, величаво плыли редкие белые облака, остро пахло весной, хотя по календарю только началась зима – на дворе стоял декабрь. Впрочем, здесь, на побережье Средиземного моря, первый зимний месяц был похож на апрель или даже май.

Гладиаторов до начала схваток, как и положено, выдерживали в деревянных клетушках под трибунами. Однако и сюда долетал восторженный гомон толпы, вызывая в мыслях видения: вот под овации зрителей на золоченой колеснице выехал на арену всадник Марк Сульпиций Прокул, устроитель игрищ, вот судьи в синих, украшенных блестками плащах, а вот и ланиста, довольный, улыбающийся... Ага – гомон затих, видать, центурион обратился к народу с речью. Здесь много было римских граждан – легионеры, маркитанты, обслуга – перед ними-то и рассыпал перлы своего красноречия Сульпиций. Обычная предвыборная программа: бесплатный хлеб и зрелища, разные льготы, ремонт дорог, доступное жилье...

Снова вопли и шум – центурион закончил свое выступление. Молодец, долго терпение собравшихся не испытывал, знал – не на него, любимого, смотреть пришли.

Где-то рядом послышались голоса и лязг – кого-то уже выпускали на арену. Виталий стиснул зубы – совсем скоро наступит его очередь, и тогда...

– Тевтонский Лев! – окрик прозвучал, словно выстрел.

Что – уже? Неужели двадцать минут прошло?

Лязгнул засов.

– Выходи! Готовься.

Молодой человек поспешно натянул подшлемник, нахлобучил шлем с гребнем и блестками, сверкавшими, словно рыба чешуя. Так, что еще? Поножи... тоже красивые, с блестками, на бедра широкий ремень, который в случае чего прикроет живот и не даст кишкам вывалиться на арену. Стеганный нарукавник на правую руку, поверх него – доспех. Грудь не прикрыта, но ее достаточно трудно достать... Обычный римский щит, как у легионеров. Поединок будет недолгим, а там – или грудь в крестах, или голова в кустах.

Перед самым выходом наконец-то дали меч – обычный короткий гладиус, хотя Беторикс, конечно, предпочел бы спату.

– Все, парень! Иди... Да помогут тебе боги.

Резко распахнулись деревянные створки. Ударило по глазам солнце. И крик! Жуткий многоголосый вопль... Типа как – оле-оле-оле! Или – шайбу, шайбу!

– Вот он, пресловутый Тевтонский Лев, – надрывался комментатор, или номенклатор, как его тут? – Тевтонский Лев, гладиатор-загадка... О, сейчас мы с вами разгадаем ее, ибо соперник Льва... соперник Льва тоже хищник... Ну, что вы замолкли? Ждете, когда я объявлю? Протрите глаза, уважаемые! Вот он, он уже появился... Да! Да! Да! Это знаменитый и грозный Альпийский Тигр! Он идет... он уже здесь... вот он!

Поддавшись общему порыву, Замятин скосил глаза и увидел соперника, нынче выступавшего в обличье «фракийца». Сверкающий шлем с высоким гребнем, увенчанный фигуркой грифона, синий квадратный щит, небольшой, с бронзовым умбоном, массивные поножи, стеганные накладки на руках и бедрах. Меч – странный, серповидный, похожий на турецкую саблю.

– Тигр! Тигр! Тигр! – надрывалась толпа...

Большинство голосов были женскими, и аспирант ухмыльнулся: значит, правильно всех рассадил.

– Фракиец, а ну, покажи этому зазнайке!

Альпийский Тигр напал сразу же, даже не поклонился зрителям – впрочем, те от столь стремительного натиска пришли в восторг. «Фракиец» двигался изящно и быстро, будто сама смерть!

Удар!

Беторикс быстро подставил щит, занимая оборонительную позицию – у «фракийцев» вооружение легче, можно бегать, прыгать, а ему все это делать было гораздо труднее.

Снова удар! Толпа завывала от восхищения.

Замятин отбил выпад клинком и сам перешел в атаку – уже слышался презрительный свист, а значит, хватит изображать мямлю.

После тяжелого тренировочного меча гладиус казался легким как перышко и просто порхал в руке. Удары были многократно отрепетированы, хотя без импровизации тоже не обходилось – ибо кто же всерьез отрепетирует возможную смерть?

Клинки мелькали стальным вихрем, под лучами солнца разбрасывая жгучие искры, в ушах стоял звон, едкий пот обильно струился из-под шлема.

Удар – на щит, теперь контратака... Противник тоже подставил щит? Ладно... Перехитрить. Дернуться чуть влево... Ха! Он тоже влево, тоже хочет перехитрить! Нет, вот двинулся вправо... а вот...

Ввуххх!!! Что-то с оттяжкой скользнуло по правой стороне груди. Острое словно бритва лезвие рассекло кожу, Беторикс почувствовал, как потекла кровь, а зрители зашлись в экстазе.

– Давай, фракиец! Давай! Покажи этому Льву!

Царапина – вроде пустяк, а сколько восторга! Все для вас, уважаемые господа! И снова Альпийский Тигр бросился в атаку – все же он был замечательным бойцом, этот верткий и сильный парень. Снова удар! Ну, прямо мельница. Но мой щит тебе не по зубам, точнее, не по клинку.

– А ну, Тигр, покажи, на что ты способен! Задай ему жару!

Это и были условные слова – «задай жару». Молодец судья, все по плану. Пришло время для атаки.

«Фракиец», похоже, утомился, а тяжеловооруженный мирмиллон, как ему и положено, приберег свои выпады напоследок. Тевтонский Лев пригнулся, взмахнул мечом, нанес удар – и снова посыпались искры, раздался скрежет. В лучах солнца зрителям хорошо были видны потоки ярко-красной крови, струящейся по груди. Ох, как лихо машет своей «саблей» Северьян – не слишком ли увлекся?

Удары следовали один за другим, в глазах бойцов вспыхнула настоящая ярость, словно между ними и впрямь кипела смертельная вражда. Азарт, кровь, шум толпы и стихия битвы захватили гладиаторов в свои сети, наполнили «спортивной злостью» и жаждой бить, крушить, резать! Кинуться на противника, перегрызть горло, свалить на землю, а затем долго топтать, упоительно, сладостно.

– Н-а-а!!!

Беторикс не просто улучил подходящий момент – он долго его готовил. Ухнул, размахнулся, якобы открываясь, вскинул щит и нанес резкий удар нижней кромкой, вложив всю свою силу – а она, помноженная на вес восьмикилограммового skutuma, произвела сокрушительное действие. Да и место для решительного натиска было выбрано не случайно – возле южной трибуны.

Альпийский Тигр явно такого не ожидал и на миг растерялся. Но и этого хватило, чтоб выбить из его руки меч.

Толпа заревела, потрясенная зрелищем: мирмиллон в сверкающем шлеме, с окровавленной грудью, вознес над головой клинок...

Судья дал знак, и поверженный «фракиец», сбросив шлем, подставил шею... Виталий вздрогнул – а вдруг? Вдруг расчет не оправдается и установленные еще Ле Боном законы толпы

не подействуют? И... и придется убить? А сможет ли он вот так, просто, мечом по безропотно подставленной шее? Нет, не сможет. И не будет. И вообще – надоело все! Эти вопли дурацкие, этот кровавый песок, обжигающий ноги...

Нет! Кажется, все хорошо.

– Ви-та! Ви-та! – скандировали трибуны. – Жизнь!

Аспирант улыбнулся: ага! Подействовало.

– Вита! – громко провозгласил судья.

Убрав в ножны меч, Тевтонский Лев снял шлем и, как учил не худший актер Эней, картинно отвел в сторону, с достоинством кланяясь публике. Прямо тебе артист, выходящий на бис.

– Лев! Лев! Лев!!!

О, толпа быстро забывает своих героев.

– Тевтонский Лев!

– Тигр!!!! Фракиец!!!

Вот и Северьян наконец поднялся, пошел, нарочно прихрамывая, к южной трибуне – благодарить поклонниц. Ох, как те завизжали! Будто самого Джона Леннона увидели на пару с Маккартни.

Виталий тоже двинулся в обход вдоль трибун, чувствуя, как хлынувшая сверху волна обожания накрывает его с головою.

– Лев! Лев! Тевтонский Лев!

– Тевтонский Лев! – громко возопил комментатор. – Запомните это славное имя, вы услышите его еще не раз!

Прибежавший под трибуны Валерий обнял Виталий, едва только тот вошел.

– Ну, поздравляю! Северьян, ты тоже бился достойно. Вы оба молодцы. Да, Тевтонский Лев! Помнишь, что я говорил о награде?

Кто-то принес кружку с кислым вином, щедро разбавленным водичкой – пришлось в самый раз.

– Ничего! – проходя мимо, подмигнул Северьян. – Уж сегодня-то мы попьем хорошего вина вволю. И девочек приведем, верно, Валерий?

– Верно, верно, – на бегу отмахнулся ланиста. – Обещал – сделаю. А сейчас, уж извините, некогда, сейчас Красавчик с Германским Ветром биться будет.

Виталий пожал плечами – смотреть на чужую схватку ему абсолютно не хотелось.

Освободившись от амуниции, новоиспеченный любимец публики уселся в каморке, прислонившись к стене, и попросил напиться. Шустрый раб тут же притащил кувшин. Вот все и позади. Слава богу!

Снаружи слышались чьи-то нервные голоса, вот кто-то пробежал, что-то крикнул. Лязгнул засов – что, домой пора уже? А где же награда, где обещанные денежки? Или гад Сульпиций их зажилить решил? Они бы потом очень дажегодились. Как без денег добраться до земель арвернов, или где там все началось? Вот, кстати, сперва надо это выяснить поточнее...

– Беторикс! – В клетушку вновь заглянул ланиста. – Ну, там это... зрители требуют продолжения битвы. А что ты хотел? Я, кстати, предупреждал, что, может, придется сражаться еще и с галлами.

Правда, вы с Тигром и Карритом бойцы опытные, для вас это будет не бой, а избиение. Публика жаждет крови, и она ее получит! А вам, кстати, не повредит подкрепить репутацию умелых бойцов. Так что давай готовься.

И снова арена, и гул расpalенной толпы, и настороженный блеск в глазах обреченных галлов. Да, эти исхудавшие парни хорошо понимали, что обречены, но не собирались так просто сдаваться. К тому же их было много: на каждого из числа «избранных» приходилось по

двое противников, и пусть те всего лишь необученные подростки, в прошлом им уже приходилось сражаться с непобедимыми легионами Цезаря и Тита Лабиена.

Виталий сглотнул: шлем нагрелся на солнце и казался тяжелее обычного, хотя, благодаря подшлемнику, обжечь не мог. А сейчас станет еще жарче!

– А вот наши славные герои! – вновь заверещал номенклатор. – Они вернулись, потому что так пожелал наш уважаемый Марк Сульпиций Прокул, устроитель нынешних игр, вернулись, потому что так захотели вы-и-и-и!!! И снова с нами Альпийский Тигр! О, сейчас он докажет, что вы не зря сохранили ему жизнь. А рядом с ним, плечом к плечу, выступает Тевтонский Лев, новая знаменитость, чью ловкость и силу вы только что имели возможность оценить...

Виталий поднял руку с зажатым мечом – толпа взревела.

– Мы все знаем прославленную храбрость этих бойцов. Но и галлы, пусть они худы и костлявы, однако полны решимости биться за свою жизнь! Итак...

Судья подал знак к началу схватки. Галлы первыми бросились в атаку – в браках, с голой грудью, с длинными мечами и разноцветными щитами, украшенными перьями и бронзовыми бляшками с красной эмалью. Хитрый ланиста выпустил не самых знаменитых бойцов, вроде Каррита Фракийца, Германского Ветра или Красавчика, тем более что те отдыхали после своего выступления, а только «подающих надежды» и «обреченных».

Зрители снова взревели, будто лицезрели невесту что, будто к ним явился король рок-н-ролла Элвис Пресли!

Раздался звонкий удар меча по щиту, а второй едва не достал сердце! И чему удивляться – длинный галльский меч имеет перед коротким гладиусом все преимущества. Виталий тем более не удивился, что в его реконструкторской практике галлы всегда, за редчайшим исключением, побеждали римлян, особенно вынужденных сражаться вне строя.

Его атаковали снова. Задумав взять Беторикса в клещи, юные галлы подбадривали друг друга криками, бросали на врага полные лютой ненависти взгляды. Уж это не «показуха», тут все всерьез, по договоренности никто поддаваться не станет, как и жалеть соперника: или он, или ты. И кого обвинять? Ланисту Валерия? Не он, так другой бы нашелся, свято место пусто не бывает. Толпа, гнусная, жаждущая крови – вот кто главный виновник! Эти расфуфыренные матроны, и те мальчики, что жались к краям трибун и вытягивали тонкие шеи, и девушки-хохотушки, и почтенные отцы семейств – все они питались чужой смертью!

Буххх!!!

Меч обрушился на щит и тут же отскочил, а другой удар Беторикс взял на клинок, завернул хитро, так чтобы тяжелое галльское лезвие, с размаху перерубив бронзовую полосу, застряло в верхней части щита.

Ну, что ты тянешь руку, дурачок? Хочешь вытащить обратно свой меч? Еще ногой бы уперся... Нет уж – дудки!

Пронзительный звук судейской флейты резанул по ушам. Сразу двое судей поспешно подскочили к Тевтонскому Льву и его соперникам, остановили схватку, освободили меч галла и снова вручили хозяину.

Сражение возобновилось. Виталий только краем глаза успел осмотреться: а что вообще творится сейчас на арене? По крайней мере четверо «обреченных» валялись в пыли, еще двоих погибших успели оттащить прочь. Песок под ногами бойцов стал скользким от крови.

Вот и Тевтонский Лев поскользнулся, едва не упал, и сразу же вражеский клинок сверкнул совсем рядом, как черная молния, несущая смерть. Едва успев отбить, Виталий подставил щит, следующий выпад отразил наручем. А затем наклонил голову и со всей силы ударил соперника тяжелым гребнем шлема – тот охнул, выпустил меч и отлетел к трибунам. Народ возбужденно завыл, однако Виталию радоваться было рано. Последний соперник, еще сохранивший оружие, насккивал на него, словно молодой петушок. Правда, за амбициями и злобой просматривалось очень мало умения, и толку от его активности не было почти никакого.

Замятин старался сдержать охватившую его злость – убивать неопасного противника не хотелось. Лучше уж так, покружить, подразнить... Ну, надо же!

Беторикс еле успел выставить вперед щит, закрывая лицо от колющего удара, а затем резко повернул, ломая застрявший клинок.

Раздался противный хруст, а мальчишка-галл вдруг неожиданно схватил собственный щит обеими руками и попытался ударить им. Надо же, настырный попался! Второй вон лежит себе спокойно на песочке, стонет, видать, пара ребер сломано, а то и больше... Нет, гляди-ка, тоже поднялся! Что ж вам нейдется-то? И правда убийцей сделаете, черт бы вас всех побрал!

Еще один удар Беторикс без труда отразил щитом, благо соотношение живого веса было со значительным уклоном в его пользу. Бросил короткий взгляд на трибуны. Хотите крови? Что ж, получайте!

Ловким выпадом Тевтонский Лев поцарапал сопернику грудь, пометил крестиком, сверху вниз, потом справа налево. Не глубоко, но вполне чувствительно, а главное, показалась кровь! Публике это понравилось, тем более Беторикс проделал все чрезвычайно изящно и быстро – вжик-вжик!

Вот опять появились судьи и вручили галлу новый меч взамен сломанного. Да когда же все это кончится-то?

Зарывав от ярости, Виталий ударом ноги сбил подковылявшего второго, того, что поднялся с песка, а затем, почти без паузы, врезал первому кромкой щита по голове.

Выпустив меч, парнишка осел наземь, из носа его хлынула кровь. Сотрясение.

– Меч! Подними меч! – быстро подсказал судья. – И повернись к зрителям. Что там они кричат, слышишь?

А кричали они одно:

– Смерть! Смерть! Смерть!

Тевтонский Лев наклонился, сдернул шлем с поверженного соперника – это оказался обычный светлоглазый парень с копной русых волос, на вид лет шестнадцати. Ну, и что вы так орете, что вам за радость в его гибели?

– Смерть! Смерть! Смерть!!! Убей его, Тевтонский Лев! Давай, сделай это!

Дьяволы! Натуральные дьяволы! Ишь, взалкали кровушки. А вот фиг вам!

Сняв шлем, Виталий бросил его в песок, выпрямился, улыбнулся. Показал острием меча на бедолагу.

– Смерть! Смерть! Прикончи его наконец! Убей!

– Убить? – Тевтонский Лев неожиданно расхохотался, громко и весело, чем вызвал некоторое недоумение у публики.

Потом, покачивая головой, наклонился, взял руку валявшегося парня...

– Убей... – с ненавистью прошептал тот. – Что ты тянешь?

– Молчи, дурак, и делай, что говорят. Закрой глаза и не шевелись. Не шевелись, чучело!

Снова поднявшись, Беторикс указал на поверженного и с выразительным недоумением пожал плечами: мол, кого тут убивать-то? И так почти труп: лежит, не шевелится. И этот, и второй, со сломанными ребрами. Чистая победа по очкам.

– Смерть! Смерть! Сме...

– Он и так мертвы, что я, трупы рубить должен? Я гладиатор, а не мясник! – с гордостью заявила новоявленная звезда. – Сражаюсь только с живыми противниками.

– Пройдись по арене вместе со всеми! – За спиной вновь возник судья. – Улыбайся, маши руками. Слева матроны смотрят на тебя!

– А с этими что?

– Не твоя забота. Этих красиво зарубить не получится, ну и забудь о них.

Вот тут молодой человек был полностью согласен с арбитром.

Ну, слава богу, обошлось кое-как. Другим повезло куда меньше – и убитым, и убийцам. О, с какой яростью потрясал окровавленным мечом Альпийский Тигр! Каким ревом сопровождали поклонники его обход арены! Впрочем, и Беторикс удостоился воплей не менее громких.

Однако, как выяснилось, в плане успеха им обоим было еще далеко до Красавчика. Вот кого сопровождала настоящая массовая истерия! Мужчины орали, девушки и женщины бились в припадке.

– А Красавчик как здесь оказался? – оглянулся на недавнего соперника Тевтонский Лев. – Он разве тоже сражался с галлами?

– Конечно, – усмехнулся шагавший рядом Северьян. – Он в последний момент появился, когда бой уже начался.

– А-а-а! Вот почему зрители так заорали!

– Да, из-за него. Красавчик бился, как одержимый, сразу троих сразил.

Ах, как верещали девушки! Несмотря на свое высшее образование и культурный уровень, Замятин не мог остаться равнодушным к мысли, что изрядная доля этого восторга относится лично к нему.

Совершив круг почета, победители под восторженный рев толпы выстроились полукругом на середине арены. Кровавые лужи уже были засыпаны белым морским песком, а над головой все так же безмятежно светило солнце.

Виталий примерно представлял себе, что сейчас будет – награждение, так называемый миссус. Подробностей он пока не представлял, поскольку все детали организации гладиаторских боев на протяжении всей истории Рима до нас не дошли. Даже если взять Советский Союз – при Сталине это была совсем не та страна, что при Брежневе или Хрущеве, хотя их разделяет всего несколько десятилетий. И уж тем более за тысячелетнюю историю Рима все менялось неоднократно. Во времена Империи – одни порядки и правила, во времена Республики – другие. Да и от места проведения многое зависело: провинция и сам Рим не одно и то же.

– Всадник и центурион Марк Сульпиций Прокул приветствует победителей и жалует им награду! – возопил комментатор, обладатель поистине луженой глотки. – Альпийский Тигр!

Подойдя к колеснице патриция, только что совершившей круг по арене, Северьян опустился на одно колено и почтительно склонил голову.

– Ты проиграл первый сегодняшний бой, гладиатор, – усмехнулся Сульпиций. – Но сражался достойно. А сейчас, схватившись сразу с двумя, восстановил свою честь! И добился моего одобрения. – Всадник обернулся и щелкнул пальцами. – Монеты!

– Один! – Толпа с неподдельным энтузиазмом считала бросаемые центурионом золотые ауреусы. – Пять! Десять!

Пятнадцать золотых получил Альпийский Тигр за пролитую сегодня кровь, свою и чужую.

Чуть больше, то есть двадцать, досталось Тевтонскому Льву.

«На билет до Косматой Галлии хватит» – ухмыляясь, подумал молодой человек.

Но главным героем дня стал, конечно же, Красавчик Апис. Дарование ему свободы было обставлено торжественно – с помпезными речами, соплями до пупа и восторженным женским визгом.

Сияло солнце. Трепетали на ветру флаги. Под восторженный рев трибун стройной колонной покинули арену гладиаторы и среди них Тевтонский Лев, он же Беторикс, он же аспирант-социолог Виталий Аркадьевич Замятин.

Глава 8. Зима 53–52 гг. до Р. Х. Нарбо-Марциус

Алезия и «винный мальчик»

Она чем-то напоминала Весту, эта девушка из лупанария старухи Конкордии Лонги. Такая же стройная фигура, узенькие брови стрелочками, ресницы густые, как непроходимый берендеевский лес, большие темно-голубые глаза, бездонные и загадочные, как настоящий океан. Все звали ее Алезия, и хозяйка публичного дома утверждала, что девушка на самом деле является тезкой крепости арвернов, а не взяла себе такой псевдоним. Еще у нее были длинные волосы, слегка выющиеся и густые, пшеничного оттенка, будто напоенного медом и солнцем. Вот это отличало ее от Весты, которая была блондинкой не натуральной, а крашеной. А носик боги Алезии дали просто замечательный – небольшой, изящный, чуть вздернутый. В целом девушка была очень красива, однако красоту свою прятала, что было весьма странно для проститутки из дешевого лупанария, расположенного на самой окраине города, на узенькой улице близ небольшого храма Домидика – римского божества, покровителя новобрачных, который, как считалось, передавал невесту жениху. Не сказать, чтобы этот бог относился к числу наиболее почитаемых, тем не менее пользовался определенным успехом не только у вступающих в брак.

Беторикс с Алезией познакомился почти сразу после ристалища, еще пока не кончились Сатурналии, из-за чего заведение старухи Конкордии почти пустовало: сейчас никому не приходилось платить деньги за любовь. Вероятно, поэтому старуха так обрадовалась, получив заказ на девушек от ланисты Валерия, который, исполняя свое обещание, устроил пир для победителей. Выгода была обоюдная: Валерий предпочитал не пускать в школу кого попало с улицы, пусть даже и девушек. Ведь гладиаторы, отдохнув, перевязав раны и выпив вина, непременно начнут обсуждать случившееся на арене, а при этом так же неизбежно всплывет масса «профессиональных секретов». Зачем выносить сор из избы? А девушки из ближайшего лупанария тут все равно что свои, не в первый раз приходят.

Столы накрыли прямо во дворе школы, под деревьями, угощение принесли с кухни стоявшего рядом доходного дома, где обитал сам ланиста и кое-кто из «старшего состава» гладиаторов.

– Выпьем за победителей! – перекрикивая приглашенных музыкантов, Валерий вскочил с почетного ложа и поднял бокал. – За вас, друзья мои! Пейте до дна, девчонки!

Это уже был пятый... или шестой, а может, и десятый тост – все на одну и ту же тему. К столу, естественно, были допущены лишь проявившие себя бойцы, а также и некоторые тренеры, в том числе старик Клавдий. Впрочем, ланиста не забыл и про остальных – уцелевших галлов вверили попечениям лекаря, прислали им в казарму пиво и яства – жареную рыбу под острым соусом, маринованные осминожки щупальца, мидии, омары, креветки, тушеное мясо, холодную телятину, жаворонков, тушенных в вине, паштеты, белый галльский хлеб. Вина им не досталось: в эту пору года его оставалось мало, да и то почти скисло.

Опростав очередной бокал, ланиста поднялся и несколько нетвердой походкой обошел всех пирующих: для каждого нашел доброе слово, а кое-кого даже облобызал. Доверительно склонился к Виталию:

– Я решил присмотреться к тем двум галлам. Ну, с которыми ты сражался. Что скажешь?

– Неплохие бойцы, – кивнул молодой человек. – Подучить только надо. А так и задор, и натиск есть, может выйти толк.

– Клавдий подучит! – Владелец гладиаторской школы тихонько засмеялся. – Следующие игры уже в мартовские иды – посвящены, естественно, Марсу. Там окончательно испытаем новичков.

– А ты что, уже нашел спонсора? – Виталий вскинул глаза.

– Кого нашел? – удивленно переспросил ланиста. – Ну, я тебя прошу, дружище, не упребляй ты этих своих тевтонских слов, их здесь все равно никто не понимает.

– Я хотел спросить, нашел ли ты следующего устроителя игр? – поправился гладиатор. – Или снова думаешь о Сульпиции?

– Есть на примете один достойный господин, не Сульпиций. Если не перехватят!

– А что, могут?

– Могут. – Ланиста скривился, словно проглотил что-то горькое. – Этот прощелыга Манлий Флор по прозвищу Кудесник уже прикупил в свою школу бойцов. Говорят, в Рим за ними ездил!

– Да-а, – сочувственно покивал Виталий. – Двум школам в таком городке, как Нарбо-Марциус, будет тесно. Кстати, Кудесник, как я слышал, сам приезжий, здесь чужой.

– Да, он и сам из Рима. Как и все, кто тут имеет власть. – Валерий вздохнул и передернул плечами. – Ох, чувствую, не зря он сюда явился, не просто так. На кого-то рассчитывает, кто-то должен помочь ему подняться, разорить меня, то есть нас... Знаешь, скажу тебе честно: не удивлюсь, если он перехватит у нас мартовские игры. Эх, знать бы, кто ему помогает! – Стукнув кулаком по столу, ланиста обернулся. – Эй, раб! Налей еще вина! Как – нету? Ладно, давай пиво... Ты разумный человек, Тевтонский Лев, очень разумный, я сразу это заметил, – продолжал он, снова обернувшись к Виталию. – Помогай мне, а я, клянусь Юпитером, помогу тебе. Ну, свободу сразу не обещаю, но со временем... и при условии, что останешься у меня тренером, как Клавдий. Что ты так смотришь? – Язык сильно захмелевшего юноши уже заплетался. – Думаешь, напился? Ну и напился, и что? С радости – да... И с горя заодно. Этот ползучий гад, Кудесник Манлий... Тем более сегодня Сатурналии, сегодня можно. Ну, так ты что? Пойдешь ко мне в тренеры, лет через пять?

– Если раньше не ухайдакают, – хмыкнул Виталий, ввернув жаргонное слово, одно из тех, что были неизвестны в классической латыни, но изобиловали в разговорной речи здешнего простонародья.

– Не ухайдакают, – уверенно возразил ланиста. – Тебя девки любят, будут визжать, не дадут пропасть. Как Красавчику Апису или тому же Северьяну. Ах, женщины, женщины... На них все в нашем деле и держится!

– Тогда – за женщин! – Беторикс поднял бокал.

– За женщин... – Пьяный собеседник кивнул и чуть было не свалился с обеденного ложа наземь.

– Эй-эй! – Гладиатор осторожно придержал ланисту. – Ты как вообще-то?

– Да ничего.

– Может, домой тебя отвести? Поспишь.

– Какое поспишь, дружище?! Мне еще к центуриону идти... Что уставился? Да, римский всадник Марк Сульпиций Прокул пригласил к себе в дом презренного ланисту! Все слышали? Ха! Сегодня ж Сатурналии... Пей, веселись с кем хочешь. Кстати, Беторикс, насчет тренерства я не шучу. И ты, как умный человек, должен понимать – у меня больше никого и нету. Красавчик Апис уходит к Сульпицию – начальником домашней охраны, Каррит Фракиец не хочет никого учить, Альпийский Тигр еще слишком молод, а Германский Ветер – человек вольный, контракт у него в новом году заканчивается. А гнусная сволочь Кудесник предложит куда большую сумму, чем я!

Ланиста плакался и жаловался на жизнь, пока не задремал, чтобы к приходу девок проснуться на удивление бодрым.

– А-а-а! Явились наконец! Что так долго-то? Мы тут уже все глаза проглядели, верно, парни?

Девчонок привела лично хозяйка, которую тут же и усадили за стол. Даже и не будь на дворе Сатурналии, гладиаторам и ланисте нечего было брезговать обществом хозяйки публичного дома и жриц продажной любви: все одного поля ягоды.

– Ну, выбирайте! – со смехом махнул рукой Валерий.

– Ой, зайчик мой, так не пойдет! – Лихо опрокинув вместительную кружку пива, Конкордия ласково потрепала ланисту по кудрям.

– Ну, почему нет-то? – удивился тот. – Чего тогда девок привела? Пиво пить мы и одни можем.

– Да я ж не про то, зайчик! – Старуха ухмыльнулась, поправив на голове закрывавшую волосы митру. – Если доверить выбор мужчинам – до драки скоро дойдет, верно?

– Ну, верно... А ты мудра, женщина!

– Я знаю. Так что пусть уж лучше мои девушки сами выберут. Он все красивы и искусны в любви, так что вы, парни, не сомневайтесь. Пейте, пейте... Мои козочки сами к вам подсядут. К каждому! Уж поверьте, ласками не обделят никого.

Не обделили, да... Уселись, улеглись, кто уж как сумел... вот уже начали целовать, обниматься... кое-кто и разделся уже... А музыканты наяживали, играли все громче и громче, так что некоторые уже пустились в пляс.

Тут она и подошла.

– Можно, я с тобой сяду?

– Садись. – Виталий поспешно подвинулся, давая место. – Выпьешь что-нибудь? Пиво, вино... впрочем, вина, кажется, уже нету.

– Пиво. – Девушка улыбнулась.

По виду она ничем не напоминала проститутку – чистое юное лицо, грустный взгляд.

– Ну, за знакомство... Тебя как зовут-то?

– Алезия.

– Как, как?! – Виталий едва не поперхнулся, разом вспомнив маневры и васюкинские уголья, где все это началось.

– Есть такой город.

– Знаю, – молодой человек усмехнулся. – Крепость в землях эдуев.

– Алезия – крепость мандубиев! – с чувством воскликнула девушка, но тут же сникла. – Когда-то была... А теперь принадлежит арвернам.

– Ты пленница? – тут же догадался Виталий.

– Да.

– Я тоже.

– Знаю. Ты не назвал свое имя.

– Беторикс.

– Беторикс?! Это галльское имя... но ведь ты не галл, пожалуй. Слишком хорошо говоришь по-латыни. И не знаешь галльского... Ведь не знаешь?

Вот пристала-то! А с виду скромница.

– Ну не знаю. И что?

– А я знаю! – Девушка улыбнулась. – Ты – германец. Там много племен.

– Пусть так, – отмахнулся Виталий. – Здесь меня зовут Тевтонский Лев. Но Беторикс мне больше нравится...

– Да, это красивое имя. Подобные имена у нас носят вожди, ведь «рикс» и значит «вождь». Знаешь, почему я выбрала тебя?

– Почему?

– Ты не такой как все, я это чувствую. Человек из далекого далека... Ты сказал, германец? Не очень-то похоже. – Темно-голубые, глубокие как океан, глаза Алезии смотрели без насмешки, серьезно и строго. – И... в тебе есть доброта, я ее тоже чувствую.

– А что еще? – Молодой человек потянулся к кружке.

Девушка снова улыбнулась:

– Много чего! Чувствую, что ты хочешь обладать мной... Я тоже хочу. И вовсе не потому, что ты сегодня победил. Пойдем?

Виталий повел плечом:

– Что, вот прямо так, сразу? Даже не посидим?

– Мы посидим вдвоем. А здесь уже так много пьяных.

– Сатурналии!

– Да, Сатурналии. Но все же нужно себя блюсти.

Молодой человек удивленно поднял брови: ишь ты – блюсти! Кто бы говорил-то!

Посмотрел внимательно на девчонку...

– Ладно, пойдем.

Поднялся... и замер. Куда же ее вести? Не в карцер же? А нового жилища во всей этой суматохе ланиста еще не предложил, хотя и обещал. Нет, карцер точно отпадает. Тогда...

– Ты подожди, ладно?

Беторикс подошел к ланисте:

– Слышь, Валера. Я тут с девушкой...

– Ну, очень за тебя рад, клянусь всеми богами!

– Я не про то... Ты ведь все равно к центуриону уходишь. Можно мы у тебя пока... Ну, не в карцере же в самом-то деле...

– В карцере? При чем тут карцер... А-а-а!!! – Ланиста с силой хлопнул себя по лбу. – Вон ты про что. Ну, иди ко мне, я на третьем этаже живу, хозяин дома покажет. Но! Будешь мне должен, дружище!

– Все что угодно.

Поблагодарив, молодой человек спешно вернулся к Алезии – и вовремя, ибо к ней уже клеился изрядно захмелевший Альпийский Тигр.

– Эй, эй, Северьян! – Беторикс стукнул коллегу по плечу. – Отвали, это моя девушка!

– А? – Парень обернулся и нехорошо прищурился, однако, узнав боевого соратника, улыбнулся. – Твоя? Тогда ухожу. Будем еще ссориться из-за девок. Только... у нее глаза синие...

– Не синие, а голубые.

– Дашь потом рассмотреть... гм... поближе?

– Там видно будет.

Схватив девчонку за руку, Виталий поспешно повел ее за собой к доходному дому.

Хозяин, похожий на крысу мужичок с вытянутым лицом и хитрыми бегающими глазами, поначалу проявил осторожность.

– Что значит – ланиста разрешил? Какой еще, на хрен, ланиста? У меня приличный дом – никаких ланист здесь нет и быть не может.

Пришлось развязать висевший на поясе мешочек – слава Меркурию, один золотой Виталий успел разменять – и бросил домовладельцу серебряшку. Та мгновенно исчезла – Беторикс глазом не успел моргнуть!

– А-а-а!!! – Радостно осклабился хитроглазый. – Так вы друзья господина Валерия Флакка?! Так бы сразу и говорили. Хочу вам сказать, господин Флакк – очень и очень достойный молодой человек. Очень и очень достойный. Хотите его подождать? Пожалуйста, поднимайтесь... Тит! Куда ты запропастился, глупый мальчишка? А ну, живо проводи гостей! Может, желаете вина или еще чего-нибудь? Так вы скажите Титу...

Пришлось бросить монету еще и мальчишке. Этак никаких сестерциев не напасешься! Но вина, конечно, Виталий заказал, чего уж? Хитрый домовладелец, само собой, винишко попридержал, не все гладиаторам выкатил, оставил и для постояльцев.

– Да-а-а...

Окинув взглядом апартаменты, Тевтонский Лев несколько заколдовался. Не сказать, чтобы господин ланиста жил в пошлой роскоши или в полном непотребстве, но стиль загромождавших большую комнату вещей можно было назвать даже не эклектикой, а скорее винегретом. С миру по скрепке – голому кольчуга. Какие-то колченогие стульчики, кресла, шкафчики, все из разных пород дерева и настолько безвкусно подобранные, что хотелось расплакаться или захохотать. А если еще прибавить целую кучу разномастных светильников, свечные огарки, какие-то блюда, кувшины...

– Ничего. – Усевшись на ложе, Алезия подняла с полу блюдо и улыбнулась. – Здесь много красивых и дорогих вещей.

В дверь постучались – мальчишка принес из таверны вино и оливки с сыром.

– Выпьешь? – Виталий посмотрел на девушку.

– Да. – Та кивнула.

Выпив, Алезия поднялась на ноги и грациозно сбросила плащ, оставшись в одной короткой тунике без рукавов, с глубоким разрезом на груди. Снова улыбнулась, потянулась к кувшину с вином...

– Я налью.

Виталий поспешно протянул руку, да так неловко, что едва не уронил кувшин... хорошо, Алезия успела подхватить... Глаза молодых людей встретились... И вот уже губы слились в поцелуй, сначала робко, а потом уж и в полную силу. Рука гладиатора проникла в разрез, лаская девичью грудь, упругую, с набухшим соском... И вот уже туника соскользнула с плеч, и молодой человек осторожно опустил девчонку на ложе, с жаром целуя в грудь, в пупок, над которым расправил крылья небольшой синий журавлик...

Бездонное море страсти нахлынуло, поглотило обоих, увлекая на самое дно, откуда, казалось, уже невозможно было выплыть. Да и не хотелось.

Алезия разбудила Виталия ранним утром.

– Беторикс... мне пора.

– Что? Ах... уже уходишь? – Молодой человек живо обхватил не успевшую еще одеться девчонку за талию. – А что если я тебя немного задержу?

И тут же, посмотрев подружке в глаза, накрыл ее губы своими, лаская нежное и гибкое тело со всей вновь нахлынувшей страстью, как очень часто бывает, когда вроде бы пора уже и расстаться после бурно проведенной ночи, когда попрощались уже, но... Алезия не сопротивлялась. Лишь потом...

– Ах, милый мой... можно наконец я оденусь и пойду?

– Ты... тебе было со мной хорошо? Ответь честно.

– Хорошо. – Похоже, девчонка ничуть не лукавила. – Клянусь Везуцием и богами плодородных полей.

– Приходи еще.

– Ты этого хочешь?

– Да. Так придешь?

– В свободное от работы время? – Девушка грустно усмехнулась, хотя ее явно тянуло заплакать. – Я... я здесь недавно... И поверь, убила бы себя, если бы... Впрочем, к чему тебе знать?

– Что знать?

– Ничего. Прощай.

– Пстой! – Глadiator ухватил ее за руку. – Ну, пстой же... Я даже не знаю, как сказать... В общем – хочешь жить со мной? Только со мной. Я попрошу ланисту, и у меня есть кое-какие деньги, хватит заплатить Конкордии за несколько месяцев.

Алезия отвернулась к окну, нервно теребя край плаща.

Виталий подошел сзади, обнял:

– Ну, так как?

– Предлагаешь мне стать твоей наложницей? – Девушка резко обернулась, в бездонных голубых глазах ее вспыхнуло презрение. Вспыхнуло и тут же погасло. – Впрочем, пожалуй, для меня сейчас это лучший выход. Коль уж я не вправе себя убить...

– О чем ты говоришь?

– О своем... Что ж, я согласна, если ты все устроишь. В конце концов, ты мне не противен, и, самое главное, тебе есть за что ненавидеть римлян, а это для меня кое-что значит, поверь!

– Вместе будем ненавидеть? – рассмеялся Виталий.

Алезия вновь сверкнула глазами:

– Не просто ненавидеть... Мстить!

Поцеловав на прощанье будущего сожителя, девушка быстро ушла, а гладиатор все же дождался ланисты, вот только поговорить с ним не смог: Валерий был невменяем, в комнату его принесли рабы Сульпиция. Раздели, поместили на ложе и вопросительно посмотрели на Тевтонского Льва.

Пришлось и им дать сестерций, а разговор с ланистой отложить на вечер, когда Валерий, жалуясь на головную боль, спустился во двор. В этот день тренировок не было, поэтому сам Виталий успел выспаться.

– Валера, у меня к тебе дело – на миллион! – издалека начал гладиатор.

– На миллион чего? – Ланиста пригладил кудри. – Старых бронзовых ассов? Так они никому не нужны, их и не чеканят уже... Ладно, ладно, шучу. Что там у тебя?

– Почему мы зарабатываем деньги только во время игр?

– Ну... – Валерий хитро прищурил левый глаз. – Некоторые – не только. Ну, говори, говори же, не тяни кота за хвост.

– Предлагаю открыть сувенирную лавку. Прямо тут, у наших ворот, Клавдия можно на первое время посадить торговать, он человек честный...

– Пстой, пстой, пстой! – Скривившись, ланиста закрыл уши. – Ну, сколько тебе уже говорить, не употребляй этих своих дурацких германских слов. Ну, непонятно же ничего, право!

– Говорю, у ворот надо открыть лавку!

– Так... И чем торговать?

– А всем! Возле нас вечно народ толчется, особенно девчонки-поклонницы. Им можно вино продавать, пиво, водичку. А еще за определенную сумму пускать посмотреть тренировки.

– Хо! Отбираешь хлеб у нашей охраны, дружище?

– Ничуть! Они мелочатся с этой своей дыркой в воротах...

– А ты предлагаешь всех любопытных прямо в школу пустить?!

– Зачем прямо в школу? Построим помост.

– Хм... – Господин Ну трезвел на глазах, все ж таки ушлый был парень, несмотря на юный возраст: свою выгоду видел сразу, разжевывая ему полезные проекты не приходилось. – Ну-ну, излагай дальше.

– В лавке будем продавать разные вещи, но с нашими именами, к примеру, на блюде напишем «Красавчик Апис», даже его можно нарисовать. А еще заказать туники из дешевой ткани, а потом стойкой краской сделаем на них надписи: «Каррит Фракиец порвет всех!» или

«Альпийский Тигр – лучший!» Такие надписи и рисунки можно делать на чем угодно: на кружках, тарелках, кувшинах...

– Так-так-так! – Валерий уже потирал руки. – Я даже знаю, кому дать заказы. С кукольным еще договорюсь, только ведь он, гад, запросит дорогого.

– Можем и сами нанять кого-нибудь. Экое дело – кукол-гладиаторов мастерить...

– Ну, не скажи, в каждом деле свои трудности есть. Ладно, подумаем. Куклы, кстати, у меня и сейчас есть, от игр остались, я совсем про них забыл тогда. «Каррит Фракиец», «Красавчик», «Германский Ветер». А лавку можно в старой сторожке открыть, все равно ее перестраивать нужно. Думаю, за неделю управимся. Только Клавдий в продавцы не годится, ему и в школе дел хватит. Ладно, найдем кого-нибудь... Что ты так смотришь? А-а-а, понимаю... – Валерий ухмыльнулся и, зачем-то оглянувшись по сторонам, четко произнес: – Одна двадцатая часть доходов – твоя. Это не так уж и мало.

– Согласен. – К явной радости ланисты, Виталий тут же кивнул. – Только я сейчас не об этом, а о продавце. Есть у меня на примете одна хорошая девушка...

– Девушка?!

– С которой я бы хотел жить, – твердо закончил гладиатор.

– Ну... – Владелец школы озадаченно почесал голову. – Я не против, конечно, чтобы ты взял себе сожительницу, ничего в этом такого необычного нету. Но... когда ты успел познакомиться-то? И где? Неужели вчера? Так что же, избранница твоя из девушек старухи Конкордии? Так надо понимать, что ты берешь в жены... Ладно-ладно – в сожительницы... прости... – Ланиста вдруг махнул рукой и вздохнул. – А впрочем, живи с кем хочешь. Кого же еще брать в жены несчастному гладиатору или бедолаге ланисте, как не проститутку или актрису? Что ж... С Конкордией я поговорю.

– Если надо заплатить, ты знаешь, у меня еще есть деньги.

– Ну, заплатишь... Не думаю, что старуха возьмет дорого... Хотя дешево тоже не возьмет. А сожительницу свою ты прочишь в лавку, я верно понял?

– Именно так, господин.

Зачем ему вдруг понадобилась эта девчонка, Виталий не мог бы толком объяснить. Ну, переспали. Ну, красивая... очень. И что с того? Секс – не повод для знакомства, на всех не женишься. И чем только приворожила его эта Алезия? Видать, глазами своими бездонными и всем прочим... Он, Виталий, сам ей предложил, за язык никто не дергал. Обещал все устроить, а значит, надо делать. И все уже почти устроено. Пусть этой девушке раз в жизни повезет. Пусть выберется из своего гнусного лупанария, проживет нормальной жизнью хоть немного, а сколько это все продлится – один бог знает. Виталий ведь вовсе не собирался свою жизнь провести в Нарбо – нужно было пробираться в Косматую Галлию, в земли арвернов и их вождя Верцингеторикса. В Кельтику, как назвал те территории Цезарь. Там будет какая-то надежда вырваться обратно в свой мир, а здесь – никаких шансов. А девушка сама оттуда родом, должна на местности хорошо ориентироваться. Он ей поможет, она ему...

По приказу ланисты «молодоженам» выделили каморку в западной части казармы. Была она невелика, но Алезия вскоре привела жилье в приличный вид, а сама начала торговать в лавке. Дни летели быстро, Беторикс и сам удивлялся, как это он все успевал: с утра тренировки, вечером обсуждение «бизнес-плана», ночью... О, ночи были бурные! Правда, Алезия оказалась девушкой умной, оставляла время и на сон. Нужно ведь работать, одной любовью сыт не будешь.

К парочке приклеилась кличка «новобрачные», хотя, по римскому праву, семейный союз раба и рабыни считался простым сожительством. Тем не менее, Алезия делала все, чтобы придать этому сожительству вид настоящего законного брака. А в душе Виталия постепенно вызревало то самое чувство, которое иные называют любовью. Эта случайная встреча изме-

нила жизнь молодого человека настолько, что он и сам мог бы испугаться, если бы дал себе время над этим задуматься. Но Виталий не вдумывался – неохота было, настолько ему стало вдруг спокойно и хорошо.

Алезия! Алезия! Это имя он готов был повторять каждый миг и что угодно сделал бы для этой девушки, своей невольной супруги. Как быстро вспыхнула любовь – зажглась, разгорелась костром, да таким, что искры во все стороны и жаркое пламя – до неба, до самых звезд, до солнца...

А что чувствовала девушка? Виталию хотелось верить, что не только благодарность – и не верилось. Но если это и вправду любовь – до чего же не вовремя нахлынуло это чувство! Виталий ведь собирался воплотить в жизнь свой план! Впрочем, Алезия могла и помочь, стать союзницей в нелегком деле. И в придачу опасном, из-за чего Беторикс спрашивал себя: а имеет ли он право рисковать чужой жизнью? Ведь если их поймают... О, римляне знали толк в казнях!

Однако лучше всего было спросить саму Алезию, что Беторикс и сделал. В это время они сидели в лавке, подсчитывая дневную выручку.

– Один сестерций, второй... Дупондий... а это что за монета?

– Это статер, милая. Ваш, галльский, статер, сделан по образцу греческого.

– Наш? Нет... Это денежка эбуронов!

– Но они ведь тоже галлы!

– Все галлы разные, дорогой, и эбуроны – наши давние враги. Как и аллоброги.

– А что же эдуи, арверны?

– С ними отношения сложные.

– Давно хотел спросить тебя, милая... – Оборвав фразу, гладиатор выдержал паузу.

– Хотел, так спрашивай. А лучше подожди, пока я все сосчитаю.

– Ты ведь хотела бы вернуться домой, на свою родину?

– Домой? – Алезия оторвалась от подсчетов. – А что это ты спросил про дом? Разве наш дом не здесь?

– Это не дом, – грустно усмехнулся Беторикс. – Это казарма. Я имею в виду нечто иное...

Последние слова молодой человек произнес на языке галлов, коему начал усердно учиться у сожительницы.

– Да что ж ты все смеешься, милая?

– Так, – девушка фыркнула. – Ты очень смешно говоришь! Так тянешь звуки... Ой, извини, если обидела.

– Да ладно, – отмахнулся гладиатор. – Прошедшее время как обозначается – «бо»?

– «Бо» – это будущее.

– Его-то нам и надо.

Беторикс внимательно посмотрел на «жену». Ну до чего же красивая девушка! Но было ли на самом деле любовью то сильное чувство, которое вдруг вспыхнуло в груди? Или просто восхищение, привязанность... Не так-то легко найти ответ на этот вопрос – ведь чувства проветриваются временем. А времени прошло – какая-то пара недель или чуть больше.

– Что скажешь, милая? Ты сумеешь найти дорогу домой?

– Уж не беспокойся, – тихо отозвалась Алезия. – Когда придет время – найду.

– И когда это время придет?

– Какое? – В голубых глазах сверкнула хитринка. – Будущее, прошедшее, настоящее?

Виталий негромко расхохотался:

– Ла-адно, не хочешь – не говори. И все же, я надеюсь, настанет такой момент, когда ты поверишь мне и все-все расскажешь.

– Я уж и так рассказала тебе все, что смогла, милый...

Отодвинув разложенные на маленьком столике монеты, Алезия обняла спутника жизни и крепко поцеловала в губы. И целовала долго-долго, никак не хотела отпускать... да он и не особо-то вырывался. Прижал подругу к себе, погладил, нащупывая под тонкой тканью туники косточки позвоночника, ямочки на пояснице... потом руки скользнули вперед... к груди... а затем – вниз, к подолу...

– Постой, постой... – тяжело дыша, прошептала Алезия. – Давай-ка закроем дверь.

Закрыли, стащили друг с друга туники... Беторикс со стоном поцеловал юной женщине грудь... животик... и тут же, оглянувшись, захлопнул крышку большого сундука с куклами, на нем и улеглись...

Ой, бедный сундук – как он скрипел, казалось, вот-вот развалится.

Вот всегда так! Стоило Виталию завести речь о чем-то важном, Алезия находила способ прекратить разговор – видно, не хотела обсуждать подобные темы. Неприятно ей было ворошить прошлое? Или тут что-то другое?

И как ни близки они были, Виталий подспудно чувствовал, что возлюбленная не доверяет ему до конца, что есть у нее, да и в ней самой, некая тайна. Вот, например, о себе она говорит, что из простых земледельцев, но знает латынь слишком хорошо для крестьянской девушки. Уверяет, что жила в богатой усадьбе, всех обитателей которой убили римляне. Ну, допустим, это может быть.

– А-а-ах!!! – застонав, Алезия прикрыла глаза, выгнулась, потом расслабленно улыбнулась: – Сундук-то не развалился?

– Тогда бы мы с тобой уже были на полу.

– Пока держится, значит, а так скрипел, я думала, конец ему пришел. Наверное, в казарме слышно.

– В казарме вряд ли, а во дворе – может быть.

– Во дворе – не знаю, господа мои, а вот тут, за дверью слышно очень хорошо! – вмешался в диалог третий голос.

Любовники одновременно вздрогнули и переглянулись. Потянувшись за туникой, Беторикс подозрительно покосился на дверь:

– Эй! Кто там подслушивает?

– Ну, ничего себе – подслушивает! Стучусь к вам, все кулаки отбил, и никакого ответа. Одни стоны да скрип.

– Так входи же!

– Как я к вам войду, если вы на засов закрылись?

– И правда. – Алезия наморщила носик и рассмеялась. – Впусти его, милый. Судя по голосу, это какой-то мальчишка.

– Да-да, я Браст, мальчик из винной лавки.

– Ну, заходи, заходи... Или тебе нужен ланиста?

– Нет, его я уже видел, и господин Флакк сказал, чтоб я переговорил с Алезией. Это ведь ты, да? Ого! – Вошедший мальчишка так и застыл на пороге, во все глаза глядя на голую женщину.

– Ой, ты что не оделась-то? – спохватился Виталий.

– А ты, прежде чем дверь открывать и людей приглашать, мог бы обернуться и посмотреть, успела ли я одеться!

– И то правда! – покаянно согласился Виталий и набросился на мальчишку: – А ты что устался? Сейчас как дам по голове кружкой!

– Да за что же по голове-то?

– И правда, за что? – Алезия неторопливо надела тунику и потянулась. В Риме нагота вообще считалась естественной и не постыдной. – Ну, так зачем ты ко мне пришел, Браст?

– Мой хозяин сказал, чтоб мы доставили вино прямо в вашу лавку. Вот я и пришел узнать: когда везти-то?

Судя по виду, мальчишка был не рабом, да и не таким уж бедняком: вихры не стрижены, обут в сандалии, необходимую в зимнее время вещь, длинная, почти скрывающая коленки шерстяная туника подпоясана тонким ремешком, к которому привешен шегольский гребень и даже мешочек для денег, все как у взрослого.

– Когда? – Алезия задумчиво прикусила взятый со столика стилос, будто школьница, решающая трудную задачку. – А когда ты можешь?

– Как скажете. – Мальчишка пожал плечами. – Мне все равно. Вы ведь четыре конгия заказывали?

– Да, да, пол-амфоры.

– Доставлю, когда хотите. И вот еще что... можно на гладиаторов посмотреть? – просительно произнес Браст.

– Смотри! – Беторикс приосанился. – Я и есть гладиатор.

– Не-а. – Мальчик замялся и сунул палец в нос. – Мне бы когда они сражаются. Ну, тренируются. И вот бы хоть с кем-нибудь парой слов перекинуться... или руку пожать, а?

– Помост выстроим – приходи, – Виталий рассмеялся. – Много, по старой памяти, не возьмем. А руку можешь и мне пожать, не жалко.

– Правда, а? Мне ж на арене хочется... ну, почти на арене... Когда я вино привезу – можно будет? Ну, хоть одним глазком? Ну, пожалуйста...

– Тьфу ты! – в сердцах выругалась Алезия, вернувшаяся тем временем к подсчету выручки. – Ну, вот, снова сбилась. Да пусть смотрит, о чем речь?

– Благодарствую! – обрадовался юный коммерсант. – Так скажите, когда привезти-то?

– Завтра вечером, в десятом часу. Сможешь?

– Ну, конечно!

– Мы как раз тренировку заканчиваем, так что все увидишь и сильно не помешаешь.

Боясь, как бы не передумали, «винный мальчик» кинулся на улицу, но в дверях ненадолго застыл, обернулся:

– А красивая у тебя женщина, гладиатор!

– Иди уж, ценитель прекрасного, пока пинка под зад не получил.

Алезия расхохоталась, а потом, подмигнув «супругу», пожаловалась:

– Ох, уж этот сундук... Надо будет у ланисты другой попросить.

– Что-что?!

– Я говорю, ты что-то спрашивал про галльские дороги?

– Да, милая, спрашивал, – насторожился Беторикс. – Рад, что ты не забыла.

– Дорога простая, – усмехнулась девушка. – Вверх по Радоне-реке до города Кабиллона.

А там посуху, через леса, луга, перевалы – в Бибракте и дальше, в Алезию.

– Бибракте – это крепость эдучев?

– Не только крепость, но и священное место. Город мертвых голов.

– Да-да, я знаю про милый обычай отрезать людям головы, – Беторикс скептически хмыкнул.

Голубые глаза Алезии вспыхнули гневом:

– А чем лучше устраивать гладиаторские бои, заставляя ни в чем не повинных рабов убивать друг друга на потеху толпе?

– Ничем, согласен.

– К тому же у мандубиев этот обычай давно забыт.

– Значит, вы цивилизованные люди и не отрезаете побежденным врагам головы?

– Да что ты с этими головами пристал-то?!

– Я – пристал?! Я?!

– Ссоритесь? – В лавку заглянул Клавдий. – Молодцы! Настоящая семейная пара! А я уж хотел было напроситься к вам на ужин. Обычно я с Красавчиком и Карритом трапезничал, но Красавчик нас покинул, а Каррит в последнее время что-то не в духе. Как и Германский Ветер.

– Конечно, конечно, – закивал Тевтонский Лев. – Поужинаем вместе, сейчас загляну в таверну, возьму хорошей еды и кувшинчик вина.

– А тебя охранник-то пропустят? – усомнился ветеран.

Гладиатор пожал плечами:

– Конечно! Я ведь почти каждый вечер хожу к Валерию с докладом.

– А я и забыл! Что поделаешь – старость. Ну, как торговлишка? – Клавдий повернулся к Алезии.

– Полдюжины блюд продала, – улыбнулась девушка. – И пару кружек.

– А куклы что, не брали?

– Так сегодня девчонок мало было, в основном все люди солидные – селяне из ближних деревень.

– Ясно.

Благодаря Клавдию ссора так и не разгорелась, чему Виталий был, конечно, рад...

Следующий день выдался хмурым, по-настоящему зимним: небо затянули низкие сизые тучи, резко похолодало, только что снег не валит, зато с самого утра зарядил нудный мелкий дождик.

Тренировок, естественно, никто не отменял, да гладиаторы и не чувствовали холода – помаши-ка тяжелым учебным мечом, живо согреешься! Ближе к вечеру явилась Алезия, привела, как и обещала, Браста, мальчишку из винной лавки:

– Ну, вот они, гладиаторы! Смотри!

– Вот здорово! – Хлопнув в ладоши, парнишка восторженно округлил глаза. – А кто из них самый-самый? Я про Красавчика Аписа слышал... и про других.

Виталий расхохотался: уж больно забавным показался восторг Браста.

– Ты вино-то привез, парень?

– Да, и даже успел разгрузить, – ответила за мальчишку Алезия. – Ладно, пойду я.

– Сегодня приду поздно, – предупредил Виталий. – Надо зайти к ланисте.

Подруга обернулась:

– Кстати, его тут Юний спрашивал. Ну, тот самый парень, с кем ты меня знакомил, велит... Прозвище еще у него такое смешное... ммм... то ли Камидус, то ли Лапидус...

– Каллидус, – поправил Виталий. – Что значит «хитрец».

– Именно так. Он, верно, в лавке еще.

– В лавке?

– А где ж ему еще быть? Кто его сюда пустит?

– Ладно, передай, пусть обождет, мне бы с ним потолковать нужно.

– Ой, милый, тебе со всеми потолковать нужно. И как только язык не заболит?

Беторикс хмыкнул: вот ведь язва! Действительно, в последнее время много с кем разговаривать приходилось – все по торговым делам, по просьбе ланисты, естественно.

Сдав оружие, Тевтонский Лев зачерпнул из стоявшей у входа в казарму амфоры холодной дождевой воды и с наслаждением смыл с себя пот. Потом натянул тунику и, надев кальцеи, зашагал в лавку, искоса поглядывая на «винного мальчишку» Браста, который оживленно беседовал с вечно хмурым Фракийцем. Ишь ты, нашли общий язык! Кто бы мог подумать?

– Салве, Юний! – Войдя в лавку, Виталий улыбнулся.

Он действительно был рад видеть велита, своего бывшего хозяина, продавшего его ланисте. Но в чем его винить? Такие времена – ничего в этом нет необычного, тем более личного. Да хороших знакомых у молодого гладиатора было еще не так много: Клавдий, Северьян, с

большой натяжкой – Красавчик. Ах, ну да – ланиста еще. В целом Гай Валерий Флакк был неплохой парень, даже по-своему добрый. Все ланисты не желали смерти гладиаторам – прямой убыток, но Валерий при этом еще отличался дружелюбием и открытостью: с лучшими из бойцов был готов общаться на равной ноге, охотно воспринимал новое и полезное.

– Салве, Тевтонский Лев! – Юний тоже обрадовался. – Видел, как ты сражался. Да, я не зря поверил в тебя. Послушай-ка, а где Валерий? Мне бы с ним срочно увидеться, а его дома нет. Ни во дворе нет, ни в школе.

– Я его сегодня вообще не видал, хотя утром он обычно заходит. – Гладиатор пожал плечами. – К вечеру явится, если к старухе Конкордии не заглянет.

– Ох уж эта старуха! – Смущенно улыбнулся велит. – Кто только к ней не захаживает. Говорят, сам центурион – и тот оттуда не вылезает...

– Ну, насчет центуриона не знаю. Пойдем-ка на улицу, поговорим.

Беторикс пользовался сейчас свободой куда большей, нежели прочие гладиаторы, исключая, конечно, «звезд»: мог позволить себе посидеть на скамеечке возле лавки, подышать воздухом свободы. Чуть-чуть. И не очень долго – со сторожевой башни у самых ворот за ним бдительно наблюдал часовой. Далеко не убежишь – живо кликнут охрану. Ладно, «на дурака» побег не устраиваются.

– И зачем мы сюда вышли? – Молодой воин поежился от дождя. – В лавке-то хоть сухо.

– Зато здесь воздух свеж! – ухмыльнулся Виталий. – Слушай, Юний, я вот иногда думаю, вспоминаю... Ты не помнишь ту виллу, где меня взяли в плен?

– Не, точно не вспомню. – Юноша отмахнулся. – Мы там много вилл пожгли.

– А это ведь земли арвернов были?

– Нет, там сеноны. Или даже эдуи. Не все племена поддерживают нас, есть и мятежники.

– А город, есть там какой-нибудь город рядом?

– Бибракте, Алезия, но это не столько города, сколько крепости.

– А сколько примерно от Алезии до Бибракте?

– Не знаю, – Юний повел плечом. – Я ведь не был ни там, ни сям. Так, слышал кое-что. Миль шестьдесят, семьдесят, может, чуть больше. Короче, три дневных перехода, где-то примерно так.

Три дневных перехода – около ста километров. Но как же поточнее узнать, что там была за вилла?

– Значит, ты ту адифицию не помнишь?

– Нет. Говорю же, много их было.

Что ж, придется искать между Алезией и Бибракте. Методично обследовать каждую заброшенную усадьбу, не тысяча же их там и даже не сотня. Десятка два от силы.

О! Может, центурион что-то помнит? Он же командир, начальник, ему по должности положено знать больше всех.

– Как там ваш центурион, Марк Сульпиций?

– Собирается в Рим, – хмуро отозвался Юний. – Завтра с утра отправляется.

– В Рим?

– Да. Жаждет приобрести там какую-то важную должность. Получит, не сомневаюсь – Цезарь везде расставляет своих людей, тем более таких известных, как Марк Сульпиций Прокл. Он ведь стал очень популярен после игр на Сатурналии. Знал, что делал.

– Так-та-ак... – Гладиатор задумчиво посмотрел вдаль. – А тессарий ваш, Луций, тоже в Рим едет?

– Нет, – засмеялся юноша. – Кто его туда позовет-то? Опытные воины и в легионе нужны. Тогда вся надежда на Луция – хотя что может запомнить туповатый служака-сержант?

А впрочем, люди прежних эпох были внимательны к деталям и памятьливы. Когда навигаторов и даже простых карт с компасами не существует, поневоле научишься сам ориентироваться.

роваться и запоминать. Вспомнить бы подробнее, что происходило на той вилле, чтобы свидетелям было легче воссоздать в памяти остальное. Но что там случилось – да ничего! Ну, выскочил из эргастула как-то чудной галл, ну, схватили его... Эка невидаль.

А вот в той усадьбе, где ночевали в первый раз после этого – совсем другое дело! Тут и оргия, и девчонка ранила командира, а сам Виталий сорвался в побег – столько происшествий кто-нибудь да вспомнит. Отсюда и нужно плясать.

– Ладно, пойду я. – Велит запахнул плащ поплотнее. – Вечером, может, еще загляну.

– Постой... – Гладиатор придержал его. – А помнишь, я от вас чуть не убежал? Еще там всю ночь пировали, притащили пленниц...

– А-а-а! – Вспомнил наконец, вспомнил. – Девочек-то на всех не хватило, и Коморий... Да-да...

– Где это было-то?

– Точно не скажу, но... – Юний задумался. – Слева от дороги между Алезией и Бибракте. Где-то на полпути.

– Но у дороги, точно?

– Что же мы, оврагами, что ли, шли бы? А ты чего спрашиваешь – память отшибло? Не помнишь, где раньше жил?

– Вроде того...

Простившись с Каллидусом, Виталий вернулся во двор – пора уже было выгонять Браста, и так мальчишка загостился.

– Эй, эй, парень! – Тевтонский Лев помахал рукою.

Парнишка обернулся – к этому времени он беседовал с Германским Ветром. Наверное, расспрашивал о совершенных на арене подвигах.

– Все, пора уже.

Кивнув собеседнику, «винный мальчик» послушно побежал к воротам. Обернулся, дожидаясь, когда отворят калитку, благодарно тряхнул головой. Тоже еще – фанат.

Вечером, когда стемнело, Тевтонский Лев, как обычно, отправился в доходный дом к Валерию. Охранники привыкли к его почти ежедневным визитам, да и ланиста данное не так давно распоряжение не отменял: Виталия пропустили беспрекословно.

Миновав расположенную на первом этаже таверну, уже заполненную шумными посетителями, Беторикс остановился у лестницы, поманил хозяйского служку Тита:

– Сбегай к Валерию, доложи. На вот.

В шустро поставленную ладонь улегся латунный дупондий.

– Слушаюсь, мой господин! Сейчас, живенько сбегаю.

Мальчишка убежал вверх по лестнице, Виталий терпеливо ждал: являться к жильцам без предварительного доклада здесь было не принято. Валерий, конечно, был человеком простым, но совершенно незачем его унижать без особой на то надобности. Да и хозяин доходного дома тоже такое своеволие не одобрил бы.

Гость ждал уже минут пять, а Тит все не возвращался. Не выдержав, Виталий выбрал подходящий момент, когда хозяин отлучился в погреб, и живо взбежал на третий этаж.

И сразу же услышал жалобный плач, сопровождаемый характерными звуками, будто кого-то бьют.

– Куда?! – От стены отделилась чья-то тень.

Не раздумывая, гладиатор ударил на голос – попал кому-то в скулу, перепрыгнул покачившееся вниз по лестнице тело, с разбега врезал ногой по двери. Со звоном отлетел засов, створки распахнулись...

Здесь тускло горел светильник, и было хорошо видно, как трое незнакомых амбалов с явным удовольствием мутузят бедолагу ланисту, швыряя его от стены к стене. В углу, держась за щеку, тихонько хныкал Тит.

Виталий сразу же нанес удар одному, второму, пригнулся, пропуская над головою здоровущий кулак, похожий на пушечное ядро.

А вот уже сверкнул клинок!

Молодой человек тут же выбил его ногой, подхватил, отскочил в угол, как раз туда, где плакал слуга.

Озлобленные амбалы, бросив ланисту, словно пустой мешок, повернулись к незваному гостю. Один сжимал кинжал, второй – гладиус, но такой же теперь был и у Беторикса.

Третий, тот самый, что оказался без оружия, схватил за ножку изящный обеденный столик. Все трое приближались молча, с улыбками на лицах, и в их молчании таилась угроза.

Ишь ты, придурки. Столиком решили по башке долбануть? Но из него даже щита толкового не выйдет, не говоря уж о чем-то более серьезном.

Выставив вперед правую ногу, Виталий неожиданно подбросил меч и ловко его поймал:

– Я – Тевтонский Лев! Гладиатор. У вас очень немного времени, чтобы уйти отсюда живыми.

И, еще не договорив, совершил молниеносный выпад! На левой щеке одного из амбалов зазмеилась кровавая рана... Даже столом не успел прикрыться, идиот.

А клинок уже снова сверкнул, безжалостный, словно змея.

– Ну? Вы еще здесь?

Вся троица вихрем пронеслась мимо, не тратя времени даже на ругань и угрозы будущих расправ.

– Ох, и вовремя же ты явился, дружище Беторикс! – Постанывая и держась за печень, ланиста подполз к ложу и уселся. – Светильники мои разбросали, твари. Столик хотели сломать.

– Ты сам-то как? – участливо осведомился гладиатор.

– Да цел. – Ланиста страдальчески скривился. – По морде даже ни разу не двинули – по почкам все били, в печень... о-ох. Ты-то как, Тит?

– Жив! – Парнишка шмыгнул носом и улыбнулся. – Я только хотел спросить, только заглянул... А они мне сразу в морду. Так, слегка... но все равно больно.

– Заглянул, говоришь? – Виталий присел на корточки. – А что, на лестнице никого не встретил?

– Нет, никого.

– Их тут четверо было, – пояснил ланиста. – Потом уже один вышел, после того как ударили Тита.

– Понятно. – Тевтонский Лев подмигнул парнишке. – Ну, иди, работай, хозяин там тебя уж заждался. А мы посидим. Слышь, Валера, вино-то у тебя осталось?

– Ну, было. Да эти гады кувшин опрокинули – чувствуешь, пахнет? Эй, Тит... Вина принеси и пожевать что-нибудь, ладно?

– Слушаюсь, господин.

Парнишка вернулся быстро, как и положено вышколенному кабацкому слуге, надевавшемуся на щедрые чаевые. И не зря надеялся – ланиста кинул дупондий.

А два дупондия – это уже сестерций! Курочка по зернышку клюет, повезло сегодня парню – подзаработал. А что морду разбили, так это дело житейское, особенно когда живешь при кабаке.

– Ну? – Хлебнув вина, Виталий с интересом взглянул на ланисту. – Давай, Валера, колись: что за наезды? Бизнес хотят отнять? Что за народ беспредельничает?

– Ну, Беторикс, дружище, – поморщился Господин Ну. – Вот теперь то же самое, но полатыни! О чем ты говорил?

– Спрашиваю, кто это на тебя наехал?

– Никто не наезжал, я же не под колесницу попал на улице! Сам же видел, что тут было!

– Напал, говорю, кто?

– Одни боги знают.

– Ага. – Наполнив кубки вином, гладиатор устало вытянул ноги. – Ты давай-ка, не крути, Валера. Как-никак, а мы теперь с тобой в одной лодке. Что случилось-то? Вот так, ни с того ни с сего, никто врываться не будет, тем более по печени бить. Значит, есть причины.

– Ну, есть, – собеседник согласно махнул рукой. – Я ж тебе говорил как-то про эту суку Манлия. Манлий Кудесник – его парни это были, точно. Правда, не назвались, но я ведь не дурак, все и так понимаю.

– И чего этот Манлий хочет?

– Ясно чего! – Ланиста сплюнул прямо на ковер. – Школу мою под себя подмять – вот чего. А связи у гада этого есть, теперь все надежда на Марка Сульпиция.

– Боюсь тебя огорчить, – с сожалением покачал головой Тевтонский Лев, – но господин Сульпиций завтра в Рим отъезжает. На какую-то хорошую должность.

– Что ты сказал? – Валерий нервно дернулся, едва не расплескав вино.

– Что слышал! Юний приходил, вот и принес эту новость. Тебя хотел видеть, да...

– Юний врать не станет, – вздохнул Господин Ну. – Мой друг все-таки. Значит, и впрямь центурион уедет... А я-то, дурень, гадаю – с чего бы это Манлий так обнаглел?!

– А почему его Кудесником прозвали?

– А пес его знает! Веришь, даже не интересовался. Ну, гад... Ну, сволочь, с-сука полосатая!

– И что теперь делать? По-моему, надо давать отпор.

– Ага – отпор! Я еще с ума-то не съехал, – Валерий устало улыбнулся. – Отпор можно давать, когда есть на кого опереться. А все старые магистраты, знакомые отца, в Рим подались. Я-то на Сульпиция надеялся, думал, если что, так он всех приструнит... За игры цену ему скостил, очень даже существенно: того же Красавчика в аренду сдал по цене какого-нибудь бракатого галла. Вот! А ты говоришь!

– Да ничего я не говорю, – отмахнулся Виталий. – Твои дела, сам и думай. Но на меня можешь рассчитывать вполне.

– Спасибо, хоть на тебя! – Ланиста саркастически рассмеялся. – Ладно, выпутаюсь как-нибудь. Посмотрю, что можно сделать.

– А не боишься, что эти вернуться? – уходя, оглянулся Тевтонский Лев. – Может, прислать кого-нибудь?

– Эти? Эти не вернуться, они уже сделали все, за чем были посланы. Это просто предупреждение, Беторикс. Чтобы не рыпался, не противился тому, что вскоре произойдет.

– Слушай, ты вино присылал с мальчиком из винной лавки, – неожиданно вспомнил Виталий. – Спасибо. Вкусное такое вино.

– Вино? – Господин Ну озадаченно моргнул. – Какое еще вино? Какой винный мальчик? Никого я не присылал и ни с кем о вине не договаривался... Постой-ка! А что он делал, этот мальчишка?

– Вино привез.

– Так. Что еще?

– На гладиаторов хотел посмотреть, как они тренируются. Посмотрел.

– Говорил с кем-нибудь?

– Выспрашивал что-то у Германского Ветра, с Карритом Фракийцем беседовал.

– Так... – Ланиста поник головой. – Ясно. Не удивлюсь, если их обоих придется отдать.

Отдать пришлось завтра же, прямо с утра. Вольный человек Германский Ветер просто не стал возобновлять только что закончившийся контракт, а Фракийца купил какой-то «жучок» с товарной биржи. И ланиста хорошо знал, кем сей «жучок» был послан.

Гая Валерия Флакка сожрали очень быстро, буквально за несколько дней – стоило только уехать Сульпицию. Прощелыга Манлий Кудесник явно имел в городе куда больше покровителей, хотя его гладиаторская школа считалась более слабой. Однако скоро в ее составе оказались Германский Ветер с Фракийцем – знаменитейшие, достойные всяческого уважения бойцы.

Тевтонский Лев ждал, что вскоре придут и за ним: договорятся о привилегиях, надавят на ланисту. Горе побежденному, пусть неудачник плачет! Такова жизнь.

Оставалось одно – бежать, пробираться в Кельтику! Поскорее делать ноги, пока не затянуло окончательно в чужие разборки, хотя Валерия, конечно, и было немного жаль. Алезия же следовало прихватить с собой, особо не спрашивая, хочет она того или нет.

Однако в нынешней ситуации воплотить планы в жизнь оказалось довольно сложно. Уже через три дня после ухода Фракийца и Ветра в гладиаторской школе появился новый хозяин – господин Манлий Пульхр, по прозвищу Кудесник.

Глава 9. Январь 52 г. до Р. Х. Нарбо-Марциус

Харчевня «Сиреневый кот»

– Один... два... три... двенадцать... – ухмыляясь, громко считал удары дюжий охранник, из тех, из новых, что появились три дня назад при смене хозяина. Ибо теперь школа принадлежала Манлию, прозванному Кудесником за способность делать деньги прямо из воздуха. Этим он прославился еще в Риме, из-за этого же пришлось спешно перебраться в провинцию, бросив славную и доходную должность квестора.

Однако квестору, даже бывшему, не к лицу позорное ремесло ланисты, и Манлий, хоть и происходил из плебеев, до такого не унизился. Формально его школой управлял другой человек, и теперь, прибрав к рукам конкурирующее предприятие Валерия Флакка, он назначил вместо него очередного своего ставленника, по имени Гай Виниций. Бледный, сутулый, поганенький мужичонка с обширной лысиной и сморщенным, словно у вечно плачущего младенца лицом, он говорил тихо, без ругани, по-змеиному холодно кривил тонкие губы в улыбке. И деятельно отдавал приказы.

Заменили охранников – как видно, Кудесник не доверял людям своего поверженного соперника, что и понятно. Вновь набранных лично Манлием стражей ставили в смену ночью, вместе с двумя здоровущими псынами, специально натасканными на людей. Псины и задержали сегодняшней ночью троих рванувших в побег парней – тех самых галлов, что выжили во время декабрьских игр. Беглецы отчаянно сопротивлялись, так что после задержания в живых остался только один из них – тот упрямый юноша, что бился во время Сатурналий с Тевтонским Львом и получил отметину – крестообразный шрам во всю грудь.

И вот теперь этого парня наказывали, выстроив во дворе всю школу, чтобы другим неповадно было бегать. Чтобы знали – с прежней безалаберностью и разгильдяйством покончено навсегда.

– Двадцать два... двадцать три... две дюжины!

– Хватит! – Новый ланиста махнул рукой. – Еще окочурится раньше времени. Слишком быстрая будет смерть. Привяжите его к столбу. Пить не давать. Одежды тоже. Если увижу, что хоть кто-то к нему приблизился – наказаны будут все.

Отвязав парня от скамьи, стражники потащили его к столбу позора. Выстроенные в две шеренги гладиаторы угрюмо молчали, и каждый сейчас думал об одном: как дальше жить? Что с ними со всеми будет?

Первое время в школе царила неразбериха: прежние охранники не ладили с новыми, пару раз между ними даже вспыхивали драки. Гладиаторы-звезды – Каррит Фракиец, Германский Ветер, даже Северьян Альпийский Тигр – были тут же переведены в старую школу Манлия, по слухам, на очень хороших условиях, о которых им заранее говорил мальчишка Браст.

Вроде бы это играло Виталию на руку: ведь во всей школе теперь он один оставался в статусе, приближенном к звездному. Казалось бы, новое руководство должно носить его на руках. Но, как по секрету шепнул Клавдий, уже через несколько недель здесь ждали самых знаменитых людей, поговаривали даже о Гельветском Вепре, и для них уже начали ремонтировать помещения в казарме. А что делать с Беториксом, похоже, пока не знали, а может, даже не думали. Да, Тевтонский Лев – хороший боец, отличный даже, но... пока на его счету только одни игры, а этого слишком мало для того, чтобы считаться способным гладиатором. Так что надо еще поглядеть. Ну и конечно – Гельветскому Вепрю и другим звездным новичкам достанутся все первые места.

Так что Беторикса мало хорошего ждало в этой жизни, даже и не будь он на самом деле Виталием Аркадьевичем Замятиным, аспирантом, уверенно метившим в кандидаты наук. Утешало одно – сувенирную лавку пока не трогали, наоборот, собрались расширять, ибо пользу от нее Манлий Кудесник хорошо понимал.

А плохо было то, что новый начальник школы зачастил в лавку, где по-прежнему работала Алезия. Являлся якобы по делам, но застревал надолго, что-то рассматривал. А вчера ущипнул девушку и сказал какую-то гадость: мол, если хочешь, чтоб сожителя твоего раньше времени не убили, то... Кстати, самого Беторикса, как и других гладиаторов, в лавку больше не пускали. Ее, как и ворота, охраняли «новые», оставив «старичкам» лишь двор, казарму да черный ход, ведущий к доходному дому.

В общем, бежать следовало как можно скорее, пока не закончилась эта неразбериха с охраной.

В этот раз тренировки закончили рано – сначала смотрели на экзекуцию, потом Виниций зачем-то собрал всех стражников, а гладиаторов, как обычно, заперли в казарме. Виталий устало растянулся на ложе и задумался. Правда, долго думать ему не пришлось: снаружи лягнул засов, и в комнату вошел Клавдий с небольшим кувшином.

– Кружки у тебя найдутся, Тевтонский Лев?

– Да найдем! – Молодой человек поспешно поднялся, не скрывая радости. – Не знаешь, как там Валерий? Где он?

– Намерен ехать в Рим, выучиться на юриста или вложить пай в зерновозы. Знаешь, такие огромные барки, что возят из Сицилии зерно. Выгодное дело, а деньги у Валерия есть. Пусть немного, но для взноса хватит.

– Тем более, Рим – большой город, там можно скрыть свое прошлое, найти какую-нибудь достойную женщину... – Виталий улыбнулся.

– Да уж, – ухмыльнулся ветеран. – Наш Валерий наконец сможет жениться. Рим – это Рим, а не какая-нибудь глушь, где каждого всякая собака знает.

– Ну, за Валерия! – Гладиатор поднял бокал. – Он где сейчас квартирует?

– На постоялом дворе в торговой гавани, «Сиреневый кот» называется.

– А почему сиреневый? – изумился Беторикс.

– Все так спрашивают! Нет, чтобы спросить, почему кот.

– И почему?

– Хозяин уж очень котов любит. Подкармливает, плошки на улицу выставляет. К нему все бродячие кошки на обед приходят. А сиреневый потому, что запах цветущей сирени по весне ему тоже нравится.

– А, все удовольствия сразу, значит.

– Я ведь не только за этим пришел, – кивнув на кувшин, озабоченно промолвил старик. – Сомнения одни есть... Эти галлы, что бежать пытались, прятались у ворот среди старых амфор. Только собаки их и приметили. Вот новый ланиста и задумался: кто это так вовремя амфоры у ворот сложил? Что это – простая небрежность или умысел? Он потому и галла вполсилы наказал – не хочет, чтобы тот рано помер, надеется, что сообщников выдаст. А с этими амфорами – либо из охраны кто местечко на заднем дворе расчистил, либо твоя женщина постаралась.

– Алезия? Она-то тут при чем?

– Может, и ни при чем, а может... Но Виниций ее допросить собирается, ты имей в виду.

– Спасибо, что предупредил!

– Да чего уж там. Чай, не чужие. Дальше сам думай.

Допив вино, Клавдий ушел, и молодой человек принялся нервно мерить шагами комнату, едва не перевернув жаровню.

Алезия! Ну, как же она могла подставиться с этими амфорами. Совсем страх потеряла...

Виталий еле дождался прихода подруги – та сегодня закончила рано, солнце еще сияло в небе оранжевым шаром, словно жалело расставаться с крышами домов, кронами деревьев и мачтами зимующих в порту кораблей.

– Милая... – начал было Тевтонский Лев и осекся: на девушке будто лица не было! – Ты что так... случилось что?

– Виниций... – Алезия скорбно махнула рукой.

– Что?! Опять приставал?

– Намекал что-то про завтра, гад! Мол, сегодня ему некогда, дела у него.

– Так он ушел?

– К хозяину с докладом отправился.

– Значит, так! – Беторикс хлопнул в ладоши. – Нам нужно срочно отсюда сваливать!

– Кого... сваливать? Куда?

– Ну, бежать! Бежать, понимаешь?!

– Некоторые уже попытались...

– Ну, и молодцы! И с амфорами неглупо было придумано.

– Да, если бы не собаки! Ой...

– Так-так! – Усевшись, Тевтонский Лев взял подругу за плечи. – А ну-ка, давай, колись!

– Что... делать? Чем колоться? И зачем?

– Ну, рассказывай. Ты ведь парням помогала?!

– Ну, я. – Алезия сверкнула глазами. – Эти несчастные – секваны, а мать Кари... Кариоликса – из наших, мандубиев.

– Откуда ты знаешь? Вы были с этим Кари знакомы?

– Нет, просто у него на спине, меж лопатками, такой же журавль, как и у меня. Ну, ты видел.

– Да, видел. – Обняв подругу, Беторикс поцеловал ее в губы. – Что ж ты мне ничего не сказала! Вместе бы придумали получше.

– Тебе? Я... – Девушка отвела глаза.

– Ясно, ты мне не доверяешь! – Гладиатор нахмурился. – Собственному мужу не доверяешь, значит?

– Какой ты мне муж? Даже по римским законам мы всего лишь сожители. Тем более – по нашим!

– Знаешь, а я вот так не считаю! – Пальцы Беторикса побелели, и девушка дернулась.

– Пусти. Мне больно.

– Извини, милая. Так, давай оставим семейные сцены на потом, а сейчас подумаем о побеге. Хорошо?

– Хорошо, – Алезия неожиданно улыбнулась. – Я согласна. Но и ты извини: как же я могла полностью доверять человеку, который сам непонятно что? Ты не галл, не римлянин, не германец. А еще не так давно ты столь дотошно расспрашивал меня про дорогу на север, помнишь?

– И что?

– А то, что не получится плыть вверх по Родану, как я тебе говорила – слишком уж бурное течение. Ну, внизу еще может быть, но дальше...

– Это плохо, – признался молодой человек. – А я как раз на Родан и рассчитывал. Нас ведь будут искать. Манлий – человек влиятельный, конечно же снарядит погоню. И куда мы можем бежать – германец и галльская женщина? Ясно, что на север, на родину, больше просто некуда. А это значит, что нас будут искать по дороге на Каркасо или Немаус, то есть в землях вольков. Вольки нас и схватят.

– Да, схватят, – задумчиво повторила Алезия. – И что же ты предлагаешь, милый? Где-нибудь отсидеться?

– Отсидеться? В Нарбо? Боюсь, не получится, это тебе не Рим.
– Но тогда что же нам делать? Оставаться здесь больше нельзя, бежать тоже нельзя...
– Бежать можно, только в другую сторону, – Виталий улыбнулся и погладил подругу по щеке. – Мы подадимся на юг!
– На юг?! Ты с ума сошел! Там же море!
– Знаю, что море. Значит, нам нужен корабль...
– Корабль?
– На котором мы доберемся до...
– До устья Родана, – сверкнув глазами, решительно перебила девушка.
– Но ведь вверх по течению мы не сможем плыть, ты же сама сказала!
– Плыть не сможем, зато сможем идти или ехать. По берегу тянутся прекрасные дороги – это старинный торговый путь. Вот там нас точно никто не отыщет – народу в любое время года полно. Торговцы, бродяги, воины – кого только нет!

Виталий рассчитывал добраться на север через Испанию, однако его спутница жизни придумала куда лучше!

– Умница моя! – Молодой человек ласково поцеловал Алезия в губы. – Знаешь, я все для тебя готов сделать.

– Знаю... Ты... ты хороший. Очень.

– И ты хорошая, – улыбнулся Виталий. – Мне с тобой так хорошо, как ни с кем еще никогда не было. Однако время не терпит, бежать-то нам нужно уже сегодня. Прямо сейчас, пока Виниция нет и старая стража не сменилась – солнце-то еще не зашло.

– Да, не зашло. Но скоро сядет.

– Солнце сядет... Интересно, по какой статье?

– Что? Не понимаю... Ты часто говоришь непонятно.

Тевтонский Лев махнул рукой:

– А, не бери в голову. Сталинский такой анекдот. Сейчас о другом надо думать – как нам с тобой выбраться из школы?

– Не только нам... – Алезия вдруг упрямо склонила голову.

– Что?

– Тот парень, Кари... Мы должны взять его с собой! Он секван, а нам потом долго идти через их земли, и...

– Ну да, и мама его из рода мандубиев... Твоего, я подозреваю.

– Ты прав. Поэтому мы и должны его спасти. Если бежим вдвоем – почему бы не взять и третьего?

– В общем, да. Но только этот третий, между прочим, у позорного столба и подходить к нему строго запрещается!

– Но ведь солнце еще не село, – напомнила Алезия. – Пока на страже стоят старые охранники. Но в любом случае наше отсутствие очень быстро обнаружат.

– Значит, мы должны быть еще быстрее.

Стражники пока не прошли по казарме с вечерней проверкой, и засов на двери Виталия никто не запер. Они вышли вдвоем, с крайне озабоченным видом. Алезия направилась к воротам, где все еще лежала огромная груда старых амфор, а Беторикс зашагал к начальнику смены – грузному и неповоротливому Оресту, носившему вислые усы на галльский манер.

– Сальве, Орест.

Начальник стражи сидел на скамейке под старым платаном, блаженно вытянув ноги, и наслаждался последними красками заходящего дня, ясного и совсем не по-зимнему теплого. Небо уже сделалось темно-голубым, но над крышами соседних зданий еще торчал оранжевый кусочек солнца, и от сторожевой башенки через весь двор пролегла длинная черная тень.

– А, это ты, тевтонец! – Орест расслабленно приоткрыл левый глаз. – Слышал уже небось – всех нас скоро того... Придется искать другое место.

– То-то я и смотрю, вы все разленились, – усмехнулся молодой человек. – Я к тебе по делу. Виниций приказал срочно убрать амфоры, нас для этого прислали.

– Да вижу, вижу. – Стражник наконец-то раскрыл и второй глаз. – Давно пора убрать – ужас как воняют! Сейчас хорошо еще ветра нету...

Амфоры действительно пахли прогорклым оливковым маслом. Сей запах нельзя было убрать никак, сосуд приходилось выбрасывать, и в том же Риме из их осколков уже вознесся к небесам высоченный холм, называемый Черепковым.

– Мы их в доходный дом перетаскаем, хозяин согласился купить.

– Во! – Орест лениво удивился. – Купить! И на что понадобилась такая гадость?

– Он собрался лужу перед входом в таверну замостить.

– Что, сам будешь таскать?

– Нет, Виниций велел беглеца запрячь работать, – Виталий кивнул на позорный столб с привязанным к нему молодым галлом.

– И правильно! – захохотал стражник. – А еще хорошо выгребную яму чистить заставить. Тоже запашок недурной!

Тевтонский Лев сдержанно посмеялся. Все это должно было помочь: ссылка на грязную и неприятную работу, общая неразбериха, совершенно пропавшее желание прежних стражей достойно «тащить службу», отсутствие ланисты, наконец!

– Эй, Лициний! – Орест подозвал стражника. – Отвязывай гада. Пусть таскает амфоры в доходный дом. Тут за этим галлом присмотрят, а ты встань у дверей таверны, с той стороны.

Беторикс усмехнулся: а ведь вислоусый черт правильно действовал, по инструкции – выход из таверны запер, и теперь надо было что-то срочно придумывать.

Шестнадцатилетний галл, приговоренный к долгой и мучительной смерти скривился от боли, когда пришлось взвалить на израненное плечо разбитую амфору, но не застонал, лишь презрительно сплюнул, за что немедленно получил от стражника увесистого пинка:

– Но-но! Ишь, расплевался тут. Смотри у меня!

Амфоры, конечно, смердели, даже Виталий закрыл нос и, покосившись на идущую рядом Алезия, тихо спросил:

– И где ты только их раздобыла-то?

– Через девчонок, покупательниц. Одна дочка лавочника обмолвилась про старые амфоры, мол, некуда девать... Ну, остальное я придумала. О, боги, боги... если б не эти псы!

Оказавшись в доходном доме, гладиатор отыскал хозяина и, сунув ауреус, попросил поддержать старые амфоры на заднем дворе у выгребной ямы.

– Слушай, Тибуртиус, будь другом... Наш новый господин уж очень просил. А завтра мы их вывезем, не сомневайся.

Спрятав золотой в мешочек-кошель на поясе, Тибуртиус отмахнулся и побежал к клиентам. Вышедший на улицу стражник деловито расположился у входа. Сквозь распахнутую настежь дверь было видно, как садилось солнце.

– Эй, малый, – Беторикс ухватил за рукав туники пробежавшего мимо Тита. – Веревка срочно нужна, крепкая и длинная. Плачу сестерций! Принесешь – получишь еще один.

– Понял... – Спрятав монетку за щеку, Тит скрылся на кухне, где-то за скворчавшей плитой, и тут же вернулся уже с веревкой в руках. – Вот! Давай сестерций, господин Те...

– Тсс!!! – Молодой человек едва успел зажать парнишке рот. Не хватало еще, чтобы в таверне услышали его имя! Как раз тот случай, когда слава вовсе ни к чему. – Вот тебе твой сестерций.

Подмигнув мальчишке, он быстро зашагал к лестнице, к уборной, где ждали Алезия и юный галл. Еще издали помахал рукой, улыбнулся:

– Бросайте ваше гиблое дело. Нам туда.

Гладиатор первым поднялся по лестнице, товарищи – за ним. Алезия, видать, уже успела коротко разъяснить галлу, что к чему, и тот не задавал лишних вопросов.

– Так... – остановившись напротив второго этажа, Виталий обернулся. – Здесь слишком шикарно, могут поднять шум... Здесь... – Он замер напротив третьего. – Как-то ни то ни се... А вот тут... – беглецы наконец добрались до четвертого, – думаю, в самый раз! Слышите?

– Ах ты, подлая гадина! – доносились разухабистые голоса из комнат-клетушек.

– Ты кого гадиной обозвал, волчина гнусный? Да я тебя!

– Эй, эй, уши-то отпусти... уши-и-и-и...

Где-то скандалили, а где-то уже дрались:

– На тебе, на! На!

А кое-где нараспев читали Вергилия:

Тут недавно вино по смоленным кувшинам разлито,
Тут говорливый журчит светлой струею ручей!³

Между прочим, очень даже неплохо читали, Виталий когда-то на студенческом капустнике декламировал этот же стих, но гораздо хуже.

– Уши, уши! Пусти-и-и-и-и!!!

– Во! – во весь рот ухмыльнулся Беторикс. – Нам точно сюда. Можно в эту комнату.

И постучался:

– Эй! Хозяева! Квартиросъемщики! Ку-ку! Это из коммунальной службы пришли! Вы за ноябрь задолжали за электричество и горячую воду!

Виталия понесло, прямо как Остапа Бендера: видать, на нервной почве. Тут главное, быстро говорить, неважно что, лишь бы открыли.

К большому удивлению Беторикса, основной смысл его тирады за дверью поняли.

– Никому мы ничего не должны! – отозвался грубый мужской голос. – Пошли в овечью задницу!

– Ах, даже в овечью! – ухмыльнулся Виталий. – Совсем господа квартиросъемщики обнаглели, открывать не желают, хоть вызывай полицию. Ладно, попробуем вот сюда... Тут и дверь приоткрыта! Салвете!

Сделав первый шаг, гладиатор замер на пороге в некотором смущении. Большую часть узенькой, словно пенал, комнаты занимало такое же узкое ложе, на котором увлеченно предавались любви двое юношей. В углу пыхтела жаровня, с закопченного потолка свисал светильник на длинной ржавой цепи, узенький деревянный ставень был снят с оконца – видать, парочке стало жарко. Любовь-то – она греет, это да...

– Салве! – Перестав лобызать своего друга, один из молодых людей обернулся и подмигнул как ни в чем не бывало. – Заходи. Третьим будешь?

– Спасибо, в другой раз. Можно нам через ваше окошко пройти?

Окна частных римских домов всегда выходили во внутренний дворик, а вот доходных – куда угодно.

– Проходите, коли умеете летать, – усмехнулся парень, нисколько не удивившись самой этой просьбе.

– Нет, у нас веревка есть. Мы ее тут к ложу привяжем.

– К ноге только моей не привяжите, а то ведь вместе с вами улечу! А мне и здесь хорошо!

³ Вергилий, «Трактирщица», пер. С. А. Ошерова. – Прим. авт.

И двое на ложе вернулись к своим занятиям, что Виталия шокировало заметно больше, чем Алезия или юного галла. В римских провинциях тех времен гомосексуализм был делом самым обычным.

Первым за окном исчез Кари – его длинного полного имени Беторикс пока не успел запомнить. Растворился в сиреневых сумерках, словно и не было... В любую секунду ожидающий, что внизу возникнет шум погони, Беторикс напряженно ждал, но за окном было тихо. Вот веревка дернулась...

– Эй! – Алезия прикоснулась к его плечу. – Слышишь, по лестнице кто-то идет. Целая толпа!

– Следовало ожидать! Ну, не стой же!

Девушка проскользнула в окно – оно было узким, словно щель, и Тевтонский Лев усомнился, пролезет ли он сам? Плечи сдавило, словно в тисках. Не хватало еще тут застрять, как Винни-Пух в кроличьей норе!

– Эй, парни! А ну, подтолкните-ка! И закройте наконец дверь на засов. Там какой-то хмырь по всем этажам шляется, говорит, любимого увели! Здоровенный такой мужик, руки что кузнечные клещи.

– Это, верно, Вериск! Узнал, где я! – не на шутку всполошился один из «голубков». – Давай-ка поскорее запрем дверь! И еще подопрем кроватью!

– Правильное решение! – горячо одобрил Беторикс. – Никому не открывайте! Вериск – он хитрая сволочь, если ему где не открывают, так притворяется, будто беглых рабов ищет! Вы не поддавайтесь!

Наконец Виталий с помощью парней протиснулся наружу, встал на землю, осмотрелся, свистнул.

– Мы здесь! – Из-за угла махнул рукой Кариоликс.

– Ну, тогда побежали!

– А куда?

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Беглецы свернули в небольшой проулок и понеслись во всю мочь, слыша, как позади нарастают крики и истошный лай.

– Быстро они спохватились! – выругался на ходу молодой галл.

– Могли бы и быстрее, но вот что действительно плохо – собаки.

– Вон, смотрите, повозка!

– Где?

– Да вон же! – Алезия показала на запряженный парой лошадей каррентум – легкую одноколку, стоявшую у какой-то харчевни.

– Но там же возница!

– Ты что – маленький?

Вспомнив, что сейчас он не столько кандидат наук, сколько беглый гладиатор, Беторикс врезал вознице по уху. Тот, не ожидавший ничего подобного, полетел наземь, словно тряпичная кукла. Даже понять ничего не успел, как отчаянная тройца уже уселась в каррентуме. Втроем там было тесновато, да и...

– Надеюсь, кто-нибудь умеет этим управлять?

– Я умею! – Алезия схватила поводья и совершенно по-извозчичьи чмокнула. – Нно! Пошли!

Лошади рванули с места, понеслись по пологой кривой; бабушка сказочной кареты подпрыгивала на камнях мостовой, так что Виталий едва не вылетел.

– Эй, эй, Шумахер! Полегче!

Алезия только глазом повела:

– Вон та короткая рейка – тормоз. На левом колесе... Держитесь! О-оп! И на правом. Тормозит тот из вас, кому я крикну – понятно?

Нет! Ни разу не понятно! Да и не услышишь тут ничего: копыта стучат, ветер в лицо, трясет так, что себя не вспомнить. А скорость уже набрали приличную – слава богу, главная улица была шириной, по римским обычаям, метров двенадцать, есть где развернуться. Шпарили километров тридцать в час, а то и все сорок.

– Н-но! Н-но! – Алезия знай подгоняла лошадок.

И лицо у нее при этом было такое радостное – видно, нравилась ей эта бешеная скачка! И впрямь Шумахер в девушке пропадал.

– Беторикс – тормоз!

«Это я – тормоз?» – про себя обиделся Виталий, но сообразил дернуть рычаг.

Вжжжжж... Занесло – едва не перевернулись! Похоже, блондинки-водители во все эпохи одинаковы.

– Черт, сейчас же врежемся!

Уф-ф – проскочили. Буквально на одном колесе свернули. Тевтонский Лев перевел дух – погони позади было ни видно, ни слышно, а это сейчас главное! Остальное ерунда – права не отберут.

Свернув на перекрестке на точно такую же широкую улицу, Алезия снова подхлестнула коней, и коляска полетела дальше, еще увеличивая скорость и грозя опрокинуться в любой момент.

А впереди вдруг показались люди с короткими копьями, факелами – размахивали мечами и кричали.

Черт побери! Погоня. Преследователи просто срезали путь. Значит, надо бросать эту адскую колесницу и уходить огородами.

– Милая, тормозим!

– Не-ет!!! Я – возница. Делайте, что скажу. Держитесь крепче...

Что делает эта сумасшедшая? Снова подгоняет коней – а те уже понесли, пошли вразнос, ко всем дьяволам...

Ну, сейчас... прямо на копыта!

Ввуххх!!!

Издав жуткие вопли, стражники в последний момент отпрыгнули, пропуская несущуюся напролом повозку.

– Ага! – привстав, радостно закричала девчонка. – Вот вам! Прорвались. Теперь они вовек нас не догонят. Дорога-то – под уклон, к морю!

Только этого не хватало – во весь опор мчатся под уклон. Алезия вовсе не собиралась сбавлять скорость, наоборот!

– Н-но, грифоны мои! Н-но!!!

Разбегались кто куда припозднившиеся прохожие и только что заступившая ночная стража, пролеты улиц таяли в черном тумане ночи.

– Ну... все... – Валькирия с растрепанными волосами покосилась на парней и фыркнула. – Давайте оба – тормоз.

Но сначала Алезия успокоила коней – ослабила поводья, потом принялась что-то нараспев говорить; лошади сбавили шаг, и вот тогда молодые люди осторожно сдвинули тормозные рейки к ободьям. Коляска наконец замерла.

– Выходите!

– А ты?

– Я – возница!

Алезия сейчас была чудо как хороша, что разглядеть не мешала даже темнота, едва разбавленная сиянием луны и звезд.

Быстро вытащив тормоза, девушка выскочила из коляски и, с силой стегнув вожжами по крупам коней, крикнула:

– Н-но, грифоны! Н-но!

А потом, приложив руки к губам, вдруг завyla по-волчьи – утробно, протяжно и тоскливо. И кони припустили с той же прытью, несмотря на усталость.

– Ну, ты даешь! – восхитился Виталий.

– Что я даю? – не поняла девушка. – Опять эти странные выражения...

– Тсс!!! – Кариоликс, прислушавшись, прижал палец к губам. – Там...

– Слышу! Погоня. Что ж пусть бегут за лошадами. Но нам нужно и самим уходить.

Схватив девушку за руку, гладиатор увлек ее в узкую щель проулка, чувствуя, как позади тяжело сопит юный галл. Ну, Алезия! Гаишников на нее нет. Но если бы не она, если бы не коляска эта чертова...

Проулок становился все уже и уже, противоположные стенки сближались, и вскоре вся троица уперлась в тупик.

– И что? – отдышавшись, негромко спросила девушка. – Теперь до утра здесь будем сидеть?

– Неплохая мысль, – заметил галл. – Все равно ночью мы ничего не найдем. Спросить не у кого, зато велик риск нарваться на стражу.

Он говорил на галльском, но Виталий с горем пополам содержание речи понял. Спасибо Алезии, не зря учила!

– Ты не прав, Кариоликс. – Беторикс напряженно застыл, услышав отдаленный собачий лай и потом, чуть погодя, продолжил: – Утром нас будут ловить все: стража, легионеры, торговцы, мальчишки с рынка...

– Да, – поддержала Алезия. – У римлян это быстро. Объявят награду, приметы, оповестят на всех перекрестках. Все начнется прямо с утра.

– Сволочи, – юноша выругался и поежился: кроме рваных брак, на нем больше ничего не было, а ночной холод пробирал.

– Где-то в гавани лают... – Тевтонский Лев покачал головой, прислушиваясь к собачьему лаю. – Ишь, как зашлись. Ага... притихли... скулят... Кто-то их отводит?

– И пусть отводит. – Алезия прижалась к нему. – Нас им уже не достать. Прочесывать в темноте весь город стражники вряд ли будут.

– Да, вряд ли... – мягко обняв за плечи подругу, согласился Беторикс. – И эта ночь – наш единственный шанс.

– Ты знаешь, куда идти?

– Примерно. К нашему ланисте в гости – не вижу другого выхода.

– К ланисте?

– В смысле, к бывшему. К Валерию.

– Думаешь, ему можно довериться?

– А почему нет? Разве вы стали бы помогать людям, отнявшим у вас все, вернуть вашу же бывшую собственность, которая от них сбежала?

– Ах, вот ты о чем, – задумчиво протянула Алезия. – Да! Бывший ланиста вряд ли нас выдаст тем, кто его разорил и унизил. Но как нам его найти?

– Я спрашивал у Клавдия, где он живет. – Беторикс посмотрел в небо. – Но увы, мы ведь совершенно не знаем этот город... По крайней мере, я. А ты, милая?

– Я тоже плохо. Старуха Конкордия нас никуда не выпускала.

– Искать надо у гавани. Таверна при постоялом дворе называется «Сиреневый кот».

– Сиреневый? Но...

– Потому что трактирщик любит сирень и котов. Даже кормит окрестных кошек... Стоп! Молодой человек резко осекся.

– Что? Что с тобой?
– Кошки! Ну, конечно же, кошки. И собаки... Вы слышали, как они лаяли?
– Клянусь Везуцием, это верно! – ахнула Алезия. – Беторикс! Какой ты умный!
– А ты думала? Я ж почти кандидат наук! – пошутил Виталий.
– Опять странно говоришь!
– Ладно, ладно, больше не буду. Тсс... Ага... похоже, собак увели.
– Ну и как же мы теперь отыщем таверну? По кошкам?
– Именно по ним, мои догадливые друзья. Вы знаете, у котов в темноте глаза светятся, как фары!

– Как... что?
– Я хотел сказать, как звезды. Ну, пошли, пошли, что вы встали-то? Вниз, вниз – к морю. Они действительно нашли таверну благодаря кошкам! По воплям, по запаху, по бегающим светлячкам кошачьих глаз.

Ввиду позднего времени все двери и ставни уже были закрыты, но Тевтонский Лев не терял надежды.

– Может быть, стоит просто постучать? – тихонько промолвила девушка.
– Не стоит. – Гладиатор отрицательно качнул головой. – Зачем привлекать внимание хозяина или слуг? Нам нужен сам Валерий.
– И как мы к нему попадем?
– Переберемся через ограду во двор.
– А собака? Слышишь, лает?
– И вправду придется стучать, – Виталий согласно махнул рукой. – Только вы лучше отойдите в сторонку – уж больно подозрительно выглядите.
– Я подозрительно выгляжу? – Алезия немного обиделась.
– Красивая женщина ночью, одна, всегда внушает подозрение. Тем более блондинка! Привратник и слуги тебя точно запомнят.

– Но у тебя тоже светлые волосы!
– Я мужчина, к тому же слегка небрит и несколько, если так можно выразиться, потрепан. То, что нужно.

– Кому нужно-то?
– Все, друзья мои! Закрываем дискуссионный клуб. Надеюсь, Валерий еще не забыл своего дружка актера... Вон там, за деревьями, ждите. Да не вздумайте шуметь!

– Ага! Сейчас будем хором петь хвалебные песни.
Ну, Алезия, ну, язва! Снова уела. Вот, блин, нашел себе подругу...
– Ладно, сидите... Постой. Милая, дай-ка сюда плащ.
– Но он женский!
– Какая разница? Мне только голову слегка прикрыть...
– Держи, милый, пользуйся. Может, мне и тунику снять?
– Пока, я думаю, обойдемся.

Кариоликс хмыкнул и рассмеялся.
– Знаешь, Алезия... Я как-то раньше думал, что ты простая наложница.
– Ну, идите вы уже!

Дождавшись, когда двое других спрячутся, Виталий накиннул на голову край плаща и решительно забарабанил в дверь, припоминая все того же Вергилия, коего когда-то читал на капустниках. Причем не только на русском, но и в оригинале – выпендривался, стремясь произвести впечатление на одну молодую и привлекательную особу, которая потом чуть было не стала его женой, но далее...

– Какой там пес среди ночи куролесит? – минут через двадцать упорного стука нелюбезно осведомились из-за двери.

– Не пес, а славный актер и поэт! Отворяй, кабатчик!

– Сам ты кабатчик... Поэт, говоришь? А может, разбойник, вор ночной, откуда я знаю?

– Так слушай, я тебе стихи почитаю!

Как учил Эней, дай ему боги здоровья, Беторикс принял театральную позу – вдруг привратник посматривает в щель и отличается острым зрением? Луна-то сверкает, зараза, как слушайная пятерка по физкультуре в потрепанном дневнике двоечника.

– Итак... – Виталий откашлялся. – С греческой митрой во лбу Сириска-трактирщица, выпив, перед таверной своей дымной пускается в пляс...⁴

Дочитав до конца, Тевтонский Лев приосанился и хвастливо спросил:

– Ну, как?

– Плохо! – За дверью выступление не оценили. – Подвываешь много, и произношение у тебя какое-то смешное.

– Так я же грек! Эней меня зовут. Что бы ты понимал, деревенщина, на лучших сценах Афин именно так и декламируют.

– Оно и видно, что грек. Ладно, с профессией твоей мне все ясно, а вот деньги-то у тебя есть?

– Конечно!

– Ну-ка, позвени, а я послушаю!

Тевтонский Лев послушно отцепил от пояса мешочек с оставшимися монетами – хорошо, тот не потерялся в бешеной скачке, крепко-накрепко был привязан узлом под названием двойной булинь. Отвязал. Позвенел.

– Ну, ладно, входи.

Дверь со скрипом открылась. Привратник оказался вовсе не сгорбленным старым рабом, а крепким мужиком лет сорока с завитой по римской моде бородкой и хитроватым взглядом. В левой руке он держал медную лампу, в правой – увесистую дубинку: на всякий случай, на дворе-то ночь.

– Не ты ль заходил третьего дня? – с подозрением осматривая незнакомца, поинтересовался он.

– А что, господин Валерий Флакк дома? – осведомился Тевтонский Лев, будто не услышав вопроса.

– Ага! – привратник ухмыльнулся. – Я так и знал, что ты к нему. Ну... ты ведь меня разбудил, вообще-то...

Ночной визитер намек понял и протянул серебряную монетку:

– Не знаю, как зовут тебя уважаемый...

– Фелиций. – Денежка тут же исчезла. – Меня зовут Фелиций, я хозяин этого постоянного двора и таверны.

– А-а-а! Это ты любишь котов.

– Люблю, – Фелиций с некоторым смущением улыбнулся. – Когда-то бродячие коты спасли мне жизнь... Это длинная история, а то бы рассказал... Э! Послушай-ка, – трактирщик вдруг напрягся. – А ты, случайно, не беглый гладиатор? Не мое, конечно, дело, но...

– И много ты видел гладиаторов, способных читать Вергилия? – небрежно усмехнулся Виталий. – Да эти дубины ни встать, ни повернуться не умеют, а как рот разинут – хоть вон беги.

– Это правда! – Фелиций хмыкнул. – Да вот приходили стражники, предупредили про беглых.

– Беглые гладиаторы? – Беторикс в ужасе закатил глаза. – О, боги! Это они что же, сейчас где-то здесь, в городе? Шатаются по темным улицам, шарят хищными взглядами, высмат-

⁴ Вергилий, «Трактирщица», пер. С. А. Ошерова. – Прим. авт.

ривают, кого бы ограбить, убить! О Юнона! Как же я теперь пойду домой? Видно, придется остаться у Валерия до утра.

– Он там с какой-то девицей, – предупредил хозяин. – Из гавани.

– Да и где ему других взять? – снисходительно улыбнулся Виталий. – Но меня ее общество не смутит, мне ведь тоже негде взять других женщин... А ведь я мог бы... О, ты бы знал, какие женщины на меня бросали взоры, когда я...

– Да уж, да уж, – перебил кабатчик, не желая до утра слушать актерское хвастовство. – Вон по той лестнице поднимайся... Пстой! Все же невежливо будет вот так, без предупреждения... а слуги мои так крепко, сволочи, спят, не добудишься.

И этот намек визитер понял, и снова в желтом свете лампы сверкнул сестерций, на миг отразившись в алчных глазах хозяина.

– Ты постой пока тут... обожди...

Фелиций загрохотал по скрипучей лестнице, потом послышался настойчивый стук, недовольное бурчание... Гладиатор наострил уши.

– Ну, что еще за актер? А-а-а... Эней! Ну, пусть поднимается. Да, и принеси еще вина. Тот кувшин, что я прихватил вечером, уже пуст.

– Не беспокойся, все сделаю, господин.

Снова раздался скрип ступеней, потом голос:

– Эй, актер! Заходи, дружок твой, слава богам, еще не спит.

Гость поспешно поднялся и толкнул приоткрытую дверь:

– Спишь, дружище Валерий?!

– Ты?! – Бывший ланиста аж подскочил на ложе, но тут же успокоился, прикрыл одеялом сопящую рядом девчонку и, приложив палец к губам, шепнул: – Пошли в соседнюю комнату. Потолкуем. Так это, значит, тебя повсюду ловят? И почему я не удивился?

– Не только меня. – Гладиатор уселся в низкое кресло и с удовольствием отпил вина. – Я же великий актер! Этот Фелиций, – Тевтонский Лев скосил глаза на неплотно прикрытую дверь, за которой любопытный кабатчик наверняка подслушивал, – у него есть связи в гавани?

– А что?

– Да мне бы нужно в Остию, в Рим.

– На корабле?! – Валерий округлил глаза. – Это же невозможно, сезон давно закончился.

– В гавани много судов.

– Ну... кормчие ведь не самоубийцы.

– У меня еще осталось три ауреуса!

– Три золотых? – Бывший ланиста нервно рассмеялся. – Боюсь, этой суммы не хватит, чтоб уговорить даже больного на всю голову шкипера!

– А уговаривать не надо, друг мой! Надо найти. Желательно грека.

– Ну, тогда ты доберешься только до Массилии, и то в лучшем случае.

– Прекрасно! Мне почти туда и нужно.

– И вот еще что... Значит, ты все же... Да не подслушивает там никто... впрочем, я сейчас закрою дверь... – Господин Ну встал и выглянул в коридор. – Никого нет.

– Что ж, – Беторикс с улыбкой развел руками. – Тогда признаюсь: это действительно я.

– Ну ты удивил меня, Тевтонский Лев! – Валерий всплеснул руками и испуганно поежился. – Ты хоть знаешь, что бывает с теми, кто помогает беглым рабам?

– Бывшей твоей собственности, – с усмешкой продолжил беглец. – Нагло отобранной каким-то нахальным пройдохой!

– Это и в самом деле так. – Ланиста выругался. – Отомстить следует.

– Я так и думал, что ты нас не выдашь.

– Не выдам... – Валерий осклабился и вздрогнул. – Ты сказал, нас?

– Да. Там, на улице, ждут еще двое.

– Только не говори, что это Альпийский Тигр и...

– Не скажу. Это моя подруга и галльский парень, ну, тот, упрямый...

Ланиста грохнул кулаком по столу, да так, что подпрыгнули кувшин и кружки:

– Жаль, остальные не разбежались! Нет, ну ведь все же боги обо мне вспомнили, раз помогли тебе!

– Нам, – напомнил Виталий. – Мои друзья ждут на улице, а там прохаживается ночная стража. Иногда с собаками. Нам нужно переждать, отдохнуть, переодеться...

– А как же хозяин?! Впрочем, подожди-ка... – Ланиста подмигнул. – Придется снова будить трактирщика, если он спит.

– Будить трактирщика? – насторожился гость. – Зачем?

– Ну, что бы он разбудил службу.

– Ничего не понимаю!

– Ну, и не надо понимать. Где, ты говоришь, ждут твои сообщники?

– Сообщники, тьфу! – Гладиатор фыркнул. – Слово-то какое некрасивое.

– Зато верное! – веселился ланиста. – Так где они ждут-то, говори!

Нужно было решаться. Виталий улыбнулся – Гай Валерий Флакк не должен подвести, слишком уж велик соблазн устроить конкуренту пакость. Да и сам он парень неплохой, к тому же собрался уехать из этого города насовсем. Так зачем ему выдавать беглецов? За жалкую награду помогать своим же врагам? Не настолько он беден.

– Ах, Кудесник, ах, собака бесхвостая, – потирая руки, азартно приговаривал бывший владелец школы. – Вот тебе! Вот! Ну? – В дверях он обернулся.

– В кустах, напротив таверны. Там еще старый платан.

– Знаю.

– Подходя, нужно мяукнуть пару раз.

– Мяукнуть, ишь ты... Ну, ладно...

– Валерий, если нужны деньги...

– Прибереги их для корабельщиков, друг мой.

Ланиста ушел вниз по лестнице, потом послышались голоса...

– Ну, вот! – Вернувшись к столу, Валерий налил в кубки вина. – Массилия – неплохая идея! Там много купцов, хорошо знавших моего отца. Наверное, я там открою новую гладиаторскую школу... Или куплю судно – хорошую зерновую барку! Да, с кораблем будет и то меньше возни, чем с вашим братом гладиатором! Правда, пираты могут напасть... ну, об этом я подумаю на досуге. Имейте в виду: в Массилии наши пути разойдутся. Вы – сами по себе, я – сам по себе. Я выручу вас, и потом никто ничего не докажет, но где-то еще появляться в обществе беглых рабов я не могу себе позволить. Это, знаешь ли, чревато!

– Хорошо, хорошо, – улыбнулся гость. – Могу заверить, твоей помощью мы не злоупотребим.

В этот момент на лестнице послышались легкие шаги, в дверь тихонько постучали.

– Это ты, Руфус?

– Я, господин.

В комнату осторожно заглянул подросток лет пятнадцати – щуплый, хитроглазый, рыжий.

– Я их привел, господин.

– Так пусть поднимаются! – Ланиста швырнул парню дупондий. – Давно уж их ждем. Эй, Руфус, скажи хозяину, пусть пришлет еще вина и какой-нибудь еды, слышишь?

– Да, господин, скажу.

– О боги, ну наконец-то! – Вскочив, Беторикс порывисто обнял вошедшую девушку. – Как там, на улице? Все спокойно?

– Да спокойно... Не считая котов. Сальве, Валерий.

Алезия скромно поклонилась ланисте, то же самое сделал и Кариоликс, хоть и посматривал на бывшего хозяина недоверчиво.

– Прошу вас, – кивнув на стол, гостеприимно предложил ланиста. – Рассаживайтесь, кому где нравится. Уж извините – нетриклиний. Алезия, ты что так напряглась? А, понимаю – первый раз в бегах. Ну, не стоит так переживать! Все когда-то случается впервые.

И неясно было, то ли он действительно утешает, то ли издевается, скорее то и другое вместе.

– Не в этом дело, – девушка повела плечом. – Этот рыжий мальчишка такой наглый! На лестнице ко мне приставал, уговаривал утром задержаться. Денег сулил. А еще поглядывал на Кари и тоже звал к себе. Ну, после того как... Этот рыжий думает, – здесь лупанарий, что ли?

– Именно так и думает, – захохотал Валерий. – Я ведь ему сказал, будто вы оба из лупанария Кривоногого Кариска, это здесь, в гавани, самый гнусный публичный дом. И очень дешевый – по деньгам любому слуге. Нет, та девчонка, что в моей постели спит, из другого заведения, лучше.

– Девчонка? – Беторикс скосил глаза. – Она уже не спит. Что будем делать?

– А ничего! Сейчас позовем ее да устроим оргию.

– Оргию?!

– Именно так! Будем пить вино, шуметь, кричать сладострастно, иначе кабатчик точно заподозрит неладное. Подумает: ага, сидят в тишине, зачем тогда вызывать девочку с мальчиком из самого гнусного борделя?

– Да... – нерешительно кивнул Тевтонский Лев. – Но здесь же, похоже, приличный постоялый двор.

– Зато я – ланиста! А ты, друг мой, актер! Нам положено вести себя непотребно. Эй, Лания, проснись! Иди сюда, богиня моя... нет, одеваться не надо, зачем? Ах, Артемида! Нет, правда – Артемида! Богиня, богиня... На вот, испей же вина!

Ничуть не смущаясь своей наготы, гостя Господина Ну – смазливая брюнеточка с несколько отвислой грудью – подняла бокал и потянулась.

– Ах! Так и знала, что господин Валерий что-нибудь этакое придумает. Ой... – Она посмотрела на Виталий и облизнулась. – Какой красивый мужчина... и тот спящий юноша тоже ничего.

Тевтонский Лев обернулся, потрепал по плечу успевшего заснуть юного галла, но безнадежно махнул рукой: уже не разбудить, хоть из пушки пали.

– Ну и ладно, – согласилась Лания. – Двое на двое будем. Сразу вчетвером. Ну, что вы сидите-то? Раздевайтесь!

– Надо, надо, – быстро скидывая тунику, шепнул Господин Ну. – Пусть хозяин и слуги видят... Отметим все подозрения, верно?!

– Да уж... – хмыкнув, гладиатор посмотрел на Алезию.

Та, впрочем, уже раздевалась:

– Так ведь надо, да?

– Ну, конечно же, надо!

– А нельзя, чтобы мы в той комнате, а они в этой? Ну, или наоборот.

– Чего же нельзя-то? Можно!

На оргию по очереди являлись полюбоваться и сам хозяин, и слуга Руфус. Оба нарочно медлили, расставляя на столе блюда и кувшины, искоса поглядывали да ухмылялись. Виталий переживал за Алезию, но девушка справлялась с ролью дешевой проститутки на все пять с плюсом, недаром же это и была ее «первоначальная профессия» – вздрагивала, прижималась всем телом, стонала... Руфус аж рот открыл да стоял, пуская слюни... А тут еще Валерий с

Ланией дали жару, в общем, что и говорить – ночка удалась на славу. Угомонились лишь к утру, да и то ненадолго.

Проснувшись, ланиста ушел куда-то в гавань и меньше чем через час вернулся и разбудил остальных. С собой принес старую латаную одежду – туники, плащи. Особенно юному галлу требовалось изменить внешность: браки и голый торс даже здешней мягкой зимою выглядели слишком уж вызывающе.

– Так! – деятельно распоряжался ланиста. – Ты, галл, срочно помой голову, воду сейчас принесут, а потом Лания завьет тебе волосы.

А девушку придется подстричь под мальчика, так безопасней.

– Жалко, – огорчился Беторикс. – Ты как, милая, согласна?

– Раз надо – стригите, – Алезия вздохнула и тут же улыбнулась. – Волосы не зубы – отрастут.

– Мне б такую жену! – расхохотался ланиста. – На все готова.

Примерно через полчаса по многолюдной улице, ведущей в торговую гавань, важно прошеествовал элегантный молодой человек в модной золотисто-коричневой тунике и серо-голубой шерстяной палле. Сопровождали его трое слуг: дюжий малый в широком плаще, юноша с завитыми локонами и мальчик с копной кое-как подстриженных пшеничных волос. Дюжий малый нес на плече дорожный сундук, закрываясь им от слишком любопытных взглядов, юноша с локонами тащил мешок со съестными припасами, а мальчик – небольшую корзину.

– Салве, Валерий! – приветствовали ланисту знакомые. – Все богатеешь?

– Да, господа мои. Скоро покупаю доходный дом.

– Доходный дом? Хорошее дело! Послушай-ка, не продашь вон того мальчишку-раба? Я бы не поскупился.

– Извини, дружище, раб мне и самому нужен. Что же, я лично буду корзины таскать?

Из-за белого облака сверкнуло золотом солнце, отразилось в синих волнах, ударило по глазам. Прищурившись, Валерий помахал рукой знакомому стражнику:

– Салве, Мунций. Что-то в городе нынче так много ваших!

– Салве, Валерий, дружище! Ловят беглых рабов – двух гладиаторов и девчонку. Рабы, кстати, из твоей бывшей школы, один Тевтонский Лев, другого не знаю.

– Ого! Тевтонский Лев в бега подался?

– Выходит, так.

– С чего бы это?

– Так он же германец! Вот и подался на север, к своим. А других, галла с девчонкой, сманил за компанию. Кстати, ты знаешь, бракатые опять восстали!

– Да ну?! – Ланиста округлил глаза. – Вот уж, поистине, не прошло и года! А это точно? Или так, слухи?

– Точнее не бывает! Сам Цезарь срочно прервал отдых и ведет свои легионы в Кельтику.

– В Кельтику, вот как? Ну, тогда беглецам некуда деться, их очень скоро поймают.

– Я тоже так думаю, – поправив на голове шлем, ухмыльнулся страж. – Деваться-то им некуда.

Глава 10. Зима – весна 52 г. до Р. Х. Нарбонская Галлия

Сноб

Шкипер и хозяин «Посейдона», господин Амнезус Левкид – коренастый чернобородый грек, с продолговатым смуглым лицом и широкой грудью, покрытым диким темным волосом, – принадлежал к тому типу людей, редкостных смельчаков и авантюристов, кои не томились в гавани целую зиму, а надеясь на себя и милость богов, совершали каботажные плавания по всему южному побережью от Нарбо до Массилии. Правда, дальше – в Остию или Испанию не ходили, все же было страшновато.

Валерий отыскал нужного человека без особого труда: достаточно было пройти до первой же портовой таверны да расспросить кабатчика. «Посейдон» уже приготовился к отплытию и лишь дожидался попутного ветра. Приземистый корабль с заваленной кормою, именуемый корбитой, имел одну мачту, а точнее, полторы – большая, главная, гордо возвышалась посередине палубы и несла один большой прямоугольный парус из серой шерсти, вторая же – гораздо меньше по размеру и сильно наклоненная – торчала на носу. Небольшой парус на ней звался долон, или «ловитель ветра». При погрузке мачта сия частенько использовалась в качестве крана. Кормовые и носовые якоря почти не отличались от привычных Виталию, для капитана на корме имелась каюта, а матросы размещались в так называемой кастерии, коя представляла собой и кают-компанию, и склад по совместительству. Единственные пассажиры – трое беглецов и ланиста – разместились здесь же. Особо комфортных условий кастерия не предоставляла – спали на голых досках, подстелив плащи. На корме же находился алтарь, и перед отправкой господин Левкид принес в жертву Нептуну купленного в гавани гуся. Кровь сцедили в море, а тушку зажарили – на носу имелась небольшая печка, так что первый день пути не голодали. Однако Алезия не имела аппетита, ибо сильно страдала от качки, да и Валерий сидел, привалившись спиной к борту, бледный как смерть.

Кариоликс ни с кем не общался, хотя ведь, черт, знал же латынь, и Виталию приходилось отдуваться за всех. Хозяин судна оказался большим любителем поточить лясы, особенно с новыми незнакомыми людьми. Хорошо еще, говорил в основном сам господин капитан, собеседникам достаточно было иногда скромно вставлять междометия. А сказать, что рассказчиком Амнезус Левкид был довольно нудным – это еще ничего не сказать! Виталий и раньше знал подобных людей: говорят много, бессвязно, то вдруг примутся вспоминать свое прошлое, то пересказывать во всех подробностях просмотренные фильмы, а то сползут на рассуждения об историческом процессе и политике – и тут уж их никаким чертом не заткнешь, пока не завянут уши. В наше время они нашли удобный приют в Интернете, где можно делиться мудростью сразу со всем белым светом и бесконечно дискутировать с другими подобными же мудрецами. И всем хорошо: раньше в школах подобных зануд обычно били, а через сеть в морду не дашь, чем они и пользуются, зато всем прочим можно их просто игнорировать. А вот на «Посейдоне» Виталию уйти от древнеримского зануды было некуда, за что он не раз проклял свою злую долю!

– Ну, поплыли мы в Остию, о-о-от... – тянул капитан, будто давая себе время вспомнить, что там дальше. – Плыдем, плывем, а нам навстречу – зерновоз, большой такой зерновоз, о-о-от... Двухмачтовая такая корбита.

– Амнезис, ты в прошлый раз говорил, там три мачты были, – улучив момент, поправил Виталий, подавляя зевок.

Историю эту за три дня пути он слышал уже в шестой раз, и все с новыми ненужными подробностями.

– Три? Ах, ну да, три. Значит это... плывет навстречу корбита, о-о-от... А что, я это уже рассказывал?

– Так, в общих чертах. Хотелось бы послушать подробное, если тебя не затруднит. Ты так интересно рассказываешь!

– А! Вот я о том и говорю, о-о-от...

Виталий внимал греку со всем терпением, благодаря чему у того не оставалось времени, да и желания, чтобы задавать вопросы самому.

– Высадить вас в дельте Родана? А зачем вам туда? Наверное, нужно в какой-нибудь городок поблизости? То есть не вам, а вашему хозяину...

– Он мне не хозяин, а патрон. А я – клиент.

– Да понял, понял я, что ты клиент, а те двое парней – рабы. Так ваш хозя... твой патрон плывет в Массилию – видать, по делам важным, а вас отправляет... ну, скажем, в Немаус или Арелат, тоже по делам, но, уже менее важными, что и без его личного участия сладятся. Так ведь? Ну, я и говорю, о-о-от.

Не будь Виталий так измучен хозяйской болтовней, он был бы даже благодарен греку, который сам придумал им легенду. Может, и пригодится еще! К тому же теперь он стал себе более-менее четко представлять, как и куда двигаться, ибо Алезия выражалась на этот счет как-то туманно. Она вообще не любила говорить о себе – ни о своем прошлом, ни о возможном будущем. Виталий даже не понимал, кто она, собственно, такая, кем была до попадания в лупанарий? Дочкой олигарха, хозяина усадьбы, или так, из клиентов, полностью зависимых от землевладельца-аристократа людей? На подобные вопросы юная женщина отвечал уклончиво либо вообще отмалчивалась.

Итак, дальнейший путь беглецов лежал на север, вдоль бурного Родана, который впоследствии будет называться Роной, несшего свои воды с арвернских высот на юг, в Средиземное море. Всю долина Родана заселяли галльские племена, верные Риму – вольки, воконсы, гелвиены, а дальше, на север – секваны и эдуи. Верцингеторикс, правитель арвернов и предводитель всех восставших, примерно в это время должен спуститься с войском в долину Родана, желая полностью подчинить себе эдуев и битуригов, а тем самым преградить Цезарю путь к расположенным на севере легионам. Римляне, наспех собранные Цезарем, сейчас как раз в долине – направляются в земли арвернов, надеясь разбить врага и быстрым маршем воссоединиться с легионами. Беглецам предстояло идти практически вслед за теми, только не в земли арвернов, а к секванам. А еще дальше на север начнутся земли эдуев и сенонов – города Бибракте, Алезия, где-то между которыми и лежит искомая точка в пространстве.

Итак, нужно отыскать усадьбу, находящуюся примерно на равном расстоянии меж двумя крепостями, слева от дороги, если идти с севера. А если с юга, тогда, получается, справа. Знать бы еще, кто хозяин той адифиции. Ладно, отыщется, чай, не иголка... А вот что потом?

Об этом Виталий пока старался не думать – не время еще. Вернуться туда, откуда пришел, где все началось, а уж там видно будет. Если получилось попасть сюда, в Цезаревы времена, то, верно, возможен и обратный процесс. Если же нет... Но об этом думать не хотелось.

Проникшийся большой симпатией к столь хорошему слушателю как Беторикс, хозяин судна сделал крюк в дельте, высадив пассажиров напротив галло-римского городка Арелата. Но туда беглецы не пошли, а после торопливого прощания с бывшим ланистой повернули к дороге, местами уже вымощенной стараниями римлян. На многих участках она еще оставалась простой грунтовкой, однако очень приличной – широкой, с аккуратно засыпанными мелкими камешками и песком ямами.

С моря дул теплый ветер, ощутимо пахло весной – жимолостью, сладким клевером, сиренью. Вокруг зеленела свежая травка, на обработанных клочках земли бодро шли в рост озимые. Яровой клин как раз сейчас интенсивно вспахивали галльскими плугами – с большими колесами и массивным лемехом, запряженными парой быков. Пахари виднелись тут и там, а

на возвышенностях паслись стада коров и овечьи отары. Для выпаса на заливных лугах еще не настало время, не сошел паводок со своенравного красавца Родана.

Примерно с неделю путники шли по римской земле, по Нарбонской провинции с ее ухоженными чистенькими городками и многочисленными селениями по обоим берегам реки. Ночевали на постоянных дворах, а тех денег, что еще оставались у Виталия, с лихвой хватало на еду и ночлег.

Правда, на полдня пришлось задержаться в Араузио, довольно живописном местечке с белеными известью домиками и столь же белоснежным храмом Меркурия на вершине холма. Но причиной тому были вовсе не местные красоты, а, как ни странно, неподобающий гардероб наших путников! Беглецы путешествовали под видом торгового агента со слугами, который якобы намеревался скупить в Лугдунуме урожай озимых и на арендованных повозках отправить его вослед легионам. Сама по себе сия коммерческая операция была совершенно обычной, и передвигающийся пешком торговец средней руки не вызвал бы никакого удивления. Но костюмчики внушали сильные сомнения: те лохмотья, что были сейчас на беглом гладиаторе со товарищи, под определение «приличная одежда» явно не подходили. Наряды Кариоликса и Алезии блистали главным образом прорехами и заплатами, но слугам простительно. Однако в целом эта троица выглядела подозрительно – бродяги или побирушки! Однажды их, встретив по одежке, в соответствии с пословицей, не пустили на ночевку в деревню: жители бросались камнями да еще пригрозили вызвать стражников из соседнего городка.

– Гады! Сволочи! Недоумки! – оглядываясь, грозил кулаком молодой галл.

Обычно немногословный, нынче он не на шутку разошелся: один из камней угодил парню в плечо. Прочих путников, слава лесным богам, сия чаша миновала, но заставила задуматься о своем внешнем виде.

– А я вам давно говорила, надо что-то поприличней раздобыть, – ехидничала Алезия. – Удивляюсь, и как это еще нас до сих пор не схватили?

– А чего нас хватать, мы же мирные люди? – Беторикс пожал плечами. – Однако ты, милая, совершенно права – одеты мы с вами просто с вызывающей роскошью.

– С роскошью? – Галл недоуменно похлопал глазами.

– Это он так шутит, Кари! – хмыкнула девушка.

– Да я понял давно, что наш Тевтонский Лев – большой шутник, – отмахнулся юноша. – Хорошо хоть не в башку, а в плечо попали. Метко кидают, собаки!

– В цирке бы им выступать!

– Где?

Никакой крепостной стены с воротами в городке не имелось – по сути, это была просто большая деревня или, скорее, разросшийся после ухода солдат военный лагерь. Торгующую тканями лавку путники нашли сразу – спросили первого попавшегося мальчишку, он и показал:

– Вот по этой улице потом налево, а там увидите. Между харчевней и книжной лавкой.

– Ого! – неподдельно изумился Виталий. – У вас и книжная лавка есть?

– А-то! – Мальчишка приосанился. – У нас ведь тут город, не что-нибудь! Лет через двадцать не хуже Рима будет.

– Ага, ага, через двадцать лет, – с ухмылкой покивал Беторикс. – Это что, предвыборные обещания вашего магистрата?

– Болтают тут всякие, сами не знают что!

От дальнейших дебатов юный представитель местной общественности уклонился и побежал дальше по своим делам. Не все хвосты еще у местных собак пооткручены, не до разговоров тут!

Лавочник, седой старик в длинной шерстяной тунике и палле, оказался еще и портным, так что все проблемы решились одним махом. Цыкнув на Алезию, устремившуюся было сове-

товать «хозяину», Виталий принялся лично выбирать ткани, при этом с досадой жалуясь на воров – хотели, мол, смыть в реке дорожную грязь, а пока мылись, одежду и унесли, оставили вот эти лохмотья.

– Да, – сочувственно хмыкнул хозяин. – Воров здесь хватает. А что, деньги-то ваши тоже украли?

– Слава Меркурию, деньги уцелели – я их во рту держал, когда мылся.

– Вы очень предусмотрительны, уважаемый господин. Осмелюсь предположить – путешествуете по торговой части? Ах, в Лугдун... О, это большой город. Урожай озимых? Рожь покупать собираетесь? Ах, пшеницу... Бракатые могут запросто вздуть на нее цены, ведь что творится-то, знаете! Сам наместник, дай боги ему здоровья, отправился с легионами, чтобы разбить мятежников. Ведь только что их замирили, и вот опять! И чего им нейдет? Вон мы... живем себе тихо, спокойно... никто нас не грабит, все есть... Вот, хотя бы ткани – какие предпочитаете, уважаемый господин?

– А что бы вы посоветовали? Только особых изысков не надо, не хочется привлекать завистливые взгляды, знаете ли.

– Тогда вот, посмотрите – отличная шерсть, как раз на верхнюю тунику. А эта, льняная ткань – на нижнюю. Вам ведь еще и плащи нужны? С капюшонами шить?

– С капюшонами.

– Ну, что же, заходите денька через три...

– Нет, нет! – Виталий резко качнул головой. – Я не могу ждать три дня! А сегодня нельзя все сделать?

– Нельзя...

Гладиатор со вздохом вытащил оставшийся ауреус.

– Но если хорошенько подумать... Пожалуй, можно! К утру... даже к вечеру сделаю. Вы где остановились?

– Еще нигде.

– Очень советую корчму господина Лютения Марра – у него и дешево, и надежно, и вкусно кормят. Я пошлю слугу вас проводить.

– Так за заказом когда приходите? Утром?

– Пожалуй, уже и к вечеру все будет готово. Вы заглядывайте, уважаемый господин.

Уважаемый господин так и сделал, оставив Алезия и Кари отсыпаться в корчме, дабы не привлекали излишнего внимание горожан своими лохмотьями. Сам же, памятуя, что вечером здесь считается время до захода солнца, а после, как стемнеет, официально начинается ночь, вышел из корчмы пораньше. По пути все же не удержался, заглянул в книжную лавку, любопытствуя: на что похож здешний оплот культуры?

Хозяиничал в магазинчике мужчина лет двадцати пяти – услужливый, элегантный, в туго подпоясанной верхней тунике и изысканных башмаках, он производил впечатление небогатого провинциала, выбившегося в сельские учителя или агрономы своим собственным трудом, без всяких связей. Кроме книг – в эту эпоху они имели форму свитков, хранившихся в деревянных футлярах, – в лавке еще продавались канцелярские принадлежности: восковые дощечки, листы папируса, стилосы, перья, чернила.

– Желаете что-нибудь выбрать? – Вошедшего продавец встретил поклоном и самой добродетельной улыбкой. – Есть Вергилий, Теренций, Катон... Ах, вижу, вижу, риторика и поэзия вас не очень интересуют. Тогда, может быть, Плавт? О, эти старики писали очень бойко, очень. Берите, не пожалеете... – И уже потянулся к полке...

– Нет, не беспокойтесь, – поспешно остановил его Виталий. – Я просто так, посмотреть зашел.

– Ага! – Повернувшись, лавочник вдруг хлопнул в ладоши и, зачем-то понизив голос, подмигнул. – Понимаю, понимаю, к чему вы клоните... Греков вам подавай! Вам надолго?

– Почему – греков? И в каком смысле – надолго? – не понял беглец.

– Вы ведь почитать возьмете? Давайте уговоримся – на три дня. Есть у меня один грек, Аристофан...

– Аристофан?

– Вижу, вижу, за ним вы и пришли! – Продавец хитро прищурился. – Не вы первый...

Опасливо глянув на дверь, он наклонился и вытащил откуда-то из-под прилавка засаленный футляр.

– Вот он, Аристофан! «Женщины в народном собрании», «Птицы» и еще... кхе-кхе... кое-что.

– Неужели на греческом?

– Ну, что вы, конечно же на латыни. Очень добротный перевод. Вакхические сцены буквально как живые!

– Какие сцены? – Виталий уже начал понимать, к чему клонит книготорговец и что пытается ему всучить.

– Вот, у меня тут и закладки приклеены, чтобы долго не искать. – Лавочник вытащил из футляра свиток, тоже весьма потрепанный: видно, сочинения господина Аристофана (или ему приписываемые) пользовались в городке большой популярностью.

– Видите, красные ниточки – это вакхические сцены, так сказать, обычные, мужчина и женщина... Но как все описано, умм! Синие нитки – мужчина с мужчиной или с мальчиком, желтые – женщины с женщинами...

– А зеленые?

– Вот! Все про них спрашивают... Не знаю даже, как и сказать... Зеленые – это когда со скотом. Ну, с козочками там, собачками...

– О как! – Виталий откровенно развеселился. – Даже с собачками! Слушайте, а это точно Аристофан, вы ничего не путаете? Что-то я у него ничего подобного не помню.

– Вы, вероятно, не все читали.

– Истину глаголете! Такого я точно не читал!

Виталий уже собирался идти своей дорогой, оставив ушедшего продавца наслаждаться его подозрительным Аристофаном в стиле «три икса» или «только для взрослых», как вдруг в лавку ворвался запыхавшийся молодой человек самого что ни на есть деревенского вида: лошадиной кожи башмаки, торчащие из-под туники браки, на голове мохнатая шапка из козьей шкуры – кервезия. Кнут за поясом, красные руки-грабли, круглое простецкое лицо, добродушное, но с печатью тяжелой заботы.

– У вас тут этот... Аристарх есть? – с места в карьер начал парень.

– Кто-кто?

– Ну, Аристан...

– Может, Аристофан?

– Ну да, он! Давай, на три дня берем... Только поскорей, мне еще коров на пастбище гнать.

– Так ты пастух, что ли?

– Ну!

– И читать умеешь?

– Не-е-е... – словно корова, протянул любитель сценического искусства, ухмыляясь.

– Тогда зачем тебе...

– Да есть у нас грамотей! Пишет еще не очень, а читать умеет. Ну, давай же, давай... Вот тебе деньга! – Развязав кошелек-мешочек, пастух высыпал на стол горсть медных монеток. – Всем миром собирали. Хватит?

– Ладно, так и быть, бери. Только смотри, не потеряй.

– Обижаешь!

Поклонившись, парень убежал, прихватив Аристофана.

– Ну, надо же! – подивился Виталий. – Вот это пастухи у вас – Аристофана почти в подлиннике читают.

Рассеянный взгляд гладиатора упал на принадлежности для письма.

– Послушай, любезнейший... Мне бы письмо написать.

– А пожалуйста! – с готовностью откликнулся лавочник. – Вон там стол, садитесь. Все принадлежности я вам дам, а вот за папирус заплатить придется.

– Ничего, – Беторикс улыбнулся. – Заплачу.

– Тогда присаживайтесь.

Виталий уселся, разложил перед собой желтый папирусный лист, задумался... Блин, и как же у них такие грамоты назывались? Мандаты, что ли? Нет, точно не мандаты... А тогда как? Пес его... Ладно, напишем просто, без всякого заголовка:

«Грамота сия дана человеку по имени Гай Вителий Лонгин, из Медиолана, с правом представлять меня во всех торговых делах. Как он скажет – так я сам говорю. Марк Фабий Максим...»

Написав имя, Виталий хотел уже было добавить «всадник», но передумал и вывел «сенатор». Полюбовался, пока сохло – да, с «сенатором» оно куда круче вышло!

И, спрятав грамотку под одежду, наконец-то покинул книжную лавку.

Портной не обманул, заказ был готов: шесть туник (три верхние и три нижние) и три плаща с пристегивающимся капюшоном – паллы. Осмотрев вещи, Беторикс хмыкнул: вероятно, чтобы успеть за такой срок в эпоху, когда не было швейных машинок, старик засадил за работу всю женскую часть семьи, и каждую вещь шили в шесть рук одновременно, из-за чего швы получились кривоваты, стежки везде разной величины, словом, кто в лес, кто по дрова... Но сойдет для сельской местности, все уж лучше прежнего!

Получив оплату, портной лично уложил покупки в корзины и отправил с «любезнейшим господином» слуг.

– Эй, вставайте! – Первым делом Беторикс разбудил товарищей. – Обновки примерять будем.

– А что, готово уже? – Алезия заинтересованно открыла глаза. – Вот славно!

Надели, кому что подошло, хоть девушка и протестовала: мол, зеленое к голубому не подходит, а уж коричневое к лиловому – тем более. Парни лишь переглянулись да хмыкнули – вот еще, тонкости! Что за важность, какого цвета платье – лишь бы удобно было да тепло.

Кариоликсу еще купили калыцеи – слуга солидного негоцианта не должен ходить босиком. Алезия все подсмеивалась над галлом – мол, без брак коленки не мерзнут? Или другое что? Парень отмалчивался, а девчонка смеялась. Ишь, хохотушка.

Так вот, выдавая себя за римских торговцев, путники добрались до Лугдуна, города куда больше и богаче, нежели Араузио. Тут и крепостная стена имела, мощная, еще галльской постройки, со следами ремонта. Сразу можно было отличить, где римская кладка, а где поставили галлы: те строили крепости, засыпая землей и щебнем каркас из продольных и поперечных балок, скрепленных железными стержнями; таким образом, стена получалась непробиваемой, к тому же из нее торчали балки, образуя видные издали специфические квадратики.

Виталий осматривал все с интересом: помнил, что в скором времени Лугдун станет столицей новой провинции, известной впоследствии как Лугдунская Галлия. Тогда в нем появятся и амфитеатр, и акведук, и все такое прочее, хотя город и сейчас производил солидное впечатление. Бывшая галльская крепость Лугдун после захвата римлянами разрослась и погрошела. Кроме жителей, здесь находился многочисленный гарнизон – город располагался на

самой границе. А за холмами и высоким валом уже лежали чужие, «косматые» земли – территория арвернов.

Горожане даже гордились тем, что живут в приграничном, довольно опасном месте, чувствуя себя последним оплотом цивилизации, и в некоторых отношениях были куда большими римлянами, нежели сами обитатели столицы. Влияния галльских племен, аллоброгов и тех же арвернов, здесь уже почти не ощущалось, хотя Лугдун возник на рубежах их владений. Наоборот, все считали себя жителями огромной страны, будущей империи, пусть даже пока и провинциалами. Уходили или смешивались с новыми старые верования, латынь все больше вытесняла местную речь, еще бывшую в ходу у простолюдинов, но презируемую аристократией и купцами, особенно молодежью. Говорить на языке галлов, носить кервезию и браки считалось признаком отсталости. Даже уличный торговец лепешками и тот старался выглядеть, словно только что явился откуда-нибудь с Палатина или Форума Романо. Вот такие тут были нравы.

– Торговцы? Из Медиолана? – Хозяин небольшой корчмы, расположенной на виа Фамилia, прищурившись, оглядел вошедших.

Сам трактирщик выглядел типичным римлянином: никаких брак или телогреек из козьих шкур, одет в две туники, на ногах калыцеи, вот только произношение подводило: поллатыни говорил примерно так же, как и Беторикс. Круглое мосластое лицо, зачесанные на лоб темные волосы с едва заметной рыжиной, карие с хитринкой глаза, будто две букашки.

– Говорят, у вас можно недорого снять комнаты, – Виталий улыбнулся во весь рот. – Нам на пару дней. Хочу кое-что прояснить про озимые.

– А! – понятиливо кивнул хозяин. – Пшеницу хотите купить?

– Хотелось бы.

– Боюсь, вы опоздали! – Трактирщик сочувственно развел руками. – Пораньше надо было приезжать.

– Так ведь тут еще и урожай-то не собран! – удивился Беторикс. – Не юг.

– Да, не собран, – согласился хозяин. – Но уже продан почти у всех. Легионам требуется много зерна, и, уж поверьте мне, заготовители славного Цезаря времени даром не теряют, скупают все на корню.

– Могли бы просто захватить, – хмуро буркнула Алезия. – Война ведь.

– Где-то захватят, а где-то придется обходиться и тем, что есть у самих. – Трактирщик почесал за ухом. – Да и кто вам сказал, что это война? Так, задавить «косматых» мятежников... Думаю, много времени для того не потребуется.

– Полностью с вами согласен, уважаемый господин...

– Петрак. Марк Виниций Петрак, – поспешно представился хозяин. —

– А я – Гай Вителлий Лонгин.

– Значит, вам, господин Лонгин, нужна комната. Слуги пусть уж ночуют в кухне.

– Ну... хорошо, пусть так.

– И, вероятно, потребуется консультация – где что у кого купить?

– Может быть. Все зависит от оплаты.

– О, она не будет слишком большой.

– Надеюсь.

Войдя в так называемую комнату, а на деле клетушку с оконцем на задний двор, Виталий первым делом вытащил из-за пазухи «сенаторскую грамоту» и, задумчиво осмотрев помещение, спрятал ее под набитый сеном матрас, в единственное место, хоть сколько-то пригодное для сокрытия ценностей. После чего немного постоял, прикидывая планы на завтра, и, затворив за собой дверь, прошел через кухню в корчму.

Вечерело, и в закуской скапливался народ – средней руки торговцы, ремесленники, зажиточные крестьяне, продававшие на городском рынке сено, глину и скот. Люди, конечно, не богатые, но и не очень бедные, а кое-кто из них явно следил за своим внешним видом. Целая компания таких модников занимала столик в углу: завитые кудри, шитые бисером пояса, туники с узорными подолами, застегнутые изящными фибулами плащи. Фибулы, конечно, не золотые, однако позолоченные, серебряные, в римском стиле.

– Извините... – Беторикс осторожно протиснулся между модниками, чувствуя, как те провожают его насмешливыми взглядами, словно завсегдатаи столичных клубов – заезжего лоха.

Нужно было срочно поговорить хоть с кем-то, знающим приграничье, особенно с той стороны. Ведь очень скоро беглецы ступят на свободные от римского владычества земли – а что их там ждет?

– Ищите местечко? – Из полутьмы, слабо рассеиваемой светильниками, бесшумно возник хозяин. – Вон там есть свободное, пойдемте, я покажу.

Усадив гостя за стол сразу за модниками, хозяин самолично принес пиво в большой деревянной кружке. Именно любовью к пиву провинция и отличалась от Рима – выращивать здесь виноград римляне запрещали, вполне обоснованно опасаясь конкуренции, поэтому вино было дорогим.

– Хорошее пиво! – Виталий с улыбкой протянул трактирщику дупондий, подумал и дал еще один. – Слуг моих покормите.

– Обязательно! – тряхнул рыжеватой челкой хозяин корчмы.

Он же и посадил к гостю какого-то мелкого зерноторговца, который принялся долго и утомительно рассуждать о яровых, чем даже напомнил корабельщика-грека, не к ночи будь помянут.

Ничего толкового Беторикс от него не узнал и поспешил откланяться, надеясь, что больше пользы принесет разговор с самим хозяином корчмы – завтра с утра, когда тот будет посвободнее.

– Что ж, уважаемый, мне пора! – Поднявшись, Беторикс вежливо поклонился и снова протиснулся рядом с модниками.

Те снова смерили его пристальными взглядами. И чего смотрят, паразиты? Может, дыра на заднице?

– Алезий! – пройдя на кухню, тихонько позвал Беторикс, придав имени своей подруги форму, больше подходящую для ее роли мальчика. – Зайди ко мне, как доешь.

– Зайду! – Девчонка кивнула, за обе щеки уписывая типичную римскую оцеллу – лепешку с оливками и тертым сыром.

В своей комнатухе Виталий тут же стащил с себя плащ и верхнюю тунику, силясь рассмотреть, пока еще не стемнело, что с ними не так. Да нет, на вид все в порядке. И над чем же тогда эти чертовы щеголи смеялись? Может, он что-то не так застегнул или складки неправильно заложил? Еще как-то нарушил местный этикет? Да нет, Алезия и Кари подсказали бы.

– Звал, Беторикс?

– Алезия? Ну, заходи, заходи, чего на пороге встала?

– Боюсь... Ты ведь, мой господин, не совсем одет.

– Издеваться вот только не надо, а? Никогда не видела, что ли?

– Ко мне сейчас один хмырь пристаивал – то ли повар, то ли привратник.

– С чем пристаивал?! – насторожился Виталий. – Расспрашивал?

– Не в том смысле, – девушка хмыкнула. – Красивый мальчик ему понравился.

– Так оставайся на ночь у меня. А то еще руками полезет и нащупает что-нибудь не то!

– Пожалуй, останусь. И дверь чем-нибудь подопрем.

– Тут особо нечем, кроме кровати.

– Кровать подойдет. И ставень закрой.

Виталий прикрыл окошко, и сразу стало темно.

Алезия сняла тунику. Усевшись на край ложа, Беторикс протянул руку и сразу коснулся теплой нежной кожи... Бедро... а это – талия, животик... Грудь...

– Ах, милый... Мы с тобой так давно не делали этого!

Еще бы не давно – дня три уже прошло. В дороге кругом люди, и сразу станет ясно, что это вовсе не мальчик...

– О, Боги... как мне хорошо с тобой... – прошептал Виталий и с жаром поцеловал девушку в губы...

Неземное блаженство накрыло обоих горячей волною, столь же могучей, как вечный космос, тела их сплелись, прижались друг к другу с такой силой и страстью, что, казалось, стали наконец одним целым.

– Милый... милый... – закатив глаза, шептала Алезия, Виталий же ничего не говорил, чувствуя себя на седьмом небе от счастья.

И все же разобрал, что кто-то вроде бы толкнулся в дверь снаружи. Или показалось?

Однако Алезия тоже что-то такое почувствовала.

– Слышишь, милый... Мне почему-то кажется, здесь что-то не так. Не могу пока сказать, что... Но я чувствую опасность! Клянусь Сегомом, Рудианом и всеми богинями рек, может быть, нам стоит убраться отсюда пораньше?

Виталий лишь головой покачал: чего она выдумывает?

– Позавтракаем, узнаем, что надо, и уйдем.

– Давно хотела сказать, – продолжала неугомонная Алезия. – Надо нам знак условный придумать, чтобы предупреждать друг друга об опасности и сразу всех не схватили.

– Ладно, ладно, согласен! – Беторикс успокаивающе погладил подругу по плечу. – Предлагаю кричать «Пожар!»

– А почему пожар? – удивилась Алезия.

– Потому что это слово всегда привлекает внимание, – лаская девушке грудь, расслабленно прошептал гладиатор. – И все начнут суетиться, а не только мы...

– Слушай...

– Все, хватит болтать, спи уже. А не то... Вот сейчас кого-то за ухо укушу! А-ам!

– Ай, ай... не надо-о-о...

– А-ам...

– Ой... милый... ах...

Утром, едва рассвело, беглый гладиатор покинул комнатку первым. На кухне уже вовсю суетились, чистили котлы, затапливали полукруглую печь, начинали варить, парить, жарить. Хозяин тоже был здесь.

– А, господин Вителий! – оглянувшись, улыбнулся трактирщик, и эта слишком уж широкая ухмылка его показалась постояльцу не вполне искренней.

Впрочем, а может ли кабатчик вообще быть искренним?

– Вы спрашивали вчера о знающих людях... Там, в трапезной, уже сидит один такой.

– В трапезной?

– Да-да, проходите.

За столиком, напротив распахнутой в туманное утро двери, расположился мужчина лет тридцати, того скучновато-официального вида, каким отличаются прокуроры, адвокаты и судейские. Обычное продолговатое лицо, высокий лоб с большими залысинами, аккуратно выбритый подбородок, поверх шерстяной туники – палла с откинутым капюшоном.

– Салве. Это вы меня ждете? – подойдя ближе, осведомился молодой человек.

Незнакомец тут же поднялся:

– Господин Вителий Лонгин из Медиолана?

– Это я.

– Пойдемте.

– Но позвольте, куда?

– Просто выйдем на улицу, здесь слишком дымно.

Он был прав – слуги наконец растопили печь, как следует, и в залу клубами валил едкий дым.

Нежданный посетитель вышел первым, и Беторикс, пожав плечами, последовал за ним в серый утренний туман, промозглый и липкий.

Оп!!!

Не успел «торговец из Медиолана» сделать и пары шагов, как тут же оказался схвачен четырьмя молодцами, выскочившими прямо из тумана! Двое сразу же заломили Виталию руки, двое других приставили кинжалы к груди.

– Вырваться не советую, – с усмешкой произнес незнакомец. – Я – Деций Карнувий Амброз, волею господина наместника помощник эдила.

Ах, вот оно что! Помощник эдила – и судейский, и полицейский, и следователь в одном флаконе! Интре-е-есно... за каким же хреном его принесло? Постановление о розыске беглых явно сюда не дошло: где Нарбо и где Лугдун?! А ведь ни телеграфа, ни телефона, ни тем более сотовой связи тут нет пока.

– Мы ничего противозаконного не сделали! Я – римский гражданин!

– Никто вас и не обвиняет, – отмахнулся помощник эдила. – По крайней мере пока. Просто нужно кое в чем разобраться.

– А коли так, то зачем сразу руки крутить? – скептически хмыкнув, Виталий посмотрел на ярко-оранжевое солнце, пробивающееся сквозь облака и туман, и вдруг истошно заорал:

– Пожа-а-ар! Пожа-а-ар! Пожар, люди добрые! Спасайся кто может!

– Помолчите, – холодно приказал судейский. – Никакой это не пожар, а просто рассвет. Хотя чем-то похоже, будто крыша горит. Но никогда не следует паниковать раньше времени.

– Да-да, – задержанный охотно кивнул. – Теперь я и сам вижу, что не прав.

– Надеюсь, именно в таком духе и пройдет вся наша беседа, – неожиданно улыбнулся помощник эдила. – Элой, Витеган! Общайте здесь все и захватите слуг. У вас ведь есть слуги, господин Вителий Лонгин?

– Да, конечно. Боюсь только, что вы их уже не застанете: они обычно встают ни свет ни заря и где-то рыщут в поисках пропитания.

– Вы что же их, совсем не кормите?

– Это же не рабы, а наемники, – пожал плечами Виталий. – Зачем мне их кормить? Достаточно и того, что я им плачу, поверьте, не так уж и мало.

– Что ж, логично. Идем.

– Господин Карнувий! – Из корчмы выглянул один из стражников. – Так нам слуг-то искать?

– Ищите. Явитесь с докладом в четвертом часу дня!

Часов в десять – машинально перевел Виталий. Не шибко-то много времени дал господин следователь своим людям.

– Но господин...

– Что еще? – Помощник эдила оглянулся с явным раздражением.

– Откуда же мы узнаем время?

– На площади Юпитера, к вашему сведению, установлены прекрасные часы!

– Господи-ин... А если не будет солнца?

– Все! Надоело уже слушать ваше нытье! – не выдержав, рыкнул Карнувий. – А ну, живо принимайтесь за дело! Вот ведь, послали боги сотрудищников.

Присутствие – или как тут именовали подобные места? – находилось в небольшой базилике, располагавшейся недалеко от корчмы. Снаружи угрюмая желтовато-серая штукатурка, внутри зал с колоннадой, мраморные скамьи, стол, за которым виднелось невысокое кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.